

УДК 91

У
А 91

В. И. АСТАХОВ

КУРС ЛЕКЦИЙ
ПО РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

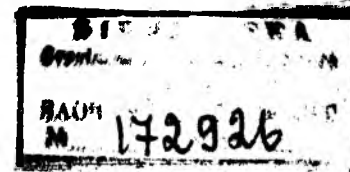
В. И. АСТАХОВ

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(ЭПОХА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА)

*Допущено Министерством высшего и среднего специального
образования УССР в качестве учебного пособия для студентов
университетов УССР*

ГАЗКОВА БІБЛІОТЕКА
ЧЕРНІВЕЦЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени А. М. ГОРЬКОГО
Харьков 1962

Учебное пособие по русской историографии содержит одиннадцать лекций, в которых освещается история русской исторической науки во второй половине XIX века.

В книге показано как в процессе борьбы революционно-демократического, а затем марксистского направлений с дворянско-буржуазной наукой создавались предпосылки к возникновению и утверждению подлинно научного материалистического понимания отечественной истории.

Автор обращает преимущественное внимание на слабо изученные и освещенные темы.

Учебное пособие рассчитано на преподавателей и студентов исторических факультетов университетов и пединститутов, а также всех интересующихся русской историографией.

Ответственный редактор
проф. С. М. Королевский.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемая вторая часть учебного пособия по русской историографии является продолжением первой, изданной в 1959 году¹.

Повышенный интерес и углубленное изучение истории русской исторической науки, обозначившиеся в последние годы (выход второго тома академического издания «Очерков», учебного пособия «Историография истории СССР» и курса лекций по русской историографии эпохи империализма)², заставили автора отказаться от первоначального намерения опубликовать в качестве второй части имеющиеся стенограммы лекций с 1861 по 1917 год. Необходимость более глубокого изучения и освещения основных, проблемных вопросов обусловила выделение второй половины XIX века, как важного периода в развитии русской историографии, когда завершалось развитие буржуазной идеалистической исторической мысли и был заложен фундамент марксистско-ленинской материалистической науки. Серьезное внимание при этом было обращено на мало изученные и освещенные темы, такие как исторические взгляды А. П. Щапова, Н. И. Костомарова, развитие концепции С. М. Соловьева после 1861 года, эволюция взглядов В. О. Ключевского.

Главной задачей данного раздела курса русской историографии является показ настойчивых поисков путей к подлинно научному материалистическому пониманию русской истории и вызревания предпосылок к созданию марксистско-ленинской исторической науки, творцом которой в нашей стране был В. И. Ленин.

Автор искренне благодарен всем, высказавшим критические замечания по первой части курса, особенно коллективу кафедры истории СССР Харьковского государственного университета, оказавшему большую помощь в подготовке настоящей книги.

¹ См. В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. I, (До середины XIX века), Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1959.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, под ред. М. В. Нечкиной (главный редактор), М. Н. Тихомирова, С. М. Дубровского, М. А. Алпатовой, Б. Г. Вебера, А. М. Станиславской, М., Изд-во АН СССР, 1960; Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева, М., Соцэкгиз, 1961; А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Курс лекций. Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1962.

ЛЕКЦИЯ 1

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПОХИ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ 60—90-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Особенности социально-экономического развития. Отражение классовых противоречий в исторической науке. Общая характеристика различных направлений. Возникновение марксизма — величайший революционный переворот в историографии. Развитие и распространение исторических знаний в пореформенный период. Исторические журналы и библиография. Возникновение специальных и вспомогательных исторических дисциплин.

Вторая половина XIX века, открывшая новый период в истории России — период победы и утверждения капиталистической формации, является новым важным этапом в русской историографии.

Дальнейшее развитие исторической науки на этом этапе было связано прежде всего с утверждением революционно-демократического и возникновением марксистского понимания истории.

Подлинно научное, марксистско-ленинское направление в русской исторической науке росло и крепло в упорной борьбе с враждебными течениями. Такими течениями были продолжавшая развиваться буржуазная наука и сливавшаяся постепенно с ней дворянская, которая, несмотря на привилегированное положение, находилась в состоянии глубокого кризиса.

Борьба возникших и быстро растущих марксистских начал с господствующей, но постепенно дряхлеющей буржуазно-дворянской историографией протекала в сложных условиях. Процесс разложения феодально-крепостнического строя и развития капиталистических отношений, резкое обострение классовых противоречий, приведшее к революционной ситуации 1859—1861 гг., поставили перед Россией историческую задачу ликвидации крепостного права.

Вслед за отменой крепостного права в 1861 г. самодержавное правительство было вынуждено провести ряд буржуазных реформ 60—70-х годов, которые обеспечили утверждение капиталистической формации в стране и определили эволюцию царизма по пути превращения его в буржуазную монархию.

Новые производственные отношения способствовали быстрому развитию капитализма во всех отраслях народного хозяйства. Однако темпы развития капитализма в стране тормозили феодально-крепостнические пережитки, экономической основой которых было помещичье землевладение и связанное с ним политическое господство дворянского класса.

Крестьяне, ограбленные реформой 1861 года и несшие двойное бремя — бремя феодальной и капиталистической эксплуатации, продолжали упорную борьбу против помещиков и царизма за полную ликвидацию остатков крепостничества. Борьбу крестьянства идейно возглавляли революционеры-демократы, начиная с Чернышевского и кончая революционными народниками.

Одновременно с крестьянским движением за землю, по мере формирования промышленного пролетариата, в стране разгоралась вторая социальная война, война между новыми классами капиталистического общества — пролетариатом и буржуазией.

В пореформенной России имели место противоречия и между двумя эксплуататорскими классами: растущей буржуазией, которая постепенно захватывала ключевые позиции в экономике, и помещиками, которые сохраняли политическую власть и огромные земельные владения. Это были не антагонистические противоречия. Помещики и самодержавное государство поддерживали буржуазию, а последняя, смертельно боясь революционного движения трудящихся, была не только не способна к решительной политической борьбе с царизмом и помещиками, но охотно шла на соглашение с ними.

Против исторического анахронизма — самодержавной власти, ставшей тормозом экономического, политического и духовного развития России, выступал пролетариат, широкие слои крестьянства и угнетенных национальностей, революционно-демократическая часть интеллигенции. Обострение классовой борьбы, выражавшееся в росте крестьянского движения и усилении революционно-демократической агитации, первые выступления рабочих привели к тому, что в 1879—1880 гг., в стране вновь сложилась революционная ситуация.

Вторая революционная ситуация 1879—1880 гг., как и первая, не переросла в революцию. В стране не было силы, которая могла бы организовать и повести на революцию трудящиеся массы. Русская буржуазия стала еще в период реформы 1861 года на соглашательский путь с царизмом, а пролетариат не имел необходимой организованности и политической сознательности.

В таких условиях царизм от политики либеральных буржуазно-помещичьих реформ шаркнул в сторону реакционных контрреформ 80-х годов. Однако и они были бессильны остановить развитие революционного движения в стране.

Революционная ситуация 1879—1880 гг., несмотря на последовавшие за ней реакционные меры царизма, сыграла большую роль в дальнейшем развитии освободительного движения России. Во-первых, она обнажила гнилость и историческую обреченность самодержавной власти и помещичьего класса; во-вторых, вскрыла политическую дряблость и неспособность либеральной буржуазии к решительным преобразованиям; и в-третьих, показав непригодность народнической теории и ошибочность революционной тактики народников 70-х годов, она свидетельствовала о том, что насущной потребностью дальнейшего развития революционной борьбы стало создание пролетарской организации, вооруженной подлинно научной революционной теорией.

Это было исторически назревшим еще и потому, что центр революционно-демократического движения переместился из Западной Европы на Восток и Россия, как писали в 1882 г. Маркс и Энгельс, представляла «собой передовой отряд революционного движения в Европе»¹.

По мере роста рабочего движения широкое распространение в России получали идеи научного социализма. Возникали первые рабочие организации, и социал-демократические кружки. Выступления пролетариата начинали приобретать массовый, организованный характер.

В 1895 г. В. И. Ленин создал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который вошел в историю освободительного движения как первый серьезный зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение. «Союз борьбы», руководимый гениальным вождем российского пролетариата В. И. Лениным, осуществил переход от узкой кружковой пропаганды к массовой политической агитации, впервые в России соединил социализм с рабочим движением и тем самым открыл новый, пролетарский период революционной борьбы.

Утверждение капиталистической формации, обострение социально-экономических противоречий и революционное движение трудящихся масс Российской империи во второй половине XIX в. нашли отражение в области идеологии и в том числе в историографии.

Развитие исторической науки в указанный период определялось взаимодействием и острой борьбой двух основных факторов, отражающих сущность социальных отношений и классовую борьбу. С одной стороны, реакционной политикой царизма, охранительной, религиозно-идеалистической идеологией господствующих классов, давлением грубой силы чиновничье-бюрократической машины самодержавного государства, с другой —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Предисловие к русскому изданию 1882 года. В кн.: «Избр. произв. в двух томах», т. I, М., Госполитиздат, 1949, стр. 3.

бурным ростом освободительного движения и могущественным влиянием передовых революционно-демократических, а затем марксистско-ленинских идей.

Если первый фактор определял характер деятельности и политическую направленность либерально-буржуазных и реакционно-помещичьих историков, составлявших общий монархический лагерь, то влиянием второго объясняется наличие революционно-демократического течения в историографии и, главное, возникновение материалистического понимания истории, означавшего начало коренного переворота в исторической науке.

Вся деятельность передовых представителей революционно-демократического, а затем марксистского направления в историографии протекала в упорной борьбе с представителями либерально-монархического лагеря, отражая в исторической науке интересы эксплуатируемого большинства. Их было немного, они были в опале, но за ними было будущее.

Буржуазно-помещичьи историки, наоборот, преобладали, занимали командные позиции, но в своем упорном стремлении отстоять с помощью истории отживший самодержавно-крепостнический строй, они, несмотря на отдельные достижения, завели к концу столетия дореволюционную официальную историческую науку в глубокий идеалистический тупик.

Конечно, рассматривая различные направления русской историографии второй половины XIX века, мы должны учитывать, что работы передовых представителей исторической науки, их демократические, революционные идеи не доходили до тех, чьи интересы они отражали. Широким народным массам были недоступны произведения Чернышевского, Щапова или Плеханова.

Самодержавно-крепостнический строй, лишив трудящихся элементарных политических и гражданских свобод, обрекал их на жестокую эксплуатацию и нищету, преграждал девяти десяткам населения России путь к образованию, науке и культуре. Рассматривая историческую науку как идеологическую опору существующего строя, царизм и господствующие классы стремились превратить ее в орудие эксплуатации трудящихся. Поэтому они поддерживали и насаждали такую науку, в основе которой были монархические, идеалистические идеи. Преграждая всеми средствами цензурно-полицейских бюрократических учреждений проникновение в Россию революционных идей марксизма, царизм поощрял развитие реакционных начал западноевропейской науки. Смертельно боясь роста передовой революционной науки, самодержавное правительство преследовало ее прогрессивных представителей. Административные и судебные преследования, цензурные гонения и бюрократические притеснения — весь охранительно-карательный аппарат цариз-

ма обрушивался на передовых представителей исторической науки.

Однако лучшие из них, выступая в защиту интересов крестьянских, а затем и пролетарских масс, сумели и в этих условиях создать и противопоставить идеалистически-клерикальной науке господствующих классов подлинно демократическую, революционную науку.

В предыдущих лекциях было рассмотрено возникновение революционно-демократического понимания истории в работах Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова в дореформенный период¹.

В 60—90-е годы XIX ст., наряду с продолжавшейся деятельностью Чернышевского, прогрессивный вклад в развитие общественно-политической, философской и исторической мысли внесли А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич, М. А. Антонович, Д. И. Писарев.

Деятельность первого русского профессионального историка-демократа А. П. Щапова, который принадлежал к революционно-демократическому лагерю, — яркий пример, свидетельствующий не только о жизненности передовой, прогрессивного направления, но и о дальнейшем развитии и влиянии его на профессиональную историческую науку.

Отличительной особенностью представителей революционно-демократического течения в пореформенный период, по словам В. И. Ленина, было то, что это были «революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер»².

Отстаивая в исторической науке интересы крестьянских масс, революционеры-демократы стремились показать решающую роль народа в истории, вскрывали монархическую сущность дворянско-буржуазной историографии и противопоставляли ей свое, революционное понимание общественного развития.

Революционно-демократическая концепция истории, созданная Чернышевским и его соратниками в середине XIX в., несмотря на общую идеалистическую основу, содержала зачатки исторического материализма.

Учение Чернышевского о единстве закономерности исторического прогресса, в основе которого лежала идея противоречивого революционного развития, было высшим достижением не только русской, но и западноевропейской историографии домарксистского периода. Имея в виду прежде всего это, Энгельс в письме к Паприц от 26 июня 1884 г. писал о превосходстве

¹ См. В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. I, стр. 211—283.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

русской исторической школы над французской и немецкой официальной историографией¹.

При рассмотрении основных направлений русской историографии пореформенного периода, исторической проблематики, толкования узловых вопросов русской истории и отношения к источникам, недостаточно показать превосходство революционно-демократического направления над дворянским и буржуазным. Необходимо подчеркнуть, что революционеры-демократы были в области истории ближайшими предшественниками марксизма и своей борьбой с буржуазно-дворянской наукой расчищали почву для утверждения материалистической теории познания истории.

Дворянские историки, хотя и продолжали занимать привилегированное положение, не могли, сами по себе, создать ничего положительного. Обнаружив реакционные начала еще в дореформенный период, дворянская историография отражала кризис крепостнической идеологии и ту эволюцию помещичьего класса, которая характерна для него в капиталистических условиях.

В пореформенный период продолжали свою деятельность в русле официальной реакционно-монархической идеологии М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов. Их отличали: повышенный интерес к политической истории, безудержное восхваление самодержавной власти, откровенные охранительные тенденции, ненависть к представителям революционно-демократического лагеря.

Одновременно с представителями старшего поколения дворянских историков, писавших по старым, дореформенным самодержавно-крепостническим канонам, в дворянскую науку 60—90-х годов пришли историки Д. И. Иловыйский, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. Ф. Дубровин, которые уже не могли удержаться на чисто дворянских позициях и отразили в своих работах влияние буржуазной историографии.

Своеобразным и новым явлением в развитии официальной исторической науки рассматриваемого периода было сближение дворянской и буржуазной историографии. Как правильно отмечает В. Е. Иллерицкий, «процесс этот был двусторонним: дворянские историки испытывали воздействие со стороны буржуазной историографии, буржуазные же историки, в свою очередь, воспринимали некоторые принципы дворянской историографии»².

Общей политической основой такого сближения была защита самодержавной власти, страх перед растущим революционным движением, борьба с революционно-демократическими, а затем марксистскими идеями.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 30.

² Историография истории СССР, стр. 275.

Свидетельством упадка и бесплодия пореформенной дворянской науки была деятельность историков вроде Н. К. Шальдера, которые ограничивали себя трудами по истории отдельных самодержцев.

В целом дворянская наука эпохи промышленного капитализма была пройденным этапом, вчерашним днем в русской историографии.

Конечно, и буржуазная наука не развивалась по непрерывной восходящей линии. Сложившись еще в первой половине XIX века, она нашла в капиталистической России относительно благоприятные условия для своего утверждения в качестве господствующего направления в академической науке. Она же стала главным противником революционно-демократического и марксистского направлений.

В силу особенностей русской истории буржуазия в нашей стране так и не стала революционной силой. Еще не добившись ни экономического, ни политического господства, она перед лицом острых классовых противоречий в годы реформы пошла на компромисс с помещиками и царем и фактически уже тогда оказалась на консервативных позициях. Следовательно, процесс утверждения и победы капиталистической формации содержал в себе осязаемые черты либеральной непоследовательности буржуазной идеологии, наложившей отпечаток внутренней противоречивости и на развитие буржуазной исторической науки.

Философской основой этой науки в пореформенный период стала система позитивизма, создателем которой был Огюст Конт (1798—1857), автор шеститомного «Курса позитивной философии».

Возникшая в Западной Европе в период победы и утверждения капиталистического способа производства, позитивистская теория была одной из разновидностей идеализма. Основные тезисы позитивистской доктрины — отождествление объекта научного знания с ощущениями и отрицание познаваемости сущности явлений были заимствованы у субъективного идеалиста Д. Беркли и агностика Д. Юма. Заявив, что его система стоит над идеализмом и материализмом и что «наука заменяет собой философию», О. Конт фактически переносил субъективный идеализм и агностицизм в науку, подрывал ее познавательную ценность и открывал путь религиозному объяснению действительности.

Общественное развитие, по Конту, — плавная, бесконфликтная эволюция, постепенный переход общества от примитивного состояния к высшим формам. Отводя в такой постепенной эволюции определенное место географической среде, климатическим условиям, плотности населения и расовым признакам,

Конт считал решающей силой общественного прогресса разум, идеи.

Рассматривая историю познания природы как последовательную смену «трех состояний человеческого ума» — теологического, метафизического и позитивного, Конт ставил исторический процесс в зависимость от их смены.

Человеческое общество, возникшее из семейных связей, согласно его теории, проходит три стадии: военную, переходную, научно-промышленную, которые соответствуют теологической, метафизической и позитивной стадиям развития ума. Последняя и есть высшая ступень общественной эволюции, означающая идеальное «статическое» состояние общества. Считая «промышленную», или капиталистическую, стадию вершиной, Конт был откровенным апологетом буржуазного строя, демонстрирующим сугубую метафизичность своей теории.

Весь смысл теоретической и практической деятельности Конт видел в борьбе с материализмом, в ликвидации «революционного духа» и укреплении капиталистического строя. Не случайно эта идеалистическая теория была взята на вооружение русскими буржуазными историками в эпоху утверждения капитализма в России.

Таким образом, если консервативная политическая позиция русской буржуазии предопределяла, то позитивистская философия усиливала противоречивый характер развития буржуазной историографии 60—90-х годов.

В этот период С. М. Соловьев создает свою «Историю России» — высшее достижение русской либерально-буржуазной науки. В. О. Ключевский — последний крупнейший буржуазный историк — обращается к изучению социально-экономической истории. Своими яркими, оригинальными исследованиями он безусловно способствовал более углубленному познанию отдельных сторон отечественной истории, и в этом смысле его деятельность была последним звеном восходящей буржуазной науки. Однако в его работах уже содержалось отрицание единства закономерностей русской и западноевропейской истории, значительно ярче, чем у Соловьева, обозначился антидемократизм и великодержавный шовинизм.

Попытки Н. И. Костомарова поставить и решить злободневные вопросы истории народной жизни и народных движений были методологически беспомощны и не выходили за пределы культурно-бытовой характеристики и романтически выписанных картин разбушевавшегося «неистовства черни».

Наиболее ярким показателем внутренней противоречивости и закономерной эволюции буржуазной историографии в направлении сближения с дворянской являлось окончательное оформление государственной школы как главного направления в академической науке. В работах ее представителей Б. Н. Чичери-

на, К. Д. Кавелина, В. И. Сергеевича и других, как в фокусе, концентрировались политические вождения либеральной буржуазии и реакционного дворянства. И те и другие стремились найти в сильной государственной власти надежную защиту от растущего революционного движения народа. Отсюда вытекала главная черта государственников — откровенная, идеализация самодержавной власти как единственной движущей силы истории.

Несмотря на определенные достижения в изучении юридически-правовой истории, в показе роли сословий и государственных учреждений, в целом государственники уводили историческую науку от познания внутренних закономерностей исторического развития в сторону чисто внешней, формально-правовой интерпретации истории.

В узких идеалистических рамках государственной школы, с ее преувеличенным вниманием к государству, не было, да и не могло быть места творческой роли народных масс. В подмене истории народа историей государства был главный политический смысл государственного направления в русской историографии, противостоящего революционно-демократическому, а затем материалистическому пониманию истории.

В подобной политической тенденциозности причина популярности государственной теории в академической историографии, секрет ее серьезного влияния на Соловьева, Ключевского, Милюкова и др. Даже такой, внешне далекий от государственной школы историк, как Костомаров, с его националистической оппозиционностью к русскому самодержавию и стремлением к изучению истории народа, не смог выскочить из этой наезженной колеи официальной историографии.

Своеобразным отражением буржуазной идеологии в пореформенной историографии было мелкобуржуазное народническое течение.

Противоречивость и непоследовательность социологической теории народничества, по словам В. И. Ленина, были обусловлены двойственным положением «мелкого производителя, который является элементом прогрессивным, поскольку он начинает... «дифференцироваться от общества», — и элементом реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкого хозяина, и старается задержать экономическое развитие»¹. Изучая историю русского крестьянства, рабочего класса и освободительного движения, либерально-народнические историки, и прежде всего В. И. Семевский, внесли определенный положительный вклад в науку.

Однако в решении столь актуальных проблем они не смогли подняться выше уровня либерально-буржуазной науки и той же

государственной школы. Сделав шаг назад от революционно-демократических принципов Чернышевского к субъективному идеализму Н. К. Михайловского, либерально-народнические историки растворили историю трудящихся масс в истории государства, а развитие освободительной борьбы свели к истории общественных идей.

Вскрывая общую классовую природу народнической и буржуазной идеологии, В. И. Ленин писал: «Как в жизни мелкий производитель сливается с буржуазией наличием обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева, — так идеолог мелкого производителя сливается с либералом, ...как мелкий производитель неспособен бороться с буржуазией и уповает на такие меры помощи, как уменьшение податей, увеличение земли и т. п. — так народник доверяет либеральному «обществу» и его подернутой «нескончаемой фальшью и лицемерием» болтовне о «народе»¹.

Следовательно, ни буржуазная, ни народническая, ни тем более дворянская наука не могли в капиталистических условиях, осложненных крепостническими пережитками, создать подлинно научную концепцию русской истории.

Новые пути в русской историографии были связаны с утверждением пролетарского класса и его передовой, прогрессивной идеологии.

Теория исторического материализма, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, была исходным пунктом величайшего революционного переворота, положившего начало материалистическому периоду в русской историографии.

Заслуга основоположников теории исторического материализма не только в ее создании, но и в том, что они первыми начали изучать историю России на основе этой подлинно научной теории. Маркс «прямо дал ответ на вопрос, — писал В. И. Ленин, — какое приложение может иметь его теория к России»².

Первые шаги марксистской историографии в России относятся к началу 80-х годов.

Хронологически истоки русской марксистской историографии совпадают с заключительным этапом разночинного движения и начальным этапом распространения марксизма в России и определяются временем от возникновения марксистских групп до появления работ В. И. Ленина (1883—1894).

Первым последователем К. Маркса в России был Г. В. Плеханов, начавший не только пропагандировать теорию истори-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 419.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 402.

² Там же, стр. 274.

ческого материализма, но и изучать на этой основе отдельные стороны русского исторического процесса.

Опираясь на революционно-демократические традиции Чернышевского, использовав положительное в деятельности Плеханова, В. И. Ленин в 90-е годы поднял знамя материалистического понимания истории в нашей стране.

Значение этого величайшего подвига не только в развитии и обогащении теории исторического материализма Маркса и Энгельса, а прежде всего в том, что В. И. Ленин создал стройную научную концепцию русской истории. Это было начало нового, ленинского этапа в развитии русской и мировой исторической науки, связанного уже с эпохой империализма.

Таким образом, вполне правомерно считать 60—90-е годы в русской историографии переходным периодом, в течение которого завершалось развитие буржуазной идеалистической исторической мысли и в то же время закладывался фундамент марксистско-ленинской материалистической науки.

Но, говоря о симптомах кризиса буржуазной исторической мысли, эклектичности ее философских, теоретических основ, постепенном уходе от проблемы исторического синтеза, было бы односторонним и неверным не видеть значительных достижений буржуазных ученых в пореформенный период.

Они выражались в постановке и конкретном изучении новых важных проблем отечественной истории, прежде всего социально-экономического характера. История крепостного права, развитие промышленности, внутренняя и внешняя торговля, происхождение сословий, история государственной власти и органов местного самоуправления, вопросы местной истории, культурно-бытовой истории народа и другие проблемы изучались в это время на основе широкого круга разнообразных источников.

Освещение многих из указанных проблем было безусловным движением вперед в приближении к правильному пониманию русской истории и в этом смысле создавало определенные предпосылки следующего, высшего этапа в историографии.

В. И. Ленин, с именем которого связано начало этого этапа, отмечая классовую ограниченность буржуазных ученых, писал, что буржуазным профессорам, являющимся учеными приказчиками класса капиталистов, «нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории...»¹. Но так как эти профессора способны «давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики..., задача марксистов... суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь

трудами этих приказчиков), — и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»¹.

В своих работах В. И. Ленин дал классические примеры критического использования ценных специальных исследований буржуазных ученых, главным образом второй половины XIX века.

Важным фактическим достижением буржуазных ученых изучаемого периода было также расширение и обогащение материальных основ науки. Накапливаются и вводятся в оборот многие новые источники, развиваются историография, источниковедение, другие специальные и вспомогательные исторические дисциплины — палеография, дипломатика, хронология, метрология, генеология, сфрагистика, геральдика и нумизматика.

Характерно, что именно в этот период происходит утверждение историографии как особой научной дисциплины. Возникшая в 50-х годах, благодаря историографическим работам С. М. Соловьева, эта важнейшая историческая дисциплина получает дальнейшее развитие в трудах В. С. Иконникова, В. О. Ключевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича.

Историографическим работам буржуазных и дворянских историков противостояли меткие и вместе с тем глубокие критические высказывания революционных демократов. Хотя революционеры-демократы и не оставили специальных историографических работ, тем не менее они сумели вскрыть многие существенные особенности буржуазно-дворянской исторической науки. В отличие от своих противников Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, А. П. Шапов обращали внимание прежде всего на политическую направленность и социальную сущность исторических исследований, что является их важной заслугой и наиболее ценным в разработке вопросов историографии.

Занимая в то время наиболее передовые позиции в историографии, революционеры-демократы первыми уловили общность основных принципов дворянской и буржуазной науки и подвергли их резкой, справедливой критике.

Постановка и изучение новых проблем в буржуазной науке вызвали в пореформенный период усиленное внимание к разысканию, анализу и публикации источников. Широкое развитие в связи с этим получили источниковедение, архивоведение, археология.

Расширение документальной базы исторических исследований выразилось прежде всего в использовании большой группы документов социально-экономического и административного ха-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363, 364.

рактера, таких как писцовые и переписные книги, законодательные памятники, частноправовые акты, жития святых, ведомственная переписка, записки путешественников, статистические, мемуарные и эпистолярные материалы.

Совершенствовались приемы научной обработки источников; появились такие понятия, как внешняя и внутренняя критика документа; в историческую науку переносились методы буржуазного правоведения, статистики, литературоведения.

Разумеется, буржуазное источниковедение в этот, как и в последующий период, страдало методологической ограниченностью, связанной с идеалистическими основами науки. Отрывая источник от социально-экономической среды, преувеличивая значение сравнительного метода в изучении исторических памятников, буржуазное источниковедение затемняло их классовую сущность и снижало научно-познавательную ценность.

Тем не менее внесенный буржуазными источниковедами вклад в дело формальной критики и широкой публикации источников создал предпосылки для последующего более глубокого и всестороннего изучения и использования их.

Утверждение буржуазной исторической науки сопровождалось превращением архивного дела в одну из важных вспомогательных исторических дисциплин. Титанический труд С. М. Соловьева убедительно показал, какие поистине неисчерпаемые материалы содержат только центральные архивохранилища. Ученик создателя русской археографии XIX в. П. М. Строева историк русского права Н. В. Калачев выдвинул проект архивной реформы с целью упорядочения архивов и предотвращения гибели архивных материалов.

Стали читаться лекции по архивоведению, в университетах было введено преподавание «науки об архивах», появился периодический орган «Сборник археологического института»¹, в котором наряду с другими изданиями печатались первые очерки истории отдельных архивов, описания документального материала, описи и обзоры архивных документов.

Ведущую роль в публикации этих материалов играла Археографическая комиссия. Продолжается издание «Полного собрания русских летописей», печатаются «Памятники славяно-русской письменности». В 70-х годах комиссия закончила выпуск пятнадцати томов «Дополнений к актам историческим» и приступила к изданию «Актов, относящихся до юридического быта древней России».

В 60—90-е годы началась более интенсивная публикация документальных материалов по истории народов Российской им-

¹ В 1871 г. было принято решение II Археологического съезда о создании в Петербурге Археологического института для подготовки археографов и архивных работников. В то время письменные памятники не отличали от вещественных, и поэтому археология изучала все памятники прошлого.

перии. Политические осложнения в западных губерниях и польское восстание 1863 года заставили царизм усилить пропаганду великодержавных шовинистических идей. В связи с этим комиссия выпустила четырнадцать томов «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России», «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше», «Дневник Люблинского сейма 1569 года». Кроме этих сборников, проливающих свет на характер взаимоотношений между Московским государством, Украиной и Польшей, комиссия опубликовала материалы по истории Сибири.

Само собой разумеется, что ни в указанных сборниках, ни в других изданиях Археографической комиссии не было материалов, характеризующих положение трудящихся масс и их борьбу с угнетателями. Отсутствовали, конечно, и материалы, отражавшие экономическое развитие и социальную структуру общества.

Несмотря на эту односторонность, благодаря деятельности Археографической комиссии в научный оборот было введено огромное количество новых документальных материалов. Размах археографической работы во второй половине XIX в. был столь значителен, что уже не мог ограничиваться рамками одной организации.

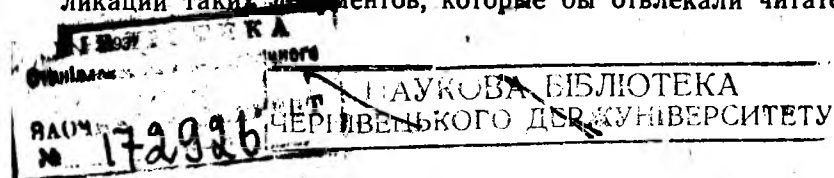
В Москве публикацию документов развернуло Общество истории и древностей российских, созданное еще в 1804 году. С 1846 по 1916 год оно выпустило 256 книг «Чтений в Обществе истории и древностей российских», в которых наряду с документами печатались монографии, описания рукописей, материалы по вспомогательным историческим дисциплинам.

Вслед за Московским и организованным в 1866 г. в Петербурге Русским историческим обществом, выпустившим 147 томов сборников, возникают исторические общества и археографические комиссии на периферии.

В 1864 г. создается Виленская, а в 1867 г. Кавказская археографические комиссии, начавшие разбор и публикацию местных архивов. Этим же занимаются «Историческое общество летописца Нестора в Киеве» (1873) и Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878).

В 80-х годах широкий размах археографической деятельности был увенчан созданием губернских архивных комиссий, многие из которых в своих «Трудах» опубликовали ценные местные документальные материалы, например, Рязанская (27 томов), Нижегородская (18 томов), Вятская (около 40 выпусков), Пермская, Владимирская, Оренбургская, Таврическая и др.

Однако необходимо учитывать, что вся археографическая работа находилась под контролем царского правительства и его органов власти на местах. Отсюда тенденция к подбору и публикации таких документов, которые бы отвлекали читателя и

исследователя от острых вопросов современности, классовых противоречий и революционной борьбы.

Развитие пореформенной буржуазной исторической науки отразилось в появлении целого ряда частных исторических журналов и отдельных публикаций, которые в связи с резким обострением общественной борьбы и столкновением различных исторических школ и течений, нашли многочисленных читателей.

Наиболее известными историческими журналами, возникшими во второй половине XIX в. и выходящими вплоть до революции, были «Русский архив» (1863—1917), «Русская старина» (1870—1918), «Исторический вестник» (1880—1917) и др. Старейший и один из самых популярных дореволюционных исторических журналов «Русский архив» издавал и редактировал почти полвека (1863—1912) близкий к славянофильским кругам либеральный историк и пушкинист П. И. Бартенев. В этом ежемесячном журнале сотрудничали историки и литераторы Н. П. Барсуков, Д. И. Иловайский, Л. Н. Майков, С. А. Соболевский, В. Я. Брюсов, Н. О. Лернер.

В «Русском архиве» было опубликовано огромное количество официальных и частных документов, извлеченных главным образом из личных и фамильных архивных фондов, а также мемуары, дневники, письма. Статьи и монографии, как правило, в нем не печатались. Наибольший интерес представляют опубликованные в журнале фактические материалы по истории внешней политики, о жизни и деятельности писателей, государственных и военных деятелей, дипломатов. Здесь же можно найти документы о восстании декабристов, возмущении Семеновского полка, подготовке и проведении реформы 1861 года, славянофилах и т. п. При журнале в разное время были подготовлены и изданы Бартеневым несколько ценных документальных сборников — «Оснадцатый век» в 4-х томах (1868), «Девятнадцатый век» в 2-х томах (1872) и «Архив князя Воронцова» в 40 томах (1870—1897).

С 1870 года начал выходить основанный М. И. Семевским (братом известного историка В. И. Семевского) журнал «Русская старина». После его смерти журнал редактировали такие промонархические историки, как Н. К. Шильдер и Н. Ф. Дубровин. В нем активно сотрудничали П. А. Ефремов, В. А. Бильбасов, А. П. Брикнер, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин, В. И. Семевский, Н. К. Шильдер, М. И. Богданович.

Журнал, особенно первые 20 лет, когда его вел М. И. Семевский, выгодно отличался от «Русского архива» публикацией материалов и статей, характеризующих революционное и общественное движение. По заказу энергичного редактора были написаны и опубликованы в журнале ценные мемуары декабриста М. А. Бестужева, записки Т. П. Пассек, П. А. Мурзакевича, Н. В. Берга, художников И. К. Айвазовского и Ф. Г. Солнце-

ва, композитора А. Г. Рубинштейна. Здесь впервые увидели свет воспоминания и дневники декабристов В. К. Кюхельбекера, М. И. Муравьева-Апостола, Д. И. Завалишина, М. А. Фонвизина, материалы о А. И. Герцене, о польских восстаниях.

Основанный в 1880 г. историком С. Н. Шубинским ежемесячник «Исторический вестник», несмотря на консервативно-монархическую направленность, был едва ли не самым распространенным историческим журналом в дореволюционной России. Его издатель А. С. Суворин, прославившийся своим «беспардонным лакейством перед властью имущими», стремился прежде всего получить доход. Журнал был рассчитан на широкие читательские круги, поэтому в нем наряду с историческими повестями и рассказами Д. Л. Мордовцева, Г. П. Данилевского, Н. С. Лескова, Н. И. Костомарова помещались «увлекательные» исторические романы иностранных писателей. С научно-популярными статьями по истории, археологии и этнографии в журнале выступали И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский, И. И. Дубасов, Д. А. Корсаков, С. Н. Шубинский. По мере роста революционного движения на страницах журнала все чаще и чаще появлялись реакционные, шовинистические и даже прямо контрреволюционные материалы.

Кроме отмеченных, в рассматриваемый период выходили и другие журналы, такие как «Древняя и новая Россия» (1875—1881), «Киевская старина» (1882—1906), «Кавказская старина» (1872—1873), «Живая старина» (1890—1916), журналы различных исторических обществ, а также многочисленные более или менее периодически издававшиеся сборники.

Расширение исторических знаний и их популяризация отразились на содержании общественно-литературных журналов «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Отечественные записки», «Мир божий», «Образование», «Современный мир».

Ареной столкновения революционно-демократического и либерально-монархического направлений в историографии был «Современник», на страницах которого обсуждались все крупные исторические проблемы.

Рост публикаций привел к возникновению исторической библиографии. «Достигшая высокого уровня русская историческая наука, — писал Н. В. Здобнов, — обогащенная публикацией огромного количества новых исторических актов, трудами Грановского, Соловьева, Кавелина, Костомарова, Щапова и многих других историков, работавших в центре и в провинции, предъявляла к библиографии повышенные требования»¹.

¹ Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века, изд. 2, Изд-во АН СССР, М., 1951, стр. 366.

Возникновение научной исторической библиографии принято связывать с капитальным трудом братьев П. П. и Б. П. Ламбиных «Русская историческая библиография», которая печаталась на протяжении 1861—1884 годов.

В этой фундаментальной работе с исключительной точностью перечислена вся отечественная литература по русской и всеобщей истории за десять лет — с 1855 по 1864 год, причем впервые включались работы по языкознанию, этнографии, статистике, географии, правоведению, истории литературы, науки и техники. Десять ежегодников братьев Ламбиных охватили свыше 44 000 книг, журнальных и газетных статей.

Продолжателем дела Ламбиных был крупнейший представитель русской научной библиографии второй половины XIX века В. И. Межов (1831—1894). В конце 70-х годов, когда издание ежегодников Ламбиных прекратилось, Межов приступил к изданию «Русской исторической библиографии за 1865—1876 гг.» в 8-ми томах, вышедших в 1882—1890 годах.

Затем он начал библиографическое описание русской исторической литературы за первую половину XIX века, но успел издать лишь три тома «Русской исторической библиографии» за 1800—1854 годы. Несмотря на большое количество пропусков и ошибки, труд Межова исключительно ценен, так как охватывает свыше 100 000 книг, журнальных и газетных статей и тысячи рецензий. Вместе с библиографией Ламбиных он описывает русскую историческую литературу за три четверти XIX века и до сих пор сохраняет свое библиографическое значение.

Более 50 лет задача продолжения этой библиографии с 1887 г. оставалась нерешенной, и только в 1939 г. сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки в Москве совместно с Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде начали подготовку многотомной «Библиографии русской библиографии», которая, к сожалению, осталась незавершенной.

Одновременно с общей исторической библиографией значительного развития достигла библиография по отдельным историческим проблемам и событиям, а также краеведческая и персональная историческая библиография.

Развитие археологии как особой отрасли исторического знания в рассматриваемый период также характеризуется большими успехами. Связаны они прежде всего с деятельностью созданной в 1859 г. в Петербурге Археологической комиссии, которая руководила археологическими раскопками, и Московского археологического общества, основанного в 1864 г. А. С. Уваровым. Общество, начиная с 1869 года, периодически созывало всероссийские археологические съезды, объединявшие археологов и археографов, издавало «Труды», в которых подводились итоги изучения древней истории России. Постепенно

расширялся район археологических раскопок, совершенствовалась их методика, и по мере накопления вещественных памятников создавались предпосылки для превращения археологии из вещеведения в подлинную науку.

Большая заслуга в изучении античной истории Юга России принадлежит И. Е. Забелину, который был не только известным историком Московской Руси, но и выдающимся археологом, возглавлявшим в течение пятнадцати лет (1859—1874) Археологическую комиссию. Забелин достиг замечательных успехов в изучении скифских древностей. Результаты его многолетних раскопок изложены в монументальной работе «Древности Геродотовой Скифии» (1866—1872), в которой он подтвердил многие сообщения Геродота и внес неоценимый вклад в изучение истории скифов.

Серьезные раскопки в Херсонесе начиная с 1888 года вел в течение двадцати лет К. К. Косцюшко-Валюжанич. Крупный представитель античной эпиграфики В. В. Латышев (1855—1921) составил полный свод греческих и латинских надписей Северного Причерноморья.

Благодаря усилиям русских археологов Северное Причерноморье стало к концу XIX века одним из наиболее исследованных районов античного мира, хотя, как правильно указано в «Очерках истории исторической науки в СССР», социально-экономические отношения рабовладельческого строя, своеобразие рабовладельческого способа производства не интересовали археологов, изучавших главным образом античные художественные древности¹.

60-е годы XIX века в области археологии интересны прежде всего перенесением раскопок в центральные губернии. Курганные раскопки Д. Я. Самоквасова в районе Чернигова, Л. К. Иванковского в Петербургской губернии, где он вскрыл 5877 курганов, исследование славянских курганов и городищ талантливым русским археологом, В. И. Сизовым, учителем московской гимназии, и многие другие раскопки имели большое значение для изучения древней истории России.

В 70-х годах открытием целого ряда неолитических стоянок (в Иркутске, в Гонцах около Лубен на Полтавщине, в Карачарове близ Муроме, в Фатьянове) было положено начало археологии первобытного общества. В 1881 г. А. С. Уваров издал первое описание первобытных древностей, довольно поверхностное и примитивное².

Забайкальский казак И. С. Поляков, став крупным ученым, объехал всю Россию и сделал множество зоологических, географических и археологических открытий, в числе которых лучшая

¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 620.

² См.: А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, М. 1881.

из палеолитических стоянок в Костенках на Дону. Он же одним из первых в Европе разработал методику открытия палеолитических стоянок по ископаемой фауне.

С присоединением Средней Азии началось и здесь интенсивное развитие археологии, связанное с именами Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского, Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова.

Накопление древних памятников создало необходимые условия для развития музейно-исторической работы. Начало ее было связано с открытием в Москве в 1883 г. Исторического музея.

В этнографической науке пореформенного периода особенно ярко проявилась борьба противоположных течений. В противовес господствовавшей в буржуазной этнографии мифологической школе, Чернышевский и Добролюбов отстаивали идею единства человечества, считали национальные особенности результатом действия исторических условий.

Высказывания революционных демократов по основным вопросам этнографии оказали большое влияние на таких этнографов и собирателей фольклора, как П. Н. Рыбников, И. Г. Прыжов, И. А. Худяков. Не разделяя славянофильского преклонения перед патриархальной стариной, передовые ученые-этнографы под влиянием народнических теорий искали сближения с народом, в результате чего создали немало ценных сборников загадок, народных песен, былинного эпоса.

Важным этапом в развитии этнографии была Всероссийская этнографическая выставка 1867 года, показавшая значительные успехи отечественной этнографии.

К этому времени относится начало исторического изучения этнографического материала. На этой основе создается «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «История русской жизни» И. Е. Забелина, возникают этнографические общества. Большую роль в этнографическом изучении Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока сыграли политические ссыльные И. А. Худяков, Д. А. Клеменц, Н. А. Виташевский, Ф. Кон, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз и многие другие.

На Кавказе и в Средней Азии основная масса этнографических данных собиралась представителями гражданской или военной администрации. Обобщающей работой, созданной на основе этого «официального» этнографического материала, был капитальный труд генерала Н. Ф. Дубровина «Очерки Кавказа и народов его населяющих», составлявший первый том «Истории войны и владычества русских на Кавказе».

Значительный этнографический материал дали путешествия русских ученых в Центральную Азию (Н. М. Пржевальского), Монголию и Китай (Г. Н. Потанина), Индию (И. П. Минаева), Африку (В. В. Юнкера), страны Южной Америки — Бра-

зилию, Уругвай, Аргентину, Чили, Перу, Парагвай (А. С. Ионина), и, особенно, Н. Н. Миклухо-Маклая на острова Тихого и Индийского океанов.

В третьей четверти XIX века по мере проникновения позитивистских идей в этнографии утверждается эволюционистская школа с ее повышенным интересом к изучению общественной жизни народа, семейных и общинных отношений.

Из этой школы вышел крупнейший представитель дореволюционной этнографии Д. Н. Анучин (1843—1923), впоследствии преодолевший тесные рамки эволюционизма. Для него характерны строгий историзм и комплексное сочетание данных археологии, антропологии и этнографии. Анучин создал антрополого-этнографический музей при Московском университете, в котором антропологические, археологические и этнографические коллекции органически дополняют друг друга. Постоянно подчеркивая большое не только научное, но и воспитательное значение этнографии, этот передовой ученый считал главной задачей не бесконечное накопление сырого этнографического материала, а создание капитальных работ, посвященных отдельным народам и построенных на основе привлечения всех видов источников.

Бурное развитие этнографии и ее большое общественно-политическое значение помогают понять, почему именно данная отрасль исторической науки раньше других испытала властное влияние марксистских идей. Об этом влиянии красноречиво свидетельствовали книга Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) и особенно блестящая работа М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (1879). Труды М. М. Ковалевского получили высокую оценку Маркса и Энгельса и оказали заметное влияние на русскую и западноевропейскую этнографическую науку.

Определенным показателем развития буржуазной исторической науки было выделение в качестве самостоятельных дисциплин исторической географии, истории культуры, экономической истории и дальнейшее совершенствование истории права.

Обособление исторической географии в самостоятельную дисциплину связано с деятельностью Н. П. Барсова, который издал в 1865 г. «Материалы для историко-географического словаря древней Руси», а в 1873 г. «Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи». Обе работы были своеобразным итогом почти столетнего изучения исторической географии, начатого еще И. Н. Болтиным.

В 1865 г. был выпущен первый учебный атлас русской истории, принадлежавший Е. Е. Замысловскому.

Изучение исторической географии в пореформенный период характерно для таких историков, как А. П. Шапов, В. О. Клю-

чевский, Н. И. Костомаров. Но особое значение приобрело оно в работах по истории отдельных районов России — Сибири Урала, Поволжья, Поморья и Крыма. Вследствие того, что изучение краевой истории было сосредоточено главным образом в руках местной администрации, преобладающими здесь были консервативно-охранительные тенденции.

В целом идеалистические основы буржуазной науки определили эскизность и незавершенность сводных работ по исторической географии. В отличие от этнографии борьба направлений здесь отражалась очень слабо¹. Лишь с выходом работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» произошел коренной перелом в исторической географии.

Начало выделению истории культуры положил А. Н. Пыпин своей четырехтомной работой по «Истории русской литературы», в которой с либерально-буржуазных позиций рассматривались некоторые стороны истории культуры и общественной мысли.

В области экономической истории, кроме крупных представителей буржуазной науки — В. О. Ключевского и А. Н. Никитского, работали многие представители народнической историографии, прежде всего В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон и В. И. Семевский.

Если специализация исторических знаний раньше всего обозначилась в истории права, связанного с деятельностью представителей государственной школы К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, В. И. Сергеевича, то здесь же ярче и резче сказались ограниченность и внутренняя противоречивость буржуазной науки. Рассматривая сложные явления общественной жизни не в связи с их социально-экономической основой, а в их правовом отражении, историки юридической школы искусственно разрывали единый исторический процесс.

Подводя итоги всему сказанному о развитии исторической науки в период промышленного капитализма, нужно подчеркнуть, что одним из наиболее очевидных признаков назревающего кризиса буржуазной науки был все более углубляющийся разрыв между богатствами исторических знаний и скудостью их теоретического осмысления. Буржуазные и тем более дворянские историки, занимавшие господствующее положение в историографии, были бессильны правильно теоретически осмыслить и обобщить накопленный ими же огромный исторический материал.

Политический консерватизм и позитивистская идеалистическая философия исключали возможности научного исторического синтеза в эпоху промышленного капитализма, а в период его империалистической стадии, с ее бурными революционны-

ми потрясениями, с неизбежностью привели буржуазную историческую науку в состояние глубокого кризиса.

Единственный выход из этого кризиса лежал в русле прогрессивной, пролетарской идеологии. Только передовые идеологи восходящего класса, вооруженные теорией исторического материализма, могли научно осмыслить и поставить на службу трудящимся массам богатые россыпи исторических знаний, накопленные в дómарксистской историографии.

Возникновение и утверждение в нашей стране марксистско-ленинской исторической науки, отражающей интересы подлинных творцов истории — трудящихся масс, было подготовлено самоотверженной борьбой революционных демократов во главе с Чернышевским и Добролюбовым, на знамени которых было написано: «Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории»¹.

Первая лекция, которой начинается конкретное рассмотрение развития русской историографии в 60—90-е годы XIX в., и посвящена революционно-демократическому направлению.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 274.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 402—423.

В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363—364.

В. И. Ленин «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174—176.

Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века, изд. 2, М., 1951; часть пятая, § 9—10, стр. 365—415.

Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1961, гл. 16, стр. 223—235.

Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941; гл. 20, 21, стр. 343—367.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960; гл. X—XII, стр. 548—838.

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв., т. II, М., Госполитиздат, 1948, стр. 567.

¹ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 650.

ЛЕКЦИЯ 2

РЕВОЛЮЦИОННО - ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Революционно-демократический лагерь после реформы. Н. Г. Чернышевский и его соратники о роли народных масс. Освещение истории с демократических позиций М. Е. Салтыковым-Щедриным, Д. И. Писаревым, Н. А. Серно-Соловьевичем, Н. В. Шелгуновым. Значение революционно-демократического направления в русской историографии.

После реформы 1861 года дальнейшее развитие страны было неразрывно связано с борьбой либерально-монархической и демократической тенденций. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский, — писал В. И. Ленин 50 лет спустя после реформы, — суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»¹.

Революционеры-демократы в эпоху кризиса крепостного строя и первое десятилетие после его падения выражали интересы всех трудящихся, так как пролетариат тогда еще не выделился как самостоятельный класс. Не случайно Чернышевский говорил о необходимости перехода власти к «самому низшему и многочисленному классу»² — земледельцам, поденщикам, рабочим, а свою экономическую теорию назвал «политической экономией трудящихся», без выделения из их среды какой-нибудь группы или класса.

Демократия и социализм в революционно-демократической идеологии сливались воедино, ибо такой последовательный борец за социализм, как пролетариат, еще не оформился, а мелкобуржуазная сущность крестьянского хозяйства еще не обнаружилась.

В основе социалистической программы революционных демократов лежало стремление крестьянства к освобождению от эксплуатации. В. И. Ленин называл русских революционных демократов идеологами крестьянской революции, а их утопиче-

ский социализм, построенный на призрачной вере в сельскую общину и «социалистическом» инстинкте крестьянина, — крестьянским социализмом.

Важно отметить, что революционные демократы не только не противопоставляли свою программу интересам складывающегося пролетариата, но стремились их учесть.

Чернышевский внимательно следил за борьбой западноевропейского рабочего класса и считал, что она принесет победу социализма на Западе, а Герцен, по словам В. И. Ленина, «обратил свои взоры... к тому Интернационалу, которым руководил Маркс..., к тому Интернационалу, который начал *«собирать полки»* пролетариата...»¹.

Все эти отличительные особенности революционно-демократической идеологии особенно ярко проявились в 60-е годы, после отмены крепостного права, когда разночинная интеллигенция возглавила освободительное движение. Вокруг «Современника» — всероссийской трибуны революционной демократии — объединялась группа единомышленников Чернышевского, сильных своей преданностью делу освобождения народа, — Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич, М. А. Антонович. В революционно-демократический лагерь входили М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. И. Писарев, А. П. Щапов.

На протяжении 1859—1862 гг. в России действовала тайная революционная организация «Земля и воля», возглавляемая Чернышевским. Члены ее осуществляли идейную и политическую подготовку надвигающейся крестьянской революции, стремились придать ей организованный и социалистический характер.

Усилия петербургского революционного центра во главе с Чернышевским находили поддержку русских революционных эмигрантов в Лондоне, группировавшихся вокруг Герцена и Огарева. Революционно-демократический натиск 60—70-х годов вовлек в движение не только передовых представителей русского народа, но и прогрессивных деятелей других национальностей России.

Однако революция не произошла. Подавив разрозненные крестьянские выступления, царизм в 1862—1863 гг. перешел в наступление на революционно-демократический лагерь. Были арестованы Чернышевский, Серно-Соловьевич, Михайлов, Писарев. Царизм беспощадно преследовал любое проявление свободной мысли. Реакция и террор особенно усилились после выстрела Каракозова. «Что за нетопыри, что за совы, за вороны встрепнулись, поднялись и вылетели на белый свет, — писал в эти годы Герцен. — Откуда спустились, из каких богаделен, смиренных домов или кладбищ... этих прокаженных, не то светских архиереев, не то духовных генералов, пошедших, во имя

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174—175.

² Н. Г. Чернышевский и др. Полн. собр. соч., т. I, М., Госполитиздат, 1939, стр. 355.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

царя и церкви в крестовый поход против разума и образования и начавших нести богословско-полицейскую чушь, от которой и Россия уже отвыкла»¹.

Вопреки всем усилиям царизма освободительное движение ширилось. Революционно-демократические идеи Чернышевского и его соратников оказывали сильное активизирующее воздействие на передовые, демократические слои русской интеллигенции, которая все решительнее переходила на сторону крестьянства и выступала против самодержавной власти.

В 1871 г., вождь революционной демократии, отбыв срок каторжных работ, был заточен в Вилюйский острог, где в полной духовной изоляции, оторванный от мира пробыл почти двенадцать лет. Но ни каторга, ни ссылка не сломили великого русского революционера. Отказавшись подписать прошение о помиловании, он остался верен своим убеждениям. В застеночной камере Вилюйского острога Чернышевский писал: «Нам впереди на много столетий обеспечена счастливая доля делаться самим и устраивать свою жизнь все получше и получше»². Его каждодневный подвиг, подвиг революционера и мыслителя, вдохновлял передовую русскую молодежь на борьбу с царизмом.

Продолжением идеологии и тактики революционного демократизма 60-х годов было революционное народничество, с его борьбой против самодержавия и остатков крепостничества, с его верой в социалистический характер крестьянской революции. Но, как мы увидим позже, развитие капитализма в деревне и превращение крестьянина в мелкого буржуа накладывали либерально-анархическую печать на народническую теорию. Народники говорили о возможности некапиталистического развития России, отрицали решающую роль пролетариата, ставившегося самостоятельной общественной силой. В теоретическом отношении они сделали шаг назад от Чернышевского.

Самоотверженная борьба революционно-демократического лагеря нашла свое отражение в исторической науке, где в пореформенный период окончательно утвердилась сильная своими демократическими основами и прогрессивной направленностью концепция Чернышевского и Добролюбова. Основные черты революционно-демократической концепции истории, выдвинутой Чернышевским и Добролюбовым, были рассмотрены в одной из предыдущих лекций³.

В пореформенный период к этому направлению, кроме самого Н. Г. Чернышевского, принадлежали М. Е. Салтыков-

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX, М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 197.

² Б. Рюриков. Вилюйские звезды. «Литературная газета» от 29 марта 1962 г.

³ См. В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. I, стр. 245—283.

Щедрин, Д. И. Писарев, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов, М. А. Антонович. Сюда же следует отнести и первого русского профессионального историка-демократа А. П. Щапова. Все они были связаны единством общественно-политических убеждений, однако их исторические взгляды отличались своеобразием и индивидуальными особенностями.

В центре общественно-политических и исторических интересов русских революционных демократов была проблема народа и его пробуждения. Актуальность этой важной проблемы приобрела особую остроту в пореформенную эпоху в связи с расцветом либерализма. Кризис крепостничества и развитие капитализма вели к очевидному для всех банкротству реакционной крепостнической идеологии. «В эпоху 60-х годов, — пишет В. И. Ленин, — сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательно, но все же такое решительное поражение, что должны были ступать со сцены. Либералы, напротив, подняли голову. Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д., и т. д...»¹.

Идеализируя капиталистический строй и западноевропейскую буржуазную культуру, прославляя буржуазно-монархическое государство, как основу просвещения и прогресса, идеологи либерализма считали народ «неодухотворенной массой», неспособной изменить ход общественного развития. Вопрос о решающей роли народных масс в истории был одним из основных, по которому Чернышевский, Добролюбов и их соратники давали бой либерально-буржуазному лагерю. Интересы этой борьбы, тесно связанной, по словам Маркса, с революционным брожением народных масс в России², требовали пристального изучения истории народа и народных движений. В этот период в исторической науке преобладали работы либерально-буржуазных историков Соловьева, Кавелина, Чичерина и других, в которых народ на протяжении всей истории слепо и покорно следовал за мудрой государственной властью или выступал как анархическое начало, препятствующее историческому развитию.

Подобная антидемократическая направленность не могла не вызывать в среде демократически настроенной разночинной интеллигенции стремления противопоставить антинародным тенденциям официальной либерально-монархической историографии исторические исследования, доказывающие, что народные массы, как писал А. П. Щапов, «это свежая, непочатая почва для цветущего развития, вечный родник новых, свежих, самостоятельных сил национального прогресса...»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 294.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 88.

³ А. П. Щапов. Соч., т. I, СПб., 1906, стр. 580.

Отрица роль народа в истории, дворянские и буржуазные историки в условиях роста освободительного движения стремились исказить термины «народ» и «народность», придавали им реакционно-охранительное толкование, чтобы затушевать антагонистические, классовые противоречия. Так, примыкавший к либералам А. Григорьев толковал слово «народ» как термин, определяющий все население страны. Народ, утверждал он, «собирает лицо, слагающееся из черт всех классов народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных... Я употребляю слова: народность, народный — в смысле слов: национальность, национальный»¹.

Касаясь подобного официально-охранительного толкования термина «народ», стремления представителей господствующих классов отождествить его с термином нация, К. Маркс неоднократно писал о необходимости отличать понятие «народ», применяемое в буржуазной историографии, от его действительного содержания², а В. И. Ленин позже призывал к непримиримой борьбе «против буржуазно-демократического злоупотребления словом народ», прикрывающего непонимание «классовых антагонизмов внутри народа»³.

Представители революционно-демократической историографии не только сумели разглядеть неуклюжие маневры своих врагов, но и решительно выступили против либерального жонглирования словом «народ». «Мне всякий раз становится не по себе, когда я говорю о народе, — писал А. И. Герцен. — В наш демократический век нет ни одного слова, смысл которого был бы так извращен...»⁴. В его понимании «народ — это мощная, гранитная основа, скрепленная цементом вековых традиций, это обширный первый этаж, над которым надстроен шаткий балаган современного политического устройства»⁵. Герцен писал о двух Россиях, стоящих «друг против друга. С одной стороны, Россия правительственная, богатая, вооруженная не только штыками, но и всеми приказными уловками... С другой — Россия белая, хлебопашенная, трудолюбивая, общинная и демократическая»⁶. Освободившись в пореформенный период от либеральных иллюзий, Герцен верил, что придет день, когда народ «сочтет свои силы, а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс»⁷.

От абстрактных представлений о народе как нерасчлененном национальном целом революционные демократы переходят

к социальной характеристике его как внутренне противоречивого общественного организма. Движущей силой истории они считали борьбу в области общественных отношений, борьбу прогрессивных социальных групп против реакционных, борьбу угнетенных против угнетателей. Будущее в этой борьбе революционеры-демократы связывали с трудящейся частью общества — крестьянством. «Человек будущего в России мужик, точно так же, как во Франции работник»¹, — утверждал Герцен.

Последовательно отстаивая демократическую точку зрения, защищая интересы трудящихся масс русского народа, Герцен, Чернышевский и их соратники, на основании изучения отечественной истории, восторженно писали о своем народе, который «как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским; который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния...»².

Утверждения революционных демократов о творческой деятельности народных масс как основном содержании исторического процесса — самая важная черта их исторических воззрений. Она коренным образом отличала точку зрения представителей революционно-демократической историографии от антидемократических построений либеральных и крепостнических историков. Кавелин и Погодин, Чичерин и Бестужев-Рюмин все содержание исторического процесса сводили к эволюции «духовных начал». История, в их освещении, — это последовательная смена одних религиозных, правовых, политических идей другими. Идеи эти якобы рождались сверхчеловеческим божественным разумом, а воплощались в жизнь и отстаивались государственными деятелями и выдающимися историческими личностями. Кроме помыслов, поступков и действий этих выдающихся деятелей, нечего искать в истории чего-либо другого, считали они.

Главным в исторических взглядах революционных демократов было твердое убеждение, что история — это жизнь и деятельность народа в их непрерывном поступательном развитии.

По мнению Добролюбова, основным принципом, которым должен руководствоваться историк, является положение о решающей роли народных масс в историческом развитии. Только тогда история будет иметь право на «серьезное ученое значение», утверждал он, когда в основу этой науки будет положена мысль «об участии в событиях самого народа»³. В против-

¹ А. Григорьев. Собр. соч., вып. 11, 1915, стр. 14—15.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 191.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 101—102.

⁴ И. Герцен. Собр. соч., т. XII, М., 1957, стр. 43.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 55.

⁷ А. И. Герцен. Собр. соч., т. VI, М., 1955, стр. 121.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. VII, М., 1956, стр. 326.

² А. И. Герцен. Собр. соч., т. VI, стр. 17—18.

³ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв., т. I, М. Госполитиздат, 1948, стр. 149.

ном случае история будет ничем иным, как собранием случайных фактов и внешних событий.

Писарев резко критиковал историков вроде Маколея, описывающих биографии выдающихся личностей и все развитие общества связывающих с действиями этих личностей.

Писарев предъявлял большие научно-политические требования к исторической науке. Он утверждал, что «история до сих пор не сделалась наукой, но между тем только в истории мы можем найти материалы для решения многих вопросов перво-степенной важности. Только история знакомит нас с массами, только вековые опыты прошедшего дают нам возможность понять как эти массы чувствуют и мыслят, как они изменяются, при каких условиях развиваются их умственные и экономические силы, в каких формах выражаются их страсти и до каких пределов доходит их терпение. История должна быть осмысленным и правдивым рассказом о жизни массы, отдельные личности и частные события должны находить в них место настолько, насколько они действуют на жизнь массы или служат к ее объяснению. Коллективная жизнь масс составляет единственный предмет, вполне достойный исторического изучения»¹.

Изучение истории народа помогло революционерам-демократам, прежде всего Чернышевскому и Добролюбову, близко подойти к правильному пониманию классовой борьбы и ее значения. Об этом свидетельствуют, например, такие слова Добролюбова: «Борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории». Он писал о разделении общества на трудящихся и эксплуататоров, о том, что в обществе, где вся власть принадлежит эксплуататорам, невозможно, чтобы «...интересы государства и народа всегда были нераздельны и тождественны». Наоборот, замечал Добролюбов, «часто мы видим в истории, что государственные интересы вовсе не сходятся с интересами народных масс» и поэтому «результат воззрения государственного бывает в истории чрезвычайно различен от результата воззрения народного»².

В соответствии с таким подходом к общественному развитию представители революционно-демократического направления в русской историографии считали, что историческая наука «должна прежде всего исследовать и освещать, с одной стороны, права рабочих классов, а с другой — дармоедство во всех его видах»³.

¹ Д. И. Писарев. Исторические эскизы. Ж. «Русское слово», 1864, № 1, стр. 4—5.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 124.

³ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв., т. II, М., 1948, стр. 567—568.

Историк, по мнению Чернышевского, обязан горячо защищать интересы трудящихся масс, ибо главной тенденцией исторического развития является ликвидация эксплуатации и торжество свободного труда. В понимании вопроса о роли народных масс в истории Чернышевский пошел значительно дальше своих соратников по революционно-демократическому лагерю. Роль народных масс он связывал прежде всего с тем, что они производят материальные блага. «Масса трудится, — писал он, — и понемногу совершенствуются производительные искусства: Она одарена любознательностью или, по крайней мере, любопытством — и постепенно развивается просвещение, благодаря развитию земледелия, промышленности и отвлеченных знаний смягчаются нравы, улучшаются обычаи, потом и учреждения, всему этому причина одна — внутреннее стремление массы к улучшению своего материального и нравственного быта»¹.

Народные массы, по убеждению Чернышевского, — это ведущая сила общественного прогресса, но ее творческие возможности были скованы в течение веков различными формами эксплуатации. Бедствия народных масс являются, утверждал он, закономерным следствием существования эксплуатации, неизбежной при таком порядке вещей, «где собственность и труд не соединены в одном лице».

При оценке современного им общества революционные демократы видели противоположность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых. «По выгодам все европейское общество, — писал Чернышевский, — разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая — своим собственным; первая — благоденствует, вторая терпит нужду. Интерес первой в том, чтобы сохранить нынешнее положение вещей, по которому большая часть из плодов народного труда достается в руки ее многочисленных членов. Интерес второй половины общества, считающей в себе повсюду более девяноста человек из ста, состоит в том, чтобы изменилось нынешнее положение и трудящийся человек пользовался всеми плодами своего труда, а не видел их достоящимися в чужие руки»². Противоположность экономических интересов и ведет, делает вывод Чернышевский, к столкновениям различных социальных групп, к борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров.

Рассматривая освободительную борьбу народных масс как закономерное следствие их угнетенного положения, революционеры-демократы стремились показать влияние этой борьбы на общественное развитие. Политические события совершались, по их мнению, без участия народа до тех пор, пока они сводились

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 47.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1949, стр. 337.

к борьбе за власть между князьями или претендентами на престол и не изменяли существенно экономических отношений. Когда же на гребень политической истории поднимались вопросы глубоких экономических преобразований, которые затрагивали интересы различных сословий, народные массы выступали на политическую арену как главная, решающая сила.

Так, в оценке реформы 1861 года Салтыков-Щедрин подчеркивал, что решающей силой, которая заставила царизм пойти на отмену крепостного права, были народные массы. «Вникните в смысл этой реформы, — писал он, — взвесьте ее подробности, припомните обстановку, среди которой она совершилась, и вы убедитесь..., что, несмотря на всю забитость и безвестность, одна только эта сила и произвела всю реформу»¹.

В статьях, посвященных истории Западной Европы, Чернышевский и Добролюбов отмечали, что буржуазия, искусно используя народное недовольство феодальным гнетом, выдвинула лозунги, обещавшие народу освобождение. Народные массы восприняли их и превратились в революционную силу, ломающую феодальные порядки и расчищающую путь для нового, более прогрессивного строя. «Простолюдины давали силу людям, низвергнувшим старинное французское устройство в конце прошлого века, — писал Чернышевский. — Они же давали силу Наполеону, пока считали его своим защитником от возвращения старого порядка дел. Когда они увиделись, что Наполеон действует в свою, а не в их пользу, они покинули его и только это охлаждение массы к Наполеону дало возможность низвергнуть его в 1814 году. Когда они увидели, что при Бурбонах не стало для них лучше, чем было при Наполеоне, они низвергли их в надежде приобрести нечто лучшее без них. Источником всей силы, какую имело то или другое французское правительство, бывала надежда массы, что оно благоприятно для нее; недовольство ее своим положением было всегда причиной катастроф»².

Чернышевский сумел увидеть, что народ, поднявшийся в качестве решающей революционной силы и завоевавший победу, уступил ее буржуазии, новому эксплуататорскому классу, который руководил революцией. Приход буржуазии к власти создал условия, которые способствовали быстрому росту политической активности народных масс.

Важной и ценной чертой революционно-демократической историографии была убежденность ее представителей в неодолимости народного движения, в том, что оно в конце концов приведет к победе над эксплуататорами, к торжеству социализма.

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VI, М., Госполитиздат, 1938, стр. 109.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 153.

Н. А. Серно-Соловьевич, которого Герцен называл «одним из лучших, весенних провозвестников нового времени в России»¹, писал, рассчитывая пробудить революционные силы русского народа: «Наша опора — те несчастные массы, которые благодаря полутора века правительственного зверства, распутства, помешательства, иезуитизма, террора, представляют градацию от апатии до безвыходного отчаяния, которым нечего ждать от этого порядка, нечего терять с ним, а остается только глубоко ненавидеть его. На эти массы мы и обопремся»². Сколько бы ни понадобилось времени для того, «чтобы приобрел господство в исторической жизни простой народ, которому одному и выгодно и нужно устройство, называемое социалистическим»³, будущее, писал Чернышевский, принадлежит народу, а не его эксплуататорам.

Определив первостепенное значение экономических отношений в общественном развитии, раскрыв противоположность экономических интересов эксплуататоров и трудящихся, революционные демократы во главе с Чернышевским обосновали положение о решающей роли народных масс в осуществлении коренных общественных преобразований и пришли к выводу о необходимости и неизбежности народной революции. Народные массы, как «громкая сила... сила непреоборимая», рано или поздно должны победить всюду — и во Франции, и в Англии, и в России, и в других странах. Революции широких трудящихся масс, поднявших знамя социализма, решат судьбу человечества — к такому выводу сто лет назад пришел великий русский революционер-демократ Чернышевский и его сподвижники на основании правильной оценки решающей роли народных масс в истории.

В этом ярче всего проявился «зачаток исторического материализма» в трудах Чернышевского и других представителей революционно-демократического лагеря.

Сделав серьезный шаг по пути к историческому материализму, революционеры-демократы не дошли до материалистического понимания истории. Материалистическое понимание истории предполагает признание того, что в основе тех или иных экономических отношений лежит определенный уровень развития производительных сил, что с изменением этого уровня, с изменением характера производительных сил закономерно изменяется экономический строй общества, вызывая смену всех общественных отношений, смену идей и учреждений, господствующих в обществе.

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVIII, стр. 375.

² Н. Серно-Соловьевич. Ответ «Великорусу». М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам, с портретами, СПб., 1908, стр. 510.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IX, М., 1949, стр. 833.

Русские революционные демократы считали, что деятельность людей определяется развитием мышления, знаний, науки.

Идеалистическое решение вопроса об определяющем факторе общественного развития обусловило известную ограниченность представлений революционных демократов о роли народных масс. Правильно считая народ творцом материальных ценностей, они не смогли раскрыть истинное значение трудовой деятельности народа в развитии общества. Революционеры-демократы не понимали, что именно труд народа является основой общественного прогресса, так как в процессе трудовой деятельности неизбежно накапливаются изменения в производительных силах, порождая необходимость в дальнейшем развитии экономических, социальных и политических отношений.

Они не видели различия в экономическом положении и исторической роли пролетариата и крестьянства, наивно полагая, что рабочие, эксплуатируемые капиталистами, и крестьяне, страдающие под гнетом феодально-крепостнических пережитков, в одинаковой мере способны осознать социалистические идеи и осуществить революционный переворот, необходимый для воплощения их в жизнь.

Только марксизм-ленинизм впервые научно обосновал положение о решающей роли народных масс в истории, показав историческое значение их трудовой производственной деятельности.

Таким образом, материалистическая тенденция, столь ярко обозначившаяся в пореформенный период во взглядах Чернышевского и его соратников на содержание исторического процесса, не распространялась на решение основного вопроса об определяющем факторе общественного развития. «Тем не менее, — пишет В. Е. Иллерицкий, — твердое убеждение всех революционеров-демократов в том, что народные массы являются главной силой истории, высоко поднимает их над представителями дворянско-буржуазной историографии и составляет самую главную особенность и отличительную черту демократического истолкования истории»¹.

Как уже отмечалось, основополагающая роль в создании демократической концепции в русской исторической науке принадлежала Чернышевскому и Добролюбову.

В пореформенный период в разработку исторических проблем с демократических позиций включается значительно более широкий круг представителей революционно-демократической идеологии. После ареста Чернышевского и смерти Добролюбова Салтыков-Щедрин, Писарев, Серно-Соловьевич, Шелгунов и другие смогли не только защитить, но и развить дальше демократические взгляды своих учителей.

Широкий исторический кругозор, боевая полемическая страстность отличали взгляды великого русского сатирика и революционного демократа Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826—1889). Он подчеркивал значение социально-экономических условий в общественном развитии, стремился понять внутреннюю закономерность исторического процесса: «История, — писал Салтыков-Щедрин, — имеет свои повороты, которые невозможно изменить, а тем менее устранить. Это, конечно, не слепой фатализм, перед которым не остается ничего другого, как преклониться, и не произвол, которому люди подчиняются, потому что за ними стоит целый легион темных сил; но все-таки это закон, и именно закон последовательного развития одних явлений из других»¹.

Стремясь к познанию законов, по которым развивается история, Щедрин не поднялся над идеалистическим пониманием ее как процесса непрерывного движения человечества к общественному идеалу. Но он писал о естественности и прогрессивности перехода от рабства к феодализму, от феодализма к капитализму. Писатель был убежден, что капитализм так же, как в свое время крепостничество, придет к неминуемой гибели и уступит место более прогрессивному, социалистическому строю, утверждение которого он ошибочно связывал с революционной деятельностью крестьянских масс.

Салтыков-Щедрин подверг уничтожающей критике исторические теории славянофилов и государственников. «Действительная история человеческих обществ, — писал он, критикуя «мишурный блеск» официальной историографии, — есть повесть неписанная и по преимуществу безымянная, которой нет дела до случайных накипей, образующихся на поверхности общества»².

Решающую роль в русской истории Салтыков-Щедрин отводил народным массам. Он решительно протестовал против ее фальсификации. В «Истории одного города» сатирик создал остроумную пародию на защитника норманской теории М. П. Погодина. Щедрин показал решающую роль народных масс в создании Русского централизованного государства, в борьбе с польско-шведской интервенцией. Вместе с тем в его произведениях подчеркнута большое значение таких прогрессивных деятелей, как Галилей, Франклин, Ломоносов, Добролюбов и Чернышевский.

Салтыков-Щедрин дал прекрасную характеристику Петру I, как великому прогрессивному деятелю, патриоту, считая его в то же время «величайшим самодуром своего времени», обрекшим народ «на вечное рабство».

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIII, Л., 1936, стр. 150.

² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VI, стр. 110.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 19.

В 70—80-х годах Салтыков-Щедрин с горечью писал о возможности в тот исторический период победы народной революции, но верил, что придет конец терпению народа и его пассивности. «Ясно, — читаем в его «Мелочах жизни», — что идет какая-то знаменательная внутренняя работа, что народились новые подземные ключи, которые кипят и клокочут с очевидной решимостью пробиться наружу. Исконное течение жизни все больше и больше заглушается этим подземным гудением...»¹.

Дмитрий Иванович Писарев (1840—1868) сыграл, несмотря на некоторую непоследовательность в защите демократических принципов, большую роль в распространении среди передовой русской молодежи революционного понимания истории. Для Писарева, как и других последователей Чернышевского, обращение к истории, резкая критика дворянской и буржуазной историографии были не самоцелью, а одним из средств революционной борьбы за освобождение народа.

Высмеивая официальные учебники по русской истории Кайданова, Смарагдова, Устрялова, Писарев с уничтожающей иронией говорил: «В настоящее время история есть список собственных имен, связанных между собой разными глаголами и пересыпанных цифрами годов. Антон поколотил Сидора в таком-то году, а потом Сидор соединился с Егором, и пошел на Антона в таком-то году, и вздул его при таком-то городе, и выгнал его из такого-то царства. Потом Сидор с Егором передрались за добычу: потом Егор женился на дочери Сидора, Фекле, в таком-то году, и получил за нею в приданое такие-то города; потом... Ну, и так далее — вот образчик той истории, которую изучают наши гимназисты»².

Резко критикуя буржуазных историков за антидемократизм и восхваление существующего строя, Писарев считал основной задачей истории показ причин эксплуатации народа в прошлом и отыскание путей лучшего будущего. «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляет единственную цель и надежду всех честных граждан. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла..., династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть»³, — пророчески предсказывал он

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XVI, М., 1937, стр. 447.

² Д. И. Писарев. Наша университетская наука. Ж. «Русское слово», 1863, № 8, стр. 19.

³ Д. И. Писарев. Избр. философ. и обществ.-полит. статьи, М., Госполитиздат, 1949, стр. 126—127.

в 1862 г. в статье-прокламации «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти».

Писарев был не только убежден в неизбежности народной революции, но и стремился отыскать ее исторические предпосылки. В работе «Французский крестьянин в 1789 году» он на примере Французской буржуазной революции показал, что «...разоренный и забитый народ мог в решительную минуту раз вернуть и несокрушимую энергию и глубокое понимание своих потребностей... и такую силу политического воодушевления... смог подняться на ноги и обновиться радикальным уничтожением всего средневекового беззакония»¹.

В превосходной аллегорической статье «Пчелы» Писарев подчеркивает, что, кроме деспотического и полицейского произвола, важнейшей причиной революции является экономический гнет трудящихся. Он рассказывает, как в «пчелином королевстве» «пролетарии», обремененные тяжелой работой, трудятся на трутней — эксплуататоров. Порядок в улье остается неизменным «только тогда, когда припасов достаточно, когда кругом улья лежат цветущие луга, на которых тысячи пчел могут находить себе ежедневно обильную добычу. Как только наступает дождливая осень, как только полевые цветы завянут и осыплются, так обитатели улья начинают чувствовать беспокойство; являются экономические недоразумения; трутни сталкиваются в своих интересах с пролетариями, и это столкновение ведет к страшным кровавым результатам, ясно показывающим несостоятельность такой конституции, которую управляют пчелы»².

В своих произведениях Писарев основное внимание уделял переломным революционным периодам всеобщей истории и внес значительный вклад в их демократическое освещение.

Одним из предшественников материалистического понимания истории был видный революционный демократ и публицист Николай Александрович Серно-Соловьевич (1834—1866). Связанный тесными узами дружбы с Чернышевским, Герценом, Огаревым и Шелгуновым, он способствовал дальнейшему развитию революционно-демократического направления в историографии.

Для него история не случайное нагромождение фактов, не результат деяний выдающихся исторических личностей, а проявление внутренних закономерностей. «Исторической жизнью народов и всего человечества, — писал он, — управляют постоянные, неизменные законы, направленность и произвольность, которые люди привыкли видеть в исторических событиях, толь-

¹ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч. в шести томах, т. 6, СПб, 1901, стр. 588.

² Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. 2, СПб, 1903, стр. 331.

ко кажущиеся»,¹. В объяснении законов исторического развития Серно-Соловьевич видел «архимедов рычаг для устранения бедствий и увеличения благосостояния»². Для того чтобы понять жизнь того или иного народа, нужно, по его мнению, знать географию данной страны, ее «социальный характер в важнейших моментах», ее историю.

Однако, признавая закономерности исторического развития, борьбу классов, неизбежность революционных взрывов, Серно-Соловьевич считал движущей силой истории смену идей. Правда, как отмечает Б. И. Романенко, он «делал попытки преодолеть идеализм в области истории», «писал, что нельзя сводить причину исторического процесса только к смене идей, к знаниям»³. Большое значение в развитии общества он придавал производственной деятельности, труду человека. «Государство в целом составе, — указывал Серно-Соловьевич, — и каждый человек, отдельно взятый, могут существовать только при ежедневно возобновляемом производстве трудящихся»⁴.

Особый интерес проявлял Серно-Соловьевич к изучению истории войн и колониальных грабежей. Здесь он сделал массу интересных замечаний и выводов, не утративших своего значения и по сей день.

Различая войны справедливые и захватнические, Серно-Соловьевич был горячим противником последних, хотя считал их неизбежными между капиталистическими странами. «Надо быть чересчур наивным, — писал он, — чтобы поверить, что миллиарды истрачены на вооружение собственно для того, чтобы иметь удовольствие сложить оружие в арсеналы»⁵.

Арест, ссылка в Сибирь и трагическая гибель по дороге в Иркутск прервали кипучую деятельность одного из видных последователей Чернышевского.

Непримиримым борцом за демократическую науку, свержение самодержавия и освобождение трудящихся был Николай Васильевич Шелгунов (1824—1891). Около 20 лет пробыл он в тюрьме и ссылке, но сохранил свои демократические убеждения.

Ему принадлежит значительное количество работ по русской и всеобщей истории, в которых он касался развития буржуазного строя, роста противоречий между буржуазией и пролетариатом, истории русского крестьянства, его антифеодальной борьбы и других проблем.

¹ Сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932, стр. 73.

² Там же, стр. 75.

³ Б. И. Романенко. Мироззрение Н. А. Серно-Соловьевича, М., Госполитиздат, 1954, стр. 159, 160.

⁴ Сб. «Революционное движение 1860-х годов», стр. 96.

⁵ См. Б. И. Романенко. Указ. раб., стр. 174.

Шелгунов, уступая Чернышевскому и Добролюбову в общетеоретических вопросах, внес значительный вклад в изучение русской и мировой истории с позиций защиты интересов крестьянских масс. Его работы оказали заметное влияние на Щапова и пользовались большой популярностью в народнических кругах.

Заканчивая краткое рассмотрение особенностей революционно-демократического направления в русской историографии, следует отметить, что его освещению советские историки до сих пор не уделяли того внимания, которого оно заслуживает.

Первая и пока единственная характеристика исторических взглядов русских революционных демократов в целом принадлежит В. Е. Иллерицкому и содержится во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР»¹.

К сожалению, в учебном пособии «Историография истории СССР», одним из редакторов которого и автором соответствующей главы (17) является В. Е. Иллерицкий, допущено досадное отступление, по сравнению с «Очерками». Рассматривая взгляды Чернышевского и Добролюбова, автор ничего не говорит о развитии их идей другими представителями революционной демократии. Если учесть, что Добролюбов умер в 1861 г., а Чернышевский с 1862 г. был арестован и почти до конца жизни находился в ссылке, то станет очевидной необходимость показать деятельность их последователей в демократической науке.

Тогда еще яснее будет виден тот неопределимый вклад, который внесла в развитие передовой демократической историографии славная когорта революционных демократов 60—70-х годов. Их непримиримая борьба с либерально-буржуазной исторической наукой расчищала почву для возникновения марксистской науки, а прогрессивные выводы, прежде всего признание решающей роли народных масс в истории, создавали предпосылки для утверждения марксизма в России.

ЛИТЕРАТУРА

Ф. Энгельс. Письмо к Е. Паприц от 26 июня 1886 г. Сб. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 276—277.

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. I, стр. 125—346.

В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 171—180.

Н. Г. Чернышевский. Очерки научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. Соч., т. X, стр. 808—948.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 7—66.

Д. И. Писарев. Пчелы. В кн.: «Избр. философ. и обществ.-политич. статьи», 1949, стр. 91—118.

Д. И. Писарев. Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти. Там же, стр. 119—127.

В. С. Манешин. Общественно-политические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина, Харьковск. книжн. изд-во, 1960, стр. 40—69.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 7—66.

Б. И. Романенко. Мировоззрение Н. А. Серно-Соловьевича, М., Госполитиздат, 1954, стр. 152—178.

ЛЕКЦИЯ 3

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИК-ДЕМОКРАТ А. П. ЩАПОВ

Жизненный путь и формирование политических взглядов А. П. Шапова. Общенсторические воззрения. История народных масс как центральная тема его исследований. Революционно-демократическое направление в русской историографии и Шапов.

В середине XIX ст., на рубеже двух эпох, в условиях роста народного недовольства и резкого обострения классовой борьбы в России яркий и своеобразный след в историографии оставил первый русский профессиональный историк-демократ Афанасий Прокофьевич Шапов (1831—1876 гг.).

Выход разночинцев на арену освободительной борьбы в годы первой революционной ситуации, их стремление поднять крестьянство на сознательную и решительную борьбу во имя подлинной свободы превратили в эти переломные годы проблему народа и его пробуждения в один из главных вопросов политической борьбы. И совершенно закономерно, что в середине XIX века и в русскую историческую науку пришел типичный разночинец историк Шапов, который в ответ на насущные потребности идейно-политической и революционной борьбы поставил трудную, но вполне назревшую задачу: доказать, что «русская история — это сам русский народ в течение веков»¹.

Шапов родился в 1831 г. в глухом сибирском селении Анге. Отец его был сельским дьячком, мать — неграмотной крестьянкой-буряткой.

Девятилетним мальчиком Шапов попал в Иркутскую бурсу, через шесть лет в духовную семинарию, откуда его как способного семинариста в 1852 г. направили в Казанскую духовную академию. Порядки здесь были немногим лучше, чем в бурсе и семинарии, главным человеческим достоинством считалось «благочестие, хождение в церковь даже в будни, кротость, да

¹ А. Шапов. Неизданные сочинения. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926, стр. 40.

покорность или послушание начальству»¹. Здесь определился его интерес к истории, причем влияние демократически настроенных студентов, с которыми Щапов сблизился во время учебы в академии, знакомство с произведениями Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Шевченко, а главное, конечно, глубокое знание жизни народа оказались сильнее религиозно-церковной философии и карамзинско-устряловских идей.

Поражение царизма в Крымской войне было тем внешним толчком, который заставил молодого историка глубже увидеть и понять реакционный характер и историческую обреченность самодержавно-крепостнических порядков.

По отзывам товарищей, Щапов выделялся не только своими демократическими убеждениями и патриотизмом, но и «беззаветной откровенностью: что было у него на уме, то и на языке, и всегда перед кем угодно; его речь отличалась прямотой, поведение было просто, искренне... Искренность его соединялась с необыкновенной смелостью, отвагой... Смелость эта вытекала прямо из убеждения и чистого сердца»².

В 1856 г. Щапов закончил академию со степенью бакалавра и был оставлен для чтения лекций. Его диссертация «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII», была опубликована в 1858 году.

Вынужденный представить диссертацию по истории церкви, Щапов остановился на той теме церковной истории, в которой главным действующим лицом был народ, а история церкви перешла в историю народного движения.

Немало ярких страниц диссертации было посвящено показу народных бедствий, неправого суда, взяточничества, чиновничьего произвола, царского деспотизма и крепостнического гнета. Вместе с тем Щапов считал раскол отклонением от единственно правильного пути православной церкви, указывал на «благоустроительные» начала самодержавной власти. За такую непоследовательность и слабый показ социальных корней раскола Н. А. Добролюбов в одной из статей «Современника» справедливо критиковал Щапова. Критические замечания и перевод в Казанский университет, освободивший молодого ученого от прямой церковной опеки, помогли ему в следующей работе «Земство и раскол» (1860) довести до логического завершения элементы социально-политической оценки раскола. Здесь мы уже находим достаточно обоснованный вывод о том, что раскол — «это... могучая, страшная общинная оппозиция подат-

ного земства, массы народной против всего государственного строя...»¹.

Щаповская оценка раскола противоречила официально-церковной точке зрения и не случайно вызвала злобные выступления столпов самодержавно-православной идеологии.

Печально известный «Муравьев-вешатель» сочинил донос, в котором не без преувеличения писал о книге Щапова: «Это настоящий коммунизм с беспрепятственными выходками против бояр и чиновников, требующий уравнивания во всем... раскол выбран... рычагом, чтобы все поднять для какой-нибудь новой Пугачевщины»².

Испуг этот можно понять, если учесть то преувеличенное значение, которое придавали расколу деятели революционного движения 60-х годов, пытавшиеся использовать его в борьбе с царизмом. И хотя попытки эти были обречены на неудачу, обращение к расколу характеризует Щапова как историка, который стремился использовать изучение прошлого в интересах политической борьбы.

Об этом убедительно свидетельствовало содержание его программной вступительной лекции, прочитанной 12 ноября 1860 г. в Казанском университете, куда Щапов был приглашен вместо уехавшего в Москву С. В. Ешевского. Название лекции «Общий взгляд на историю великорусского народа» и первые же слова лектора рассеяли недоброжелательное отношение студентов, боявшихся, как бы бакалавр из духовной академии не угнал их библейскими сказаниями. «Скажу наперед: — заявил молодой профессор, — не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и общности вступаю я на университетскую кафедру русской истории»³.

Столь решительно отмежевавшись от официальной историко-юридической школы, Щапов противопоставил ей свою историческую концепцию, созвучную школе Чернышевского и Добролюбова. Главная идея, которая лежала в ее основе и которую он затем последовательно проводил во всех своих работах, содержалась в словах: «Главный фактор в истории есть сам народ... сущность и содержание истории есть жизнь народная»⁴.

Вступительная лекция была горячо одобрена студентами, а молодой профессор вскоре стал самым популярным человеком в кругах прогрессивной общественности Казани.

Кроме открытых лекций по истории русского народа, в которых смело цитировались Герцен, Огарев и другие революцио-

¹ А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 460.

² Андрей Николаевич Муравьев о Щапове. Письмо к влиятельному лицу, 1862 г. Ж. «Русский архив», 1882, № 6, стр. 211.

³ А. П. Щапов. Неизд. соч., стр. 12.

⁴ Там же.

¹ П. В. Знаменский. История Казанской духовной академии, вып. II, Пб., 1892, стр. 77.

² Г. А. Лучинский. Афанасий Прокофьевич Щапов. Биографический очерк. В кн. А. П. Щапов. Соч., т. III, СПб., 1908, стр. XV.

неры-демократы, Шапов читал конспиративные лекции о декабристах, о развитии революционных идей в России, о конституции.

Сохранившийся текст его лекции «О конституции» отчетливо показывает революционный характер этого конспиративного чтения. Говоря о широком размахе крестьянских выступлений, в которых «народ выражал всю свою политическую философию, свои демократические думы и стремления»¹, Шапов требовал от демократической интеллигенции определить степень и характер своего участия в этом движении. «И горе нам, нестолбовым дворянам и чиновникам, — говорил он, — если взволнуются, забудут эти могучие силы здоровой сельской Руси под руководством ее удалых, добрых молодцев, если мы первые не подадим этому огромному, забитому большинству народа руку свободы, братства, если равенство — еще мечты»².

Сам Шапов, помимо пропаганды революционно-демократических идей в университете, стремился к активной общественной деятельности. Так, он намеревался создать в Казани общество для распространения грамотности, крестьянские бесплатные библиотеки и школы для подготовки сельских учителей³. Стремясь осуществлять через воскресные школы не только просвещение народа, но и революционную агитацию, Шапов активно участвовал в работе студенческих землячеств и использовал их в этих целях. Когда в селе Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии, вспыхнуло стихийное выступление крестьян против грабительских условий реформы 1861 года, Шапов заявил студентам: «Ну, вот Вам и деятельность! Вы только собираетесь заводить по деревням своих агентов, закупаете шрифты и достаете литографские станки, а жизнь-то бьет своим обычным ключом»⁴.

Кульминационным моментом политической деятельности историка-демократа в Казани было его известное выступление на панихиде по жертвам Безднинской расправы. 16 апреля 1861 г. с амвона кладбищенской церкви в Куртине Шапов выступил с яркой революционной речью, в которой смело и резко осудил кровавую расправу над крестьянами. Выступление историка прозвучало как открытый вызов царскому самодержавию и призыв к восстанию. Отметив, что крестьяне доказали способность народа «к инициативе политических движений»⁵. Шапов закончил свою речь пророческими словами: «Земля, которую

вы возделывали, плодами которой — питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла Вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и к свободе... Мир праху Вашему и вечная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!»¹.

Этот открытый вызов царскому самодержавию произвел большое впечатление на передовые общественные круги, вызвал широкие отклики, усилил авторитет и влияние Шапова на демократическую молодежь. Царское правительство, и без того встревоженное революционной деятельностью казанского историка, решило арестовать его. Однако оно опасалось волнений в Казани, поэтому Шапова вызвали в Петербург и по дороге арестовали.

Период ареста и следствия — от 30 апреля 1861 г. до 19 февраля 1862 г. — очень важен в смысле завершения формирования политических взглядов Шапова.

Если в мае 1861 г. он из тюрьмы послал известное письмо Александру II, в котором излагал программу необходимых преобразований, проявив элементы наивного крестьянского монархизма, то через четыре с половиной месяца, удивившись в призрачности своих надежд на доброго царя, он 19 февраля 1862 г. пишет письмо, которое, по справедливому утверждению М. В. Нечкиной, «свидетельствует о том, что у Шапова революционно-демократические взгляды взяли верх над наивно-монархическими колебаниями крестьянства»².

Письмо Шапова попечителю Казанского учебного округа князю П. П. Вяземскому, впервые опубликованное в 1959 г., дает возможность глубже и вернее понять эволюцию его политических и исторических взглядов.

В письме Вяземскому нет и следа наивного крестьянского монархизма. «Масса народная самая живая, — пишет Шапов, — отрицает царя со всеми его централизационно-бюрократическими учреждениями, отрицает вельможество, княжество со всем его помещичеством». Поэтому, «если царь страшится, не хочет страшного суда народного — ужаснейшей в свете предстоящей русской революции»³, он должен, «предоставив областным советам и союзному федеративному земскому собору создать русское земское общинно-демократическое народосвящение..., отречься от самодержавия»⁴. Народ, собравшись на зем-

¹ А. П. Шапов. Неизд. соч., стр. 57.

² Там же, стр. 57.

³ Ж. «Былое», 1907, № 1, стр. 200.

⁴ М. Лемке. Очерки освободительного движения 60-х годов, СПб., 1908, стр. 293.

⁵ Речь А. П. Шапова после панихиды по убитым в с. Бездна крестьянам. Ж. «Кр. Архив», 1923, т. IV, стр. 409.

¹ Речь А. П. Шапова... «Кр. Архив», 1923, т. IV, стр. 410.

² М. В. Нечкина. А. П. Шапов в годы революционной ситуации. Письмо к П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г., «Лит. наследство», 1959, т. 67, стр. 646.

³ Там же, стр. 661.

⁴ Там же, стр. 662.

ский собор, отрекается от императора, предоставляет автономию Польше, Украине, Великороссии, Сибири, другим провинциям и создает социально-демократическую конституцию — таков политический идеал Щапова. Характерно его заявление: «Я еще больше, чем когда-либо, готов пострадать за то, чего я желаю народу, или, лучше сказать, за то, чего требует сама, *вся горькая, вопиющая жизнь русского народа...* Я говорю и буду говорить до смерти или до каторги одно: конституция русская *не может быть сочинена* ни новым Сперанским — гением бюрократическим, ни новым Муравьевым или Пестелем — неспелым, односторонним гением. 14 декабря, ни одним Искандером — *никем*. Она *должна быть создана*, организована самим народом...»¹.

Трудно отказать автору этих слов в принадлежности к революционно-демократическому лагерю, тем более, что он сам ясно сознавал революционный характер своих замыслов и предвидел возможные трагические последствия своей антиправительственной деятельности, когда называл себя выразителем исторической народной думы, «которая... заставляет бежать от всяких подлых интересов и искательства... за *бегуном*-крестьянином...», в могилу Радищевых, Рылеевых»².

Таким образом, в 1861 г. политические убеждения Щапова сложились в своей основе как революционно-демократические.

Утверждению Щапова на революционно-демократических позициях безусловно способствовало его пребывание в Петербурге (1861—1864). Скованный унизительными обязанностями поднадзорного чиновника Министерства внутренних дел по раскольничьим делам и цепями столичной цензуры, историк вынужден был действовать и писать крайне осторожно.

Сближение с видными деятелями революционной демократии, дружба с Г. З. Елисеевым и В. С. Курочкиным, знакомство с А. Н. Пыпиным, Н. И. Костомаровым, М. И. Семевским, Н. Г. Помяловским оказали заметное влияние на исторические работы Щапова. Развивая и углубляя изучение истории народа и народных движений, он продолжает заниматься исследованием раскола, пропагандирует свою земско-областную теорию. В журнале «Век», в издании которого он принимал участие, были опубликованы такие исторические статьи его: «Сельская община», «Земство», «Русские самородки», «Земские соборы XVII столетия»; в «Отечественных записках» — «Великорусские области и смутное время», «Земство и раскол», «Земский собор 1648—1649 гг. и собрание депутатов 1767 г.» и ряд других. После встречи с Н. Г. Чернышевским Щапов написал для «Современника» статью «Разум и наука в России в былые времена», запрещенную цензурой.

¹ Письмо Щапова к Вяземскому..., стр. 658.

² Там же, стр. 661.

В 1862 г., когда верноподданнические излияния официальной печати, вызванные отменой крепостного права, усилились в связи с шумным празднованием «тысячелетия России», Щапов противопоставил либерально-помещицкому квасно-патриотическому словесному потоку статью под характерным названием «Гражданская грусть». Статья была рождена, говоря словами автора, «созревшим сознанием и глубоким чувством неестественности, лжи в людских социальных отношениях. Это — глубоко продуманный непримиримый с действительностью вывод»¹.

Истоки отрицания существующего несправедливого социального строя Щапов видел в глубине веков. Особенно усилилась «гражданская грусть», по его словам, после французской революции, «в эпоху сознания политического рабства целых народностей и аномального, неестественного социального положения и быта низших масс народных, простого народа, рабочих классов, в эпоху сильного развития пауперизма, пролетариата, рядом с неестественной, искусственной, чрезмерной, всепоглощающей централизацией капиталов...»².

Назвав «деспотическим» период русской истории от восстания декабристов до поражения царизма в Крымской войне, Щапов давал убийственную характеристику современному ему обществу, показывая тяжелый гнет, политическое бесправие, экономическое неравенство и «несправедливость вопиющую».

В заключительной части этой неоконченной и не увидевшей свет статьи автор на основе официальных статистических таблиц пытался, причем достаточно убедительно, экономически обосновать необходимость ликвидации помещицкого землевладения.

Нужно отметить, что не только грусть и возмущение испытывал историк, анализируя нищее и бесправное положение пореформенной деревни. В статье «Новая эра. На рубеже двух тысячелетий», опубликованной 7 января 1863 г., он писал: «И мощная, но пророческая вера предтечей нашего лучшего современного меньшинства — Ломоносова, Радищева и Белинского — становится фактом и внушает лучшему современному меньшинству нашему новую, могучую, живую веру в будущность освобождения крестьян, в будущность самого освобожденного крестьянина»³. Утверждая здесь же по поводу крепостнической реформы, «что вне народа — все невозможно, что без народа — все бессильно», Щапов полон веры в силы народа, в его грядущее освобождение. «Как ни грустна вся прошедшая история наших масс народных, податных, бывших крепостных,

¹ Н. Я. Аристов. Афанасий Прокофьевич Щапов (Жизнь и сочинения). СПб., 1883. Приложения, стр. 157.

² Н. Я. Аристов. Указ. соч. Приложения, стр. 158.

³ А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, Иркутск, 1937, стр. 7—8.

чернорабочих, служилых, но они сохранили свою богатырскую мощь, сохранили веру в свою волю и свою силу»¹.

Историческая теория Щапова, его стремление поставить изучение прошлого русского народа на службу жгучим проблемам современности пользовались большой популярностью в среде передовой русской общественности.

Рецензия, опубликованная в «Современнике» в марте 1863 г., отмечала, что с работами Щапова в историческую науку «входит новая точка зрения на события народной жизни», которая может «исправить много ошибок... нашей прежней исторической рутин». Подчеркивая одну из самых важных особенностей историка, автор рецензии писал: «Щапов не останавливается на одних предварительных изучениях и старается ввести читателя в самую среду этой исторической жизни народа в известную эпоху, объяснить ту связь, которая соединяет его старину с настоящим, и от давнего исторического вопроса привести к вопросу современному и практическому. В этом мы видим существенное и высокое достоинство трудов г. Щапова»².

Отмеченное «Современником» актуальное политическое звучание работ историка-демократа вызывало серьезное беспокойство самодержавного правительства, которое после жестокой расправы с разрозненными крестьянскими выступлениями перешло к разгрому прогрессивных общественных сил. Полоса арестов и репрессий, вырвавших из революционно-демократического лагеря Чернышевского, Михайлова, Н. Серно-Соловьевича и других наиболее активных деятелей, сыграла роковую роль и в жизни Щапова. Особая комиссия потребовала выслать его из столицы «для предупреждения могущих быть вредных последствий от связи с неблагонадежными людьми»³.

Весной 1864 года Щапов вместе с верным другом и помощником женой Ольгой Ивановной Жемчужниковой в сопровождении жандарма выехал в Иркутск. Ссылка не страшила историка, выросшего в Сибири, куда он ехал с большими творческими планами и новыми идеями. Однако условия, в которых Щапову пришлось жить в Иркутске, постоянный надзор, отсутствие архивов и научных библиотек, материальная нужда и полная духовная изоляция внесли серьезные коррективы в его планы. «Кто не испытал, тот не может и представить себе, — писал он, — чего стоит быть писателем в провинциальной глуши..., где вокруг случайно заброшенного мыслящего человека все спит глубоким сном бессознательной жизни... Ни притока

новых впечатлений, ни обмена мыслей, ни книг, ни образованных людей — ничего нет для мыслящего человека в нашей мертвой и пассивно-неподвижной провинции.

При такой обстановке умственная работа — каторга, испытываемая ежеминутно тем, кто чувствует потребность в этой неугомонной работе»¹.

Учитывая подобные «каторжные условия» научной работы в годы спада первой революционной ситуации, а также особый цензурный режим для ссыльного, поднадзорного историка, нужно отвергнуть утверждение Аристово о неудачной и бесплодной научной деятельности Щапова в Сибири². Эта ошибочная точка зрения перекочевала и в некоторые работы советских историков. Так, В. Е. Иллерицкий считал, что 1864—1876 годы были «периодом упадка научной деятельности Щапова», который, «находясь в Сибири, сделал заметный шаг назад от своих воззрений, свойственных ему в лучший период его научной и общественно-политической деятельности»³.

С этим вряд ли можно согласиться. Во-первых, нельзя новые, незавершенные искания историка, искания, свойственные всем передовым представителям русской общественно-политической мысли того времени, перечеркивать и, абстрагируясь от крайне тяжелых условий сибирской ссылки, считать упадком научной деятельности. Во-вторых, даже не анализируя многочисленные работы историка, созданные в этот период, достаточно взять несколько последних, чтобы убедиться в том, что автор их от социально-антропологических проблем переходит к конкретно-историческим темам и стремится связать борьбу различных классов с их экономическим положением.

Такие статьи историка, как «Сибирское общество до Сперанского», «Эгоистические инстинкты в Ленской общине» «Что такое рабочий народ в Сибири», написанные после знакомства с «Капиталом» Маркса, свидетельствуют о дальнейшем развитии Щапова как историка, о плодотворности его мучительных исканий правильного материалистического объяснения истории. Незрелость социально-экономического развития России, в которой, по его словам, «при... неразвитости промышленных сил... вопрос труда и общественного его значения для рабочего класса остается вопросом темным»⁴, исключала для Щапова и его единомышленников по революционно-демократическому лагерю материалистическое понимание истории. Преждевременная

¹ А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 154.

² Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 116, 117.

³ В. Е. Иллерицкий. Рецензия на кн. П. Кабанова, «Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова». Ж. «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 147; Его же. Русская историография второй половины XIX века (Лекции для студентов Моск. госуд. историко-архивного института), М., 1957, стр. 37.

⁴ А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 581.

¹ А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, стр. 14.

² «Современник», 1863, № 3, стр. 11.

³ Е. Чернышев. Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века. «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIII, вып. 4, Казань, 1927, стр. 79.

смерть в 1876 г. от туберкулеза оборвала дальнейшую эволюцию исторических взглядов талантливого русского историка.

К решению важнейших проблем отечественной истории Шапов подходил с позиций защиты многовековых чаяний крестьянских масс, т. е. с позиций Чернышевского, Добролюбова, Шевченко.

В аргументированной оригинальной статье Ю. Д. Марголис «Т. Г. Шевченко и А. П. Шапов» правильно отмечается, что Шапов впервые «на материале исторической науки реализовал страстный исполненный боли и надежды шевченковский призыв, обращенный ко всем демократам России: «Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опасуженную чернь! За этого поруганного, бессловесного смерда!»¹.

Основными недостатками дворянской и либерально-буржуазной историографии Шапов считал идеализацию прошлого, односторонний интерес к истории государства, игнорирование истории народных масс и многострадальной борьбы народа против самодержавия и крепостничества. «Мы до такой степени были чужды своему народу, что не научили его даже своей русской народной истории»², — писал он в адрес столпов официальной науки. «Где же земля и люди? Ужели провалились куда-нибудь, а осталось одно государство?»³.

Критикуя дворянских историков за идеализацию старины и уход от современности, за «одностороннюю узкую идею» восхваления монархии, Шапов противопоставлял им Радищева и Белинского, которые, «отбросивши всякую память старины», «умственным глазом» заглядывали вперед, пророчествовали о будущей свободе», «поднявши смелый голос сомнения и критического суда»⁴. Солидаризируясь с Радищевым и Белинским, которые, как и сам Шапов, критиковали дворянскую историографию и стремились связать изучение прошлого с острыми политическими вопросами современности, историк-демократ выделял Татищева за то, что «ум его уже значительно проникнут был естественно-научным рационализмом», а сам он был убежден в том, «что история без географии немислима»⁵.

Последовательный противник самодержавной власти, видевший в русской истории непрерывную борьбу народа с феодальным государством, Шапов осуждал монархически настроенных историков, которые, подобно Устрялову, «с приторным патрио-

тизмом изображали торжество православия и единодержавия и восхищались мнимою корыстною любовью народа к царю»¹.

Шаповская критика либерально-буржуазной историографии в основных своих пунктах совпадала с критическими выступлениями Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Шевченко². Особенно наглядно об этом свидетельствует отношение Шапова к представителям так называемой государственной школы — Чичерину и Кавелину.

В статье «Естествознание и народная экономия», опубликованной в 1863 г., Шапов, критикуя «рыцарей либерального словоблудия», ссылаясь на Чернышевского, который, по его словам, доказал, что «невозможно никакими историко-юридическими или административными мерами искоренить в мире голод и бедность...»³. Касаясь различных направлений в развитии современной ему общественно-политической и исторической мысли, Шапов детально рассматривал историко-юридическую теорию. В основе ее, писал он, лежало ошибочное убеждение о зависимости свободы и благосостояния русского народа от хороших или правильных государственных учреждений, от постепенных политических реформ. Особенно резко в связи с этим критиковал он Чичерина, который «проявился в этой категории... типом ультра-государственного фанатизма, рьяным поповедником строгой, систематической государственной унии и централизации, или централизационно-бюрократического государственного пантеизма: государство и народ, по его метафизико-юридической доктрине — одно и то же»⁴.

Шапов, так же как Чернышевский и Добролюбов, подчеркивал огромное научное значение «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, но вместе с тем критиковал крупнейшего русского буржуазного историка за то, что он не признавал в истории России других народов, кроме русского, а все исторические факты и события укладывал в прокрустово ложе идеи государственности. «Оттого сия история, — отмечал Шапов, — больше — биография царей и князей, а не всецелая биография или история народа»⁵.

Превосходство Шапова, как представителя интересов народных масс в русской историографии, над представителями либерально-буржуазного направления сказалось в тонкой оценке, которую он дал своему современнику Н. И. Костомарову.

Оппозиционные стороны исторических взглядов Костомарова, его концепция борьбы двух начал — веча и единодержавного давали основание Шапову писать о расхождениях Косто-

¹ Ю. Д. Марголис, Т. Г. Шевченко и А. П. Шапов. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 3, стр. 79.

² А. П. Шапов. Собр. соч., доп. том, стр. 14.

³ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 367.

⁴ А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 207, 369.

⁵ Там же, стр. 237.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 681.

² См. Ю. Д. Марголис. Указ. ст., стр. 71.

³ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 160.

⁴ Там же, стр. 157.

⁵ А. П. Шапов. Неизд. соч., стр. 17.

марова с государственной школой, говорить о различиях между ним и Соловьевым¹. Однако за этим различием Шапов во внутренней противоречивости взглядов либерально-буржуазного историка сумел увидеть черты, роднившие его не только с Соловьевым, но и с таким крайним государственным, как Чичерин. Костомаров, писал он, приняв за основание деления русской истории идею народности, «находит в истории русского народа два условия: удельно-вечевой и единодержавный. Но и это деление, нам кажется, не вытекает вполне из идеи народности, а сближается с идеей государственности. Определение удельно-вечевой уклад не обнимает всех сторон фактов народной жизни до единодержавного уклада. А единодержавный уклад может быть допущен только в истории государства, а не в истории народа: идея единодержавности не заключается в понятии народности»².

Критически оценив состояние либеральной историографии, Шапов сумел не только правильно определить ее антидемократизм, но в противовес науке, служившей эксплуататорским классам, «понимая русскую историю не иначе, как в смысле истории народа», выдвинул свое, демократическое понимание задач и обязанностей историка.

В этом отношении точка зрения Шапова, изложенная в лекции «О конституции», совпадала с требованиями Чернышевского и Добролюбова и отражала революционно-демократический подход к изучению истории в период борьбы за освобождение крестьян.

Так же как Белинский и Чернышевский, Шапов высоко ценил огромное идейно-политическое значение передовой исторической науки, ее роль в борьбе с реакционно-крепостнической идеологией. В своем горячем стремлении связать изучение исторического прошлого русского народа с борьбой за преобразование общественного строя России, историк-демократ ставил законный вопрос: «Мы, русские, знаем ли мы наше прошедшее настолько, насколько нужно нам знать наше настоящее?»³. И с горечью отвечал: «Мы не знаем русского народа, того народа, о свободе которого все мы мечтаем».

Связывая борьбу народа в прошлом с его борьбой за ликвидацию крепостного права в середине XIX в., Шапов на основании исторического опыта уверенно заявил о том, что народные массы отрицают царя и помещиков. Непокоримо убежденный, «что в истории главный фактор есть сам народ»⁴, он требовал от подлинно «народного историка» глубокого и всестороннего изучения тяжелой жизни и самоотверженной борь-

бы народных масс. «Пусть историческая жизнь нашего простого сельского народа, многочисленного и разнообразнейшего, пусть она протекала в 17 и особенно в 18 столетии только в стоне и бегстве от податей и налогов, от подушной переписи, от рекрутчины, от деспотического начальства, от крепостного права... да в бунтах противогосударственных, да в песнях грустно-заунывных, — говорил он студентам в лекции «О конституции», — историк тем более должен передать потомству этот стон, эти страдания, эти политические движения и бунты, эти, наконец, демократические песни народа...»¹.

Особое внимание «беспристрастный народный историк», по убеждению Шапова, должен уделять политическим движениям, изучать мысли и настроения народного большинства, понимать причины и характер его выступлений, детально характеризовать вождей народной борьбы, ее лозунги и требования. В народных выступлениях, считал он, «народ наш выражал всю свою политическую философию, свои демократические думы и стремления, свои чувства и симпатии»².

Народный историк, по мнению Шапова, не может пройти мимо изучения истории многочисленных народов царской России. «Без этого, — утверждал он, — разработка русской истории и настоящее знание нашего народонаселения, суммы его сил и качеств способностей — невозможны»³.

Разумеется, Шапов, ограниченный социально-экономическими условиями середины XIX века, не мог разрешить поставленные им с такой демократической последовательностью задачи в области истории.

Социологические взгляды и конкретные исторические исследования Шапова отставали от его общественных и философских убеждений. «Вооруженность научными знаниями и научным методом, — как справедливо заметил Н. Л. Рубинштейн, — отставали у Шапова от развития его общих идей, от его общественного мировоззрения...»⁴. Так, еще в период пребывания в Петербурге общепублицистские воззрения Шапова под влиянием материализма русских революционных демократов освобождались от идеалистических заблуждений. Об этом красноречиво свидетельствует его статья «Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия», в которой автор связывал «мифологическое воззрение древнерусского человека» с «его материальным бытом, совершенным незнанием сил и законов природы, неумением пользоваться ими для своих практических нужд, направленных к собственному материальному благу»⁵.

¹ А. П. Шапов. Неизд. соч., стр. 55.

² Там же, стр. 57.

³ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 367.

⁴ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 379.

⁵ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 79—80.

¹ А. П. Шапов. Неизд. соч., стр. 17.

² Там же.

³ Там же, стр. 40.

⁴ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 648.

В другой статье — «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», написанной в сибирской ссылке, Шапов прослеживает борьбу материализма с идеализмом в русской науке и показывает тех «немногих мыслителей», которые «решительно отстаивали принцип аналитического и экспериментального метода... и восстали против всяких идеалистических уклонений мысли в науке»¹.

Стремясь перенести свои материалистические убеждения на изучение общественного развития, Шапов высказал отдельные материалистические догадки (по вопросу возникновения общины, происхождения крепостного права, развития культуры и др.), но в целом он идеалистически решал основной вопрос о движущих силах исторического развития.

Главным фактором в истории общественного развития он считал разум². Закон «естествоиспытующего разума», по его убеждению, «могущественно движет историей и цивилизацией народов»³.

У Шапова, в силу целого ряда причин, противоречия между материалистическим решением основного вопроса философии и идеализмом в понимании общественного развития сказались глубже и острее, чем у представителей классического революционного демократизма Чернышевского и Добролюбова.

Будучи фактически историком одной темы, Шапов не касался западноевропейской истории, почти ничего не писал о внешней политике России, полностью отдавшись своей идее «следить за историей народа, жизни народной, за проявлением собственно народных стремлений, инстинктов, исканий, действий, страданий, движений»⁴. Пусть историки государства Карамзин, Устрялов, Соловьев, писал он, «рассказывают биографии царей, про войны... про московские приказы и петербургские коллегии... Мы хотим знать в историческом рождении, росте и воспитании нашего народа одно только то, что тяжкое перестрадал, перенес народ, чего хорошего, истинного, живого, свободного хотел он с молодости, со времени вечеревого младенчества...»⁵.

Свой общий взгляд на историю русского народа Шапов, как уже отмечалось, изложил во вступительной лекции к университетскому курсу. Не менее отчетливо его схема развития русской истории и ее периодизация выражены в составленной им «Программе истории русского народа»⁶. Хотя историк и не успел полностью реализовать ее, но структура и содержание про-

¹ А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 343.

² А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 398.

³ Там же, стр. 399.

⁴ Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 78.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Приложение IV, стр. 143—154.

граммы отражают его оригинальное понимание русской истории.

Отличительную особенность истории России Шапов видел в «начале областности». В официальной науке, утверждал он, все разнообразие в развитии отдельных земель и областей искусственно подгоняли под идею государственного развития. На самом же деле «русская история в самой основе своей есть, по преимуществу, история областных масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации»¹.

Только в русской истории, утверждал Шапов, ярко выделяется своеобразное, территориальное и этнографическое самобразование областей путем колонизации. Затем история идет через взаимную борьбу областей, через решительный протест областей против собирания земель вокруг Москвы. Областной элемент, по преувеличенному представлению Шапова, был самым жизненным господствующим началом, «главным мотивом исторического движения до централизации». Им же определился исход борьбы в «смутное время», он проявился на земских соборах XVII века. Областной элемент определял борьбу в течение веков, проявился в бунтах и восстаниях, а «в начале XIX столетия возбудил в либеральных умах в знаменитое время тайных обществ разные планы и проекты конституционного устройства...»².

В преувеличении историком значения земско-областной формы русской истории, в идеализации областного элемента был определен политический смысл. Решительно и смело заявив в университетской лекции, что «всякая единичная власть неспасна, ненавистна для областных общин»³, Шапов, как и многие предшественники передовой русской общественной мысли, ошибочно отрицал прогрессивное значение Русского централизованного государства. Это была ошибка, за которой скрывалось решительное осуждение, самодержавной власти, закрепленное утверждением: «воля народная — закон»⁴.

Отрицательная характеристика исторической роли самодержавия воспитывала ненависть к царизму, а конкретный показ истории борьбы народных масс против феодального государства говорил о необходимости и возможности борьбы с ним в настоящем и будущем. Так, шаповская теория «областности» служила задачам политической борьбы и вытекала из убеждения историка, что «теперь требуется уже не теоретическое толь-

¹ А. П. Шапов. Неизд. соч., стр. 13.

² Там же.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Там же.

ко выяснение исторического призвания русского народа, но жизненное, практическое осуществление его»¹.

В 1864 г. в статье «Естествознание и народная экономия» историк, пытаясь определить причины отсталости народа и пути ее ликвидации, отказался от своей земско-областной теории. «Под земством и земским саморазвитием, — писал он, — я разумел все сферы социального развития, всю массу народа со всеми ее этнографическими видоизменениями, всю совокупность сил народных — умственных и физических, все интересы и потребности народные — умственные и экономические»². Между тем никакие теории, по утверждению историка, не могут улучшить положение народа, «если он груб, неразвит, суеверен, невежествен от того, что не знает природы, и беден, неустроен, бессилён, пассивен тоже от того, что природы не знает»³.

Пути ликвидации отсталости народа и его пробуждения Шапов, под влиянием Писарева, ошибочно видел в изучении законов взаимодействия внешней и человеческой природы, распространении их на область истории и использовании в будущем социальном строе. «...Надобно, — писал он, — чтобы естествознание просветило общество, преобразовало все его мирозерцание и было для них центром всеобщего тяготения к одной, всеобщей цели социальной — к рационально-экономическому благоустройству и к интеллектуальному совершенствованию в борьбе с природой»⁴.

Хотя Шапов в указанной статье решительно осудил славянофильскую идеализацию старины и вслед за Чернышевским в поисках причин возникновения бедности и богатства обратился к экономической истории, попытка с помощью естествознания и «естествоиспытующего разума» определить пути улучшения «умственного» и экономического быта народа была обречена на неудачу, несмотря на то, что имела определенное значение в борьбе с государственной школой.

В противоположность историкам государственной школы, пытавшимся из отсталости народа сделать вывод в пользу необходимости и благотворности государственной власти, Шапов в своих исследованиях доказывал, что вследствие разрыва между народом и самодержавным государством последнее является тормозом в историческом развитии, «ибо гражданские правители большею частью не столько заботились о благе народа, сколько угнетали его»⁵.

Для того чтобы ликвидировать угнетение народа государством и обеспечить возможности дальнейшего исторического

развития, не государство, а народ должен решать свою судьбу. Возможно же это, по убеждению историка, только в результате «развития и распространения реального просвещения в рабочих массах»¹.

Объясняя причины отсталости народа, Шапов идеалистически решал вопрос о ее ликвидации через просвещение. Сильные и слабые стороны шаповского понимания русской истории нагляднее всего обнаруживаются в конкретном освещении истории народа и народных движений.

Ярко освещал историк тяжелое положение многомиллионных масс крепостного крестьянства на протяжении веков, происхождение сословий и крепостного права, упорную борьбу народа против помещиков и феодального государства, жизнь, быт и нравы «иноподобных» народов и племен, выдающийся вклад представителей народа в развитие науки и культуры.

Горячий защитник и идеолог русского крестьянства в исторической науке, полагавший, что «строителями России были крестьяне везде и всюду»². Шапов оставил непревзойденные описания тяжелой, безрадостной жизни основного класса стечественной истории.

Два факта, по Шапову, определили историческое развитие русского народа в древности — географическая среда, или природа, и нервная-мозговая организация человека, его ум.

Колонизация огромных земельных пространств, утверждал он, обусловила в русской истории преобладание физического развития над интеллектуальным.

В течение ряда столетий народ в упорном изнуряющем труде осваивал огромные пространства от Карпат до Урала и Сибири. «Первый толчок к географическому распространению и устройству земледельческих поселений дали не столько умственные понятия и расчеты, — полагал Шапов, — сколько естественные, желудочные потребности и побуждения»³.

В противовес утверждениям представителей государственной школы, связывавшим происхождение общины с деятельностью государства, Шапов ищет истоки ее в материальных, экономических условиях. «Сама природа русской земли, — пишет он, — дикая, невозделанная, суровая по климату, скупая на произведения, естественно научала русский народ организовать естественно-рабочие общины и артели, чтобы сообща, совокупными, коллективными силами побороть и покорять дикую и суровую природу»⁴. Кроме климата и почвы, на распространение, устройство и развитие земледельческих поселений действовали, по Шапову, и другие физико-географические условия, в частно-

¹ А. П. Шапов. Собр. соч., доп. том, стр. 7.

² А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 158.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 159.

⁵ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 433.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 156.

² Н. Я. Аристов. Указ. соч. Приложения, стр. 156.

³ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 190.

⁴ А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 382.

сти, «преобладание пространства над числом народонаселения и лесов над полями»¹. Первое определило легкость передвижения, второе обусловило развитие частной земледельческой колонизации и происхождение вотчинных и крепостных земледельческих поселений².

Появились, пишет историк, люди «лучшие, старейшие, зажиточнейшие и богатейшие и люди меньшие, худшие, беднейшие». Последние, не имея возможности справиться с лесом, «добывать свой хлеб насущный и обстраиваться своим двором», были вынуждены садиться на чужой земле за определенные обязанности. «А на этом и основывалась земледельческая вотчинная колонизация, создавшая впоследствии обширные крепостные, земледельческие поселения»³.

Таким образом, происхождение богатства и бедности, а равно и зачатки крепостничества историк связывал с неравенством сил и средств, экономической нуждой и необеспеченностью, вытекающих, по его убеждению, из незнания природы. «Сила богатства и происходящая отсюда влияние и власть также оттого только были возможны, что богатые классы или случайно, или вследствие наибольшего практического ума и опытности, нахватавши больше других разных благ в готовой экономике природы, или силой награбивши их у бессильных, слабых и оплошных людей, — и потом употребили свои богатства или на новое, дальнейшее расхищение экономики природы, или на дальнейший грабеж, эксплуатацию и закабаление классов бедных, слабых, рабочих»⁴.

В статье «Исторические условия интеллектуального развития в России» Шапов прослеживает, как на протяжении XII—XVI веков складывались экономические предпосылки закрепощения крестьян. По далеко не полным летописным данным, говорит он, через каждые 13 лет был неурожай, через каждые 17 лет — эпидемия, через каждые 14 лет — пожары и т. д., «отсюда выходит, что одни физические бедствия на Руси составляли сумму 20 событий в столетие и возобновлялись через каждые 5 лет»⁵. К стихийным бедствиям следует прибавить «постоянные и многообразные тягости государственные... разорительные войны, опустошительные набеги крымцев... вопиющее неправоудие, тяжкие налоги и повинности, притеснения приказных людей, развитие крепостного права и помещичьего деспотизма...»⁶. Чем больше было «обстоятельств разорительных», за-

ключает историк, тем больше народ должен был работать, чтобы окончательно не разориться, не умереть.

Описывая титанический труд народных масс по освоению своей страны, Шапов с болью отмечает, что наградой за него было крепостное право. Первоначальное прикрепление крестьян к земле постепенно «обратилось в полное крепостное рабство». «И когда в главных частях кончилась починочная вырубка лесов и основоположительная архитектурная постройка землевладельческих сел и деревень, — тогда кончилась и *вольным воля*, и богатырскому землеустроительному крестьянству, за его вековую *страдомную работу*, воздано было крепостным правом, и грустно увековечилась пословица: *вот тебе, бабушка, и юрьев день!*»¹.

Шапов относил оформление крепостного права к концу XVI ст., связывая его с последствиями сельскохозяйственного кризиса; XVIII век он правильно считал веком наивысшего развития крепостного права, «когда крепостное рабство достигло крайнего предела и произвол грубой силы дошел до забвения всяких человеческих отношений»².

Важным этапом закрепостительного процесса было, по его мнению, время правления Петра I, особенно 1718—1725 годы, «когда происходила первая формальная поголовная перепись, или ревизия душ»³, которая окончательно подчинила крестьян помещикам.

При Петре I, а его Шапов в отличие от славянофилов называл «великим строителем государственного порядка России»⁴, помещичий произвол обнаружился со всей силой. «Нужно сказать, — пишет он, — что XVIII век, особенно первая половина его, это тяжкая година народного стенания от податей и повинностей, година преобладания сильных иностранцев-тиранов и варварства публичных казней, эпоха взяточничества живыми душами, развития аристократического барства в ущерб другим сословиям и проч., — это было время едва ли не самое тяжкое для нашего народа, особенно для его низших классов»⁵.

Шапов, как и другие представители революционно-демократического направления в историографии, видел две стороны в деятельности Петра I. Он считал, что, с одной стороны, это был «гениальный государь, основатель империи»⁶, а с другой — «при Петре все лишились свободной жизни», а сам

¹ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 232.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 241.

⁴ Там же, стр. 170—171.

⁵ Там же, стр. 512.

⁶ Там же, стр. 512—513.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 241.

² А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 637.

³ Там же, стр. 516.

⁴ Там же, стр. 415.

⁵ Там же, стр. 410.

⁶ Там же, стр. 499.

он «для образования русского народа, собственно массы народной, ничего не сделал»¹.

Историк-демократ вплотную подошел к показу классовой сущности политики Петра, когда писал, «...как прочувствовали, пострадали, перенесли реформы Петра на плечах своих податные, крепостные, рабочие и служилые массы народа и как должна об них сказать правдивая чисто-народная история, оценивая их не отвлеченно, не по предзанятым идеям, а по чувствам, по страданиям перенесшего их на себе народа, современного Петру»².

После смерти Петра, по мнению историка, положение народных масс стало еще хуже, вымирало население сел и деревень, в результате чего обезлюдели огромные пространства. «От неурожая и голода, от тяжелых налогов и работ, от жестокого правяща недоимок, народ целыми сотнями, целыми тысячами бежал в Сибирь, на Урал, к казакам, к башкирцам, бежал в Турцию, Австрию и Польшу»³. Бегство крестьян еще более усилилось в период второй ревизии 1742 года и, особенно, после екатерининских указов, давших помещикам право «по своему произволу ссылать крестьян в Сибирь, или куда угодно, отдавать в солдаты, торговать ими, как товаром, продавать в рекруты...»⁴. Манифест Петра III о вольности дворянству 1762 года «окончательно обратил крестьян в полную собственность помещиков»⁵.

Щапов не ограничился показом ужасного положения помещичьих крепостных. В работе «Земство и раскол» он характеризует жизнь казенных и заводских крестьян. Казенные крестьяне, — указывая на он, — это крепостные рабы казны и сельских миров, находившиеся «в самом жалком состоянии», а заводские — это особая категория «несчастных, бесхозяйственных работников, рабов фабричных и заводских»⁶, о жалком угнетенном состоянии которых нельзя говорить без содрогания.

Ни у одного дореволюционного историка мы не найдем более яркой и глубокой характеристики горя и нищеты народных масс, чем у Щапова. «И не исчислить, — с горечью и болью писал он в письме к Вяземскому, — всего горя русского, если начать с мужичка, с хаты деревенской, где стон и вопль от рекрутчины, от неволи, от станового, от помещика ...и наяву и во сне, и в самом дворце, и в хижине деревенской, и на Невском и на улице сельской, везде видишь горе русское и слышишь горе русское, кричащее, вопиющее...»⁷.

¹ А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 499.

² Там же, стр. 526.

³ Там же, стр. 518.

⁴ Там же,

⁵ Там же, стр. 520.

⁶ Там же, стр. 519, 523.

⁷ Письмо Щапова к Вяземскому..., стр. 665.

В этом же письме историк говорит о том, о чем он не мог сказать в подцензурной печати — о виновниках горя народно-го и необходимости уничтожения их путем крестьянского восстания. «И пьем, — пишет он, — всю горькую чашу горя, горя от царя, горя от помещиков, князей и т. п. ... и ждем нового могучего Ст. Разина»¹.

Щапову, который сумел подойти к правильному объяснению возникновения и развития крепостного права, принадлежит непревзойденная по глубине характеристика отрицательного влияния крепостничества на развитие русского народа и его историю. «Крепостное право, — писал он, — самой черной, грабодной тучей проходило по земле русской, по сердцам народным через все XVIII столетие и глубоко отпечатался след его, даже на новых поколениях. Оно много побило, подавило умственных сил в народе, много причинило деморализации энергичному, твердому, богатырскому характеру, широкой, кипучей, богатой натуре русского народа, буйной, размашистой, сбойчатой воле его, много испортило крови в нем. Оно выразилось вредно не только материально, в хозяйственном и общественном быту народном, но и нравственно. Оно отпечаталось не только в истории народной, не только в житейских общественных и домашних обычаях, понятиях, фамильных преданиях и народных легендах, но и в языке русском, в песне народной...»².

Многочисленными примерами и фактами, всеми своими исследованиями Щапов неопровержимо доказал, что «все го более страдали крестьяне от несправедливости и угнетения помещиков»³, и поэтому самое важное для них — ликвидация крепостного права, уничтожение помещичьего землевладения.

В своем неутомимом стремлении к изучению истории народных движений историк-демократ останавливал пристальное внимание на единственном широко доступном для него источнике — устном народном творчестве. В исторических народных песнях и былинах про богатырей, Ермака, в демократических песнях о казаках, о Степане Разине и Пугачеве он видел «живую летопись исторической жизни и громкий голос демократических масс народных, живущий в устах и сердцах народа»⁴. В этой неуядаемой летописи народной жизни Щапов черпал материал о страданиях и борьбе народа, а главное, уверенность в его грядущем освобождении. «Вся эта самобытная, народная былинная и песенная история, — отмечал он, — сколько полна векового недовольства, горя-злосты, страдания, стона, отрицания, столько же богата изобра-

¹ Письмо Щапова к Вяземскому..., стр. 665.

² А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 521.

³ Там же, стр. 439—440.

⁴ А. П. Щапов. Неизд. соч., стр. 55.

зительными типами богатырской народной силы, воли в лице всех этих удалых буйных добрых молодцев — вековых народных борцов с силами противонародными»¹.

Историю народной борьбы Щапов рассматривал в неразрывной связи с изменением экономического и политического положения народа.

В противоположность дворянским и буржуазным историкам, рисующим время царствования Алексея Михайловича как время «мира и тишины», историк-демократ показал, что народные движения характерны не только для царствования Алексея Романова, но и всей второй половины XVII века.

Народ был озлоблен, говорит историк, против виновников народных бедствий и неоднократно поднимал против них восстания. «Вслед за московским бунтом — бунт коломенский, бунт в Псковской земле, бунт в Новгородской земле, бунт в Устюге, бунт в Сольвычегодске... Словом мир *весь закачался*»², — заключает он и указывает на антагонизм между народом и правительством, которое «было ненародно, непонятно для массы земства, ни по духу распоряжений и узаконений, ни по самому языку указов». Другой причиной Щапов считал нежелание крестьян терпеть «год от году усиливавшегося крепостного права, несносных поборов, рекрутчины»³, вследствие чего все сильнее раздавался на Руси «громкий челобитный вопль..., а за воплем — недовольство, раздражение и восстания»⁴.

Один из первых историков раскола как социального движения, всячески преувеличивавший его антифеодальный характер, Щапов считал, что в движении раскольников «сходились все частные противогосударственные и демократические антипатии и стремления: и недовольство деспотизмом власти и преобладанием сильных, и недовольство крепостным состоянием, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стеснение свободы и своеволия законами и тягость податного состояния...»⁵.

Крестьянскую войну под руководством Степана Разина Щапов называл «первым явным народным движением раскола»⁶, смягчая тем самым ее антифеодальную сущность.

Самым мощным крестьянским восстанием, предпосылки которого зрели в течение всей второй и третьей четверти XVIII века, он справедливо называл восстание под руководством Емельяна Пугачева. С 1729 по 1772 год, или вплоть до пугачевского

восстания, отмечал он, почти не утихали волнения, предвещая могучую крестьянскую войну, потрясшую феодальное государство. «Словно тучи перед грозой скоплялись элементы крестьянского недовольства и по временам глухо уже взрывались движениями, предвещающая страшный громовой грохот пугачевщины»¹.

Даже в подцензурной печати Щапов сумел нарисовать грозную картину мощной крестьянской войны 1773—1775 годов, называя ее «буйным движением накипевшего, наболевшего в сердцах народных антагонизма и недовольства..., прорывом несносно-сдержанных могучих сил народа к выходу из-под векового гнета...»², а руководителя народного движения — знаменитым казаком Емельяном Ивановичем Пугачевым, сумевшим с особым демократическим тактом начать свое большое дело. «И зашевелился, задвигался, — писал с восторгом историк, — весь юго-восточный край империи, зашевелились русские и инородцы, затряслось все южное приволжье и заволжье, затряслись уральские заводы и зауральская Сибирь. Полетели возмутительные листы, манифесты, не многоглаголиво-красноречивые, а затрагивающие самое сердце и все вековые помыслы, желания и ожидания народа: «дарю волей и землей и рекой, и травами и морями, и хлебным провиантом, и крестом, и бороною, и свинцом, и порохом». И слова эти, как самая горячая, пламенная искра, просто производили пожар в сердцах народных. И пламя пугачевщины пылало. Крепостные, тяжко-податные, рабски-служебные, тяжко-чернорабочие основы империи заколебались»³.

Трудно не услышать в этих словах признания большого исторического значения крестьянских восстаний. Не только в статье «Земство и раскол», но и во многих других, написанных значительно позже, мы находим подобные положительные оценки таких явлений русской истории, «когда крепостные... массы крестьянства... громко выступают на сцену истории, вращают целым краем империи... и ужасают правительство»⁴.

Вместе с высокой оценкой силы и значения крестьянских войн, Щапов приближался к правильному пониманию их стихийного, неорганизованного характера, когда писал о том, что они не были «осмыслены» никакой «разумно-сознательной идеей»⁵. В рукописных заметках Щапова, попавших в руки жандармов, говорится, что, если в пугачевском восстании противогосударственный, демократический протест народа проявился в качестве стихийной физической силы, то движение де-

¹ А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, стр. 14.

² А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 460.

³ Там же, стр. 730.

⁴ Там же, стр. 459.

⁵ Там же, стр. 410.

⁶ Там же, стр. 466.

¹ А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 521.

² Там же, стр. 544.

³ Там же, стр. 540.

⁴ Там же, стр. 547.

⁵ А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 250.

кабристов было вызвано к жизни силой политического самосознания, силой конституционных идей. По его мнению, народная борьба и движение дворянских революционеров — два противоположных лагеря, и чем скорее они объединятся, тем лучше. «И скоро ли придет, — мечтал он, — то святое время, когда Пугачев, двигатель масс народных, подаст руку декабристу Муравьеву или Пестелю, или Петрашевскому, когда тяжелые грустные звуки и думы песни народной сольются с думами Рылеева»¹.

Переходя от истории народной борьбы в далеком прошлом к жгучим вопросам современности, Шапов высказывал уверенность, что крестьяне, неудовлетворенные половинчатым характером реформы 1861 года, поднимутся, выдвинут из своей среды новых Разиных и Пугачевых и в союзе с идеологической силой крестьянского восстания — революционной интеллигенцией — осуществят действительное освобождение. Так, в письме к Вяземскому, характеризуя настроение русского крестьянства, он пишет, что мужики, получив «цареву волю, без воли народной» освободителю крестьян Александру II «... шлюют матюка и ждут нового А. Петрова, Ст. Разина или Пугачева»².

Таким образом, Шапов, опираясь на изучение истории народа и народных движений, главную роль в борьбе с крепостничеством и самодержавной властью отводил крестьянству. Революционная интеллигенция должна была, по его мнению, просветить народ силой революционного сознания и, выступая в союзе с ним, придать стихийному крестьянскому движению сознательный и организованный характер. «...До сих пор все наши теории и идеалы носятся вне действительного мира, вне рабочих масс»...,³ отмечал он, имея в виду трудящееся крестьянство.

Когда надежды на крестьянское движение не оправдались, первый революционный натиск был отбит, а сам историк попал в Сибирь, он не утратил веру в потенциальные революционные возможности народных масс, но в условиях наступления политической реакции стал горячо ратовать за естественно-научное просвещение народа. В естествознании, в пространстве реальных знаний среди трудящихся он ошибочно искал новые пути преобразования социально-политического строя. Причину такого отступления следует искать в конкретных исторических условиях спада революционной ситуации и усиления реакции. Это было вынужденное отступление, связанное не с отказом от борьбы против самодержавия и

крепостничества, а с поисками новых путей освобождения народа.

О характере этих поисков приходится судить преимущественно на основании статей ссыльного историка, пропущенных цензурой, так как большинство рукописей Шапова периода сибирской ссылки погибло. Но даже в подцензурных статьях, написанных и опубликованных в необычайно трудных условиях, видны мучительные искания историка в новой исторической обстановке. Прежде всего, он не всегда твердо верил в то, что от просвещения трудящихся зависит их свобода и благосостояние. В одном случае ему кажется, что «массе народной столько же нужно было и улучшение ее гражданской, социально-экономической участи, сколько знание тайн природы»¹, в другом он считает «естественные науки... и светом, и жизнью, и просвещением ума, и благом жизни, ...источником умственного просвещения и материального благосостояния»².

В статье «Исторические условия интеллектуального развития России», опубликованной в 1868 г., он высказывает чисто утопические мысли и, пытаясь убедить капиталистов в необходимости просвещения рабочих, наивно призывает всех промышленников «... искать своих прямых выгод не в эксплуатации и невежестве низших классов, а в умственном всестороннем их развитии»³.

Несколько позже в статье «Физическое и антропологическое мирозерцание и социальное развитие русского общества», увидевшей свет лишь в 1908 г., автор, касаясь вопросов умственного развития угнетенных классов, приводит довольно прозрачные рассуждения Добролюбова из статьи «Народное дело» о том, что не образование и просвещение, а экономический гнет и политическое бесправие толкают народ на восстание⁴.

Здесь же после многочисленных выдержек из «Капитала» Маркса говорится: «Мы знаем поразительные примеры, как из одного и того же способного народа действительно образовывались, в течение каких-нибудь двух столетий или 10 поколений, два совершенно разных населения, словно два разных племени, вследствие того, что одна часть этого народа насильственно лишена была всяких средств для нормального физического и умственного развития, обречена была на самую бедственную жизнь в невежестве, а другая часть того же народа поставлена была в более благоприятные условия»⁵.

¹ А. П. Шапов. Неизд. соч., стр. 84.

² Письмо Шапова к Вяземскому..., стр. 664.

³ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 157.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 637.

² А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 620.

³ Там же. стр. 556.

⁴ А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 421.

⁵ Там же, стр. 426—427.

В письме к Вяземскому историк дает глубокую и яркую характеристику «четырех сословных каст», которые со времени Петра I «начали преобладать над народом»¹. Первая каста — дворянская, вырождающаяся, «изгнивающая... налегла на сельский народ всею тяжестью землевладельческого, крепостного самовластия и грабежа, насилия и буквально поядения крестьянской крови». Вторая — духовная, которую он называет «народозатемнительной, народогонительной и народомрачительной»; третья — военная (страж самодержавия) — характеризуется им как «самое отборное... вооруженное зло для свободной жизни народа, истины, мысли, слова, для народного самоуправления...». И, наконец, четвертая каста — чиновничья, «каста жалких, чернильных, бездушных... борзописцев, каста бесчувственной булыжной брани над народом, над его вопиющим горем»².

Четырем господствующим сословиям историк противопоставлял огромное большинство народа, «безгласный, сдавленный низ, базис тяжелой печальной пирамиды».

Не имея возможности глубоко уяснить и осмыслить классовые противоречия, Шапов видел их в русской истории, когда писал о господстве сословного антагонизма, о том, что одно сословие тормозит умственное и экономическое развитие другого³. В этом «сословном антагонизме», безграничном прославлении и возвеличении дворянства и столь же «безграничном унижении и угнетении рабочего класса» историк видел одну из причин невежества и бедствий народа.

Шапов не отрицал необходимости капиталистического развития, наоборот, отмечая, что «в обществе заметно стало усиливаться господство ...класса капиталистов над классом рабочих» и что «капитал все более и более... утверждал свое господство над трудом»⁴, он сетовал на неразвитость промышленных сил России⁵. «У нас еще крайне мало развит, даже в численном отношении, тот промышленный класс народа, — писал он, — в котором обыкновенно прежде и более всего, чем в остальной массе народа, пробуждается интеллектуальная жизнь, — именно класс фабрично-заводский»⁶. А между тем всегда и везде, по его мнению, фабричные рабочие стояли во главе остального народа.

Говоря о «застое» и «рутине» в области промышленного труда, Шапов в то же время правильно подметил «рабскую

забитость, крайний недостаток духа инициативы, предприимчивости, недостаток просвещенной рациональности»¹ русской буржуазии. Связывая дальнейшее развитие страны с прогрессом в промышленности, историк усматривал причину застоя в том, что «дом самодержцев всероссийских стал главным регулятором всей жизни русского народа и общества»².

И хотя в период сибирской ссылки Шапов все настойчивее говорит о естественно-научном просвещении народа как главной задаче, он, как мы убедились, не снимал с повестки дня вопросов борьбы с помещичьим землевладением и самодержавной властью. Историк непоколебимо верил, что в народе найдется достаточно «энергии и ума, чтобы открыть себе выход к свету и прогрессу»³.

С большой патриотической гордостью Шапов писал о том вкладе, который внесли выходцы из народа в развитие русской науки и культуры. Он был убежден, что «ломоносовски работать для науки» могут только представители трудящихся масс, а Ломоносова называл «реформатором народного мирозерцания» и считал, что гениальный русский ученый своими открытиями «первый защищал права русского крестьянства и мещанства на высшее образование»⁴.

Непоколебимая вера историка в неиссякаемые творческие возможности народа, в великое будущее Родины, убежденность в неодолимости сил прогресса лежали в основе его исторического оптимизма, который был одной из отличительных особенностей исторической концепции Чернышевского и Добролюбова.

Убежденный в том, что русский народ неминуемо «получит венец истории — свободу»⁵, Шапов считал его исторической миссией обеспечение братского союза Востока и Запада. «В тот день, — пророчески писал историк, — когда мы скажем восточным народам: будьте братья наши, пойдемте с нами в общечеловеческое просвещенное братство, в тот день Восток заключит ожидаемый Европой завет с Западом — и Европа признает Россию за великий народ, благодарно выполнивший свою великую историческую задачу на перекрестном пути, где соединяется Восток с Западом»⁶.

Никто до Шапова не изучал так обстоятельно историю других народов Российской империи. «Взгляните только на этнографическую карту России, — писал он. — Какое множество и какая пестрота красок, означающих племена и расы! ...Все они

¹ Письмо Шапова к Вяземскому..., стр. 658.

² Там же, стр. 659—660.

³ А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 378.

⁴ Там же, стр. 560.

⁵ См. А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 581.

⁶ Там же, стр. 580—581.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 509.

² А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 131.

³ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 569.

⁴ Там же, стр. 553.

⁵ А. П. Шапов. Неизд. соч. стр. 55.

⁶ А. П. Шапов. Собр. соч., доп. том, стр. 19.

ждут от нас помощи к развитию и лучшему проявлению сил на пользу общенародную»¹. В ряде статей историк-демократ показал «те варварские тиранические жестокости», с которыми правительство и господствующие классы относились к так называемым инородческим племенам и которые вели их «больше к вымиранию, чем к правильному социально-физиологическому саморазвитию»².

Наиболее яркое проявление жестокой колониальной политики царизма Шапов видел в отношении русских воевод якутам в XVII веке, в расправах военных команд «с новокрещенными казанскими инородцами, или в Сибири — с остяками и татарами»³ в XVIII веке.

В ответ на притеснения, открытый грабеж и физическое истребление, нерусские народы «вынуждены были не раз восставать и вести ожесточенную борьбу за существование»⁴. Историк подтверждает это многочисленными историческими примерами — восстания инородцев в период крестьянских войн под руководством И. Болотникова, Ст. Разина, Е. Пугачева, борьба за племенную независимость киргизов, алтайских горных калмыков, бурят, башкирское восстание и т. д.

Шапов ставил законный вопрос, адресуя его главному виновнику — самодержавной власти: «А не лежит ли на нас, на нашей истории еще одно мрачное пятно — истребление многих инородческих племен?»⁵.

Сильные стороны шаповского понимания истории отчетливо видны при рассмотрении его многочисленных работ по истории Сибири. В диссертации Н. П. Болтухина «А. П. Шапов как историк Сибири» справедливо отмечено, что «взгляды Шапова на историю Сибири были для того времени глубоко прогрессивными, а некоторые выводы не потеряли своего значения и в наши дни»⁶.

Детально изучив политические и социально-экономические условия жизни сибирских народов до и после включения Сибири в состав Русского государства, историк сумел сделать правильный вывод о прогрессивности присоединения Сибири к России. В противовес Миллеру и Словцову, рассматривавших колонизацию Сибири как «историю мер правительственных», Шапов отводил решающую роль в ее освоении народным массам и прежде всего крестьянству.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 365, 367.

² Там же, стр. 389.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Н. П. Болтухин, А. П. Шапов как историк Сибири. Автореф. канд. дисс., Томск, 1958, стр. 13—14.

Основной причиной, толкавшей крестьян к переселению за Урал, он считал усиление их эксплуатации со стороны помещиков. Внимательно исследуя характер взаимоотношений русского народа с коренными жителями Сибири, Шапов видел разницу между колониальной политикой самодержавия и прогрессивной ролью русского народа. Отмечая, что дружба русского народа с коренными жителями Сибири оказывала благотворное влияние на экономику и быт коренных жителей, способствовала развитию производительных сил и культуры дружественных народов, Шапов ратовал за дальнейшее укрепление этой дружбы¹. Историю местного населения в своих этнографических исследованиях он рассматривал с точки зрения экономической и политической зависимости от царского правительства. Отмечая наличие в Сибири того же тяжелого феодального гнета, что и в центре страны, Шапов разоблачал областников, которые отрицали господство феодализма в Сибири и на основе этого пытались обосновать возможность какого-то особого «сибирского» пути развития.

Шапов видел разложение сибирской общины, процесс дифференциации крестьянства, борьбу между беднотой и кулачеством, однако ошибочно полагал, что с помощью общины можно задержать расслоение крестьянства и рост капиталистической эксплуатации.

Питая подобные утопические иллюзии, в которые, по словам В. И. Ленина, было «позволительно и даже естественно ...впадать... в 60-х и 70-х годах, — когда еще так мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни, когда еще не обнаруживалось так ярко разложение деревни...»², Шапов в то же время выступал за ликвидацию феодально-купеческих монополий, за развитие крупной машинной индустрии. Считая капиталистическое развитие естественным и закономерным явлением, он был убежденным сторонником промышленного развития Сибири.

Последовательный противник национально-колониального гнета, Шапов неустанно призывал русское общество во имя укрепления экономической мощи страны заключить братский союз между всеми народами России и оказывать всемерную помощь нерусским народностям. «Пора нам, русским, — писал он, — понять, что и восточные инородцы — братья наши, что мы исторически обязаны ввести их в общеевропейскую семью»³.

Скованный идеалистическим пониманием общественного развития, историк был далек от правильного решения нацио-

¹ Н. П. Болтухин, А. П. Шапов как историк Сибири, стр. 9—10.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 263.

³ А. П. Шапов. Собр. соч., доп. том, стр. 18.

нального вопроса. Его федеративная теория, которую он сам считал «смутным и неопределенным идеалом»¹, была опрокинута в прошлое и носила утопический характер.

Историк не видел, да и не мог увидеть той единственной силы, которая способна радикально решить судьбу угнетенных народов. Пролетариат как класс еще только формировался. Тем не менее щаповский подход к изучению истории нерусских народностей, резкая критика колониальной политики царизма, горячий призыв к объединению освободительных усилий народов Российской империи были для того времени прогрессивным явлением в русской исторической науке.

Представляя собой «явление исключительное»² в истории русской академической историографии, Щапов, видимо, не случайно был или почти совершенно забыт, или искажен до неузнаваемости в дореволюционной буржуазной исторической науке.

О нем очень редко упоминали, на него не ссылались, а собрание его сочинений, выпущенное в 1906—1908 гг., осталось нераспроданным вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Не только в литературе, но даже на памятнике, установленном на могиле Щапова в Иркутске, вместо 1831 ошибочно указан 1830 год рождения историка.

Те же из буржуазных историков и биографов, кто писал о Щапове, сознательно принижали научную ценность его трудов, отказывались признать оригинальность его исторических взглядов, а главное, всячески выхолащивали их революционно-демократическую направленность. Так, М. О. Коялович писал, что его книги «переполнены великими несообразностями и нелепостями», а сам автор, откровенно шовинистически негодовал Коялович, «желая доказать низкую ступень мозгового развития у древнего русского человека», осмелился «на основании измерения черепов мордовских» делать выводы о русской цивилизации³.

Н. Я. Аристов и Г. А. Лучинский, противопоставляя общественно-политические и исторические взгляды Щапова взглядам Чернышевского и Добролюбова, объявили его учеником и последователем славянофилов. Стремясь во что бы то ни стало изобразить его либеральным поклонником конституционной монархии, Лучинский клеветнически утверждал, будто Щапов «в припадке отчаяния жалел, что принял участие в Безднийской панихиде»⁴; Аристов, осуждая историка за «увлечение политикой в ущерб науке», лицемерно вздыхал по по-

воду царской расправы над Щаповым после его выступления на этой панихиде. «Так, — писал он, — минутное торжество бесцельной политики убило наповал развитие науки!»¹.

Либерально-буржуазное приглашение Щапова в книге Аристова заставило Г. В. Плеханова, считавшего Щапова личностью «слишком дорогой для всякого, кто не остался равнодушным»² к освободительному движению 60—70-х годов, выступить со специальной статьей. Это была первая попытка оценить научную и политическую деятельность историка с марксистских позиций. Плеханов очень высоко ценил Щапова как убежденного борца против самодержавия и крепостничества, как талантливого историка народной жизни. Он писал: «Исторические труды А. П. Щапова оказали и продолжают оказывать большое влияние на умственное развитие нашей нарождающейся демократии»³.

В советской исторической науке до настоящего времени существуют различные точки зрения относительно места Щапова в русской историографии.

Так, в статье «Кем и как писалась русская история до марксистов» М. Н. Покровский, справедливо отмечая, что Щапов был первым русским профессиональным историком, защищавшим в исторической науке интересы крестьянства, вместе с тем считал его родоначальником какого-то особого «мужицкого исторического материализма». В другой статье, опубликованной к 50-летию со дня смерти Щапова, Покровский называет его «крупнейшим русским историком», пишет о мелкобуржуазной теории Щапова⁴.

Значительно ближе к правильному пониманию щаповских идей и его места в историографии подошел М. А. Гудошников, который во вступительной статье к дополнительному тому сочинений Щапова отнес его к революционным просветителям 60-х годов. «Вина его перед самодержавием, — указывал М. А. Гудошников — была в том, что он, как и Чернышевский, представлял «опальную» революционную науку»⁵. Говоря о решительном отмежевании Щапова от славянофильской идеологии и его переходе на сторону «Современника», Гудошников обращает внимание читателей на вульгарный материализм историка, который, по его словам, «задачи материалистического объяснения истории так и не решил, вернувшись к идеалистическому тезису — мнения правят миром»⁶.

¹ Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 64.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. II, изд. 3, Л.—М., 1925, стр. 10.

³ Там же, стр. 10, 13.

⁴ М. Н. Покровский А. П. Щапов (к 50-летию со дня его кончины). Ж. «Историк-марксист». 1927, № 3, стр. 5—13.

⁵ См. А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, стр. XXXI.

⁶ Там же, стр. XII.

¹ А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, стр. 6.

² Черки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 66

³ М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, СПб, 1884, стр. 419, 420.

⁴ Г. А. Лучинский. Указ. соч., стр. LVII.

Автор «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейн высказал ряд новых интересных мыслей об исторических взглядах Шапова и их эволюции. Однако, вследствие свойственного Рубинштейну в ту пору игнорирования революционно-демократического направления, его общая оценка Шапова непоследовательна и даже противоречива. Поставив историка-демократа между просветителями 60-х годов и народниками, Н. Л. Рубинштейн тут же утверждает, что его исторические взгляды «как бы обозначают путь от буржуазной исторической науки к новым идеям 60-х годов»¹.

Впервые революционером-демократом Шапов был назван во втором томе вузовского учебника по истории СССР². После этого появилась статья Е. И. Чернышева «Революционный демократ — историк А. П. Шапов». Автор ее, опубликовавший ряд важных работ Шапова, относит его к революционно-демократическому направлению в русской историографии³. П. Кабанов в книге «Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова», вышедшей в 1954 г. и являющейся значительным шагом вперед в изучении творческого наследия Шапова, пришел к выводу, что «по своим общефилософским воззрениям и социологическим взглядам Шапов, несомненно, принадлежал к революционно-демократическому лагерю 60-х годов»⁴.

Большую роль в утверждении подобной точки зрения сыграло опубликованное в 1959 г. М. В. Нечкиной письмо Шапова к П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г. и ее статья в связи с этой ценной публикацией⁵. Убедительно показав процесс освобождения шаповского мировоззрения от элементов наивного крестьянского монархизма, М. В. Нечкина вполне обоснованно считает историка «одним из крупнейших деятелей революционно-демократического движения шестидесятых годов»⁶.

Такая же оценка дана во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР». В «Предисловии» при упоминании о революционно-демократической исторической концепции Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, М. А. Антоновича отмечено, что А. П. Шапов «при всем своеобразии демократического мировоззрения

относится, несомненно, к этому же историографическому течению»¹.

В связи с этим вызывает недоумение позиция авторов учебного пособия «Историография истории СССР», опубликованного в 1961 году. Подчеркнув во введении свое стремление «учесть достижения советской исторической науки, нашедшие отражение в историографической литературе»², они в неоправданно краткой главе о Шапове почему-то обходят молчанием оценку историка, данную в «Очерках истории исторической науки в СССР». Говоря о его «наивно-монархических иллюзиях», они даже не упоминают о письме к Вяземскому, комментариях к нему и оценке, принадлежащих М. В. Нечкиной.

Между тем отнести Шапова к революционно-демократическому течению в русской историографии (оговорив недостаточную последовательность его взглядов, в отличие от представителей классической революционной демократии — Чернышевского и Добролюбова), кажется нам значительно более правильным и обоснованным, чем давать ему ту неопределенную расплывчатую оценку, которая содержится в «Историографии истории СССР» и до сих пор бытует в ряде работ.

При всех колебаниях и непоследовательности, ошибках и заблуждениях, Шапов был единственным профессиональным историком, который стойко защищал и отстаивал в дореволюционной историографии прогрессивную идею о решающей роли народа и народных движений, пытался связать историю народа с его борьбой за освобождение от крепостного права и вместе с народом, с его лучшими представителями самоотверженно искал пути к свободе и счастью родины.

В крепостнической самодержавной России Шапов нашел средство для выражения своих антикрепостнических и антисамодержавных убеждений. Его лекции в Казанском университете, выступление на Куртинской панихиде, письмо к Вяземскому, а главное — многочисленные исследования, в которых он, по словам Горького, «в сущности, первый ясно и твердо поставил вопрос о месте и значении трудового народа в истории России»³, были действенным оружием в борьбе за освобождение крестьянских масс.

Дорого заплатил историк за свои революционно-демократические убеждения, за стремление «поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром». Царское правительство очень быстро увидело, какую опасность представляют его деятельность и научные труды. Шапова не только ли-

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 388.

² История СССР, т. II, под ред. М. В. Нечкиной, 1949, стр. 449.

³ См. ж. «Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 35—58; А. П. Шапов. Неизд. соч., «Известия Общества археологии, истории, этнографии при Гос. Казанском ун-те», XXXIII, вып. 2—3.

⁴ П. Кабанов. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова, М., Госполитиздат, 1954, стр. 61.

⁵ М. В. Нечкина. А. П. Шапов в годы революционной ситуации..., стр. 645—668.

⁶ Там же, стр. 645.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 3.

² Историография истории СССР, стр. 21.

³ М. Горький. Несобранные лит.-крит. статьи, М., Госполитиздат, 1941, стр. 347.

пили университетской кафедры, но и поставили в исключительно тяжелые условия духовной изоляции.

Как мы уже видели, вся жизнь первого русского профессионального историка-демократа, поднявшего в исторической науке голос в защиту крестьянских масс, являлась цепью непрерывных лишений и репрессий. Удивительно ли, что в мировоззрении воспитанника бursы и духовной академии, ученого, лишённого систематического исторического образования, сосланного в далекую Якутию и тем самым изолированного от центров научной и общественно-политической мысли, мы находим ошибки и заблуждения?

Достоин удивления другое — как в этих ужасных условиях Шапов, вынужденный считаться с цензурным режимом, если он хотел донести свои демократические идеи до читателей, сумел сохранить в исторической науке не только «свежий голос чистый и могучий»¹, но стать «для своего времени крупнейшим русским историком»², оставившим непревзойденные фактической полнотой, патриотической страстностью и глубиной демократической мысли труды по истории народной жизни.

Поэтому при определении его места в истории русской исторической науки следует говорить о большом научном и патриотическом подвиге историка, который, по словам М. Н. Покровского, был «самым интересным явлением в нашей русской истории середины XIX века»³.

ЛИТЕРАТУРА

А. П. Шапов. Соч., т. I—III, СПб., изд. М. В. Пирожкова, 1906—1908.

А. П. Шапов. Собр. соч., доп. том к изд. 1906—1908 гг., Иркутск, 1937.

П. Кабанов. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова, М., 1954.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, стр. 66—80.

Г. В. Плеханов. Шапов. Соч., т. II, 1923, стр. 10—20.

М. Н. Покровский. А. П. Шапов. (К 50-летию со дня его кончины). Ж. «Историк-марксист», 1927, т. 3, стр. 5—13.

Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941, стр. 377—388.

Е. Чернышев. Революционный демократ-историк А. П. Шапов (1830—1876). Ж. «Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 38—58.

¹ Из письма А. И. Герцена Шапову осенью 1861 г. См. Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 74.

² М. Н. Покровский. А. П. Шапов. (К 50-летию со дня его кончины). Ж. «Историк-марксист», 1927, № 3, стр. 13.

³ Там же, стр. 12.

ЛЕКЦИЯ 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. КОСТОМАРОВА

Исторические условия формирования мировоззрения Костомарова. Националистическая основа его общеисторических взглядов. Костомаровская схема русской и украинской истории и ее противоречивость. Отношение современников. Место Костомарова в историографии.

Исторические взгляды Николая Ивановича Костомарова (1817—1885) — одного из родоначальников украинского буржуазного национализма — отражают процесс складывания украинской нации и возникновение идеи национального освобождения.

В русскую историографию Н. И. Костомаров пришел от вопросов истории Украины, которые он решал в духе либерально-буржуазной идеологии. В основе его оппозиционности лежали не социальные интересы народных масс, а робкий протест зарождающейся буржуазии против национального гнета царизма. В этом отношении весьма характерны изменения его политических убеждений. Начав свою деятельность в 1846 г. с организации Кирилло-Мефодиевского общества, Костомаров в пореформенный период пришел к осуждению студенческих выступлений и заигрыванию с царскими властями. Соответственно этому менялись его взгляды на историю Украины и России, сложившиеся в 40—50-х годах XIX века.

В этот период на Украине, как и по всей России, в результате развития капиталистических отношений углубляется кризис крепостничества.

Развитие новых, капиталистических производительных сил в недрах старого, феодального строя сопровождалось процессом формирования украинской нации. В 40-х годах XIX в. в составе складывающейся нации все заметнее выделяется национальная буржуазия. Сдавленная тисками полукOLONиальной зависимости, она пытается вести борьбу за национальное освобождение.

Резкое усиление крепостнического гнета, в условиях общего кризиса существующего строя, вызывало рост массового антифеодального крестьянского движения.

Отмеченные явления находили своеобразное отражение в формирующейся буржуазной идеологии, в которой уже в 40-х годах обозначились два направления — революционно-демократическое и либеральное. Идеологом первого был Т. Г. Шевченко, представителем второго — Н. И. Костомаров.

Известные черты оппозиционности самодержавию, характерные для Костомарова, объясняются не только социально-экономической обстановкой на Украине, но и особенностями его биографии.

Родился он в 1817 г. в слободе Юрасовке, Острогожского уезда, входившего тогда в состав Слободско-украинской губернии, позднее — Воронежской. Отец Костомарова был дворянином-помещиком, мать — крепостной крестьянкой. В 1828 г., когда отца убили крепостные крестьяне, Костомаров сам стал крепостным. Только через некоторое время матери удалось доказать законность его прав на наследство отца и добиться освобождения.

Учеба в Харьковском университете (1833—1836), «где уже давно начали развиваться украинофильские и панславистские симпатии»¹, способствовала глубококому изучению украинской истории, литературы, этнографии.

После кратковременной военной службы в Острогожске, в Кинбурнском драгунском полку, Костомаров возвращается в Харьков осенью 1837 года и живет здесь, с небольшими перерывами, до 1844 года, готовя магистерскую диссертацию. В этот период под воздействием вызревающих идей украинского помещичье-буржуазного национализма оформляются общественно-политические и исторические взгляды историка.

К этому же времени относится довольно интенсивная литературная деятельность Костомарова. В 1838 г. была напечатана на украинском языке его драма «Савва Чалый», в 1839 г. — «Украинские баллады», а в 1840 г. — сборник украинских стихотворений «Ветка». В большинстве этих произведений воспевалось в романтически идеализированном тоне прошлое Украины с ее «бесклассовым» обществом и «казацкой республикой».

Уже в это время вокруг Костомарова группируется кружок молодых людей, «преданных, — по его словам, — идее возрождения малорусского языка и литературы»².

Один из членов этого кружка Ф. К. Неслуховский рассказывает в своих воспоминаниях, что здесь у Костомарова впервые зарождается идея сближения славян. «Верьте, — говорил Костомаров в 1840 г., — эта идея разовьется, созреет, и славяне составят федерацию и займут подобающее им место в исто-

рии»¹. Позднее идея славянской федерации легла в основу Кирилло-Мефодиевского общества.

Ранние исторические работы Костомарова, созданные в начале 40-х годов, такие как «Первые войны малороссийских казаков с поляками», «Русско-польские вельможи», уже носили легкий оттенок национальной оппозиционности, и содержали попытки обоснования исконных прав украинского народа на автономию. В представленной в 1824 г. к защите диссертации «О причинах и характере унии в Западной России» автор стремился доказать, что «казаки были виновниками перенесения Малороссии и спасителями православия и народности», а «Хмельницкий заключил Зборовский мир против народных требований: ему ложно приписывают освобождение отечества»².

Подобные мысли диссертанта в сочетании с определенным интересом к истории народных масс послужили поводом к запрещению диссертации. Министр просвещения Уваров, по доносам харьковского архиепископа и на основании отрицательного отзыва Устрялова, предложил отобрать и уничтожить розданные экземпляры диссертации, «поставив на вид профессорам, ее одобрявшим, несообразность их распоряжения и приказав им впредь быть осмотрительнее»³.

Не обескураженный неудачей Костомаров через два года представил диссертацию на литературную тему — «Об историческом значении русской народной поэзии». После ее защиты он переехал в Ровно, а с 1845 г. стал профессором Киевского университета. Здесь в литературном кружке «Киевская Молода» в лице учителя П. А. Кулиша, студентов В. Белозерского и Аф. Марковича Костомаров нашел единомышленников.

Их объединяла идея славянской федерации, которая возникла в результате стремления к национальному освобождению Украины. В 1846 г. на основе литературного кружка сложилось тайное Кирилло-Мефодиевское общество, одним из учредителей которого был Костомаров. Общество, хотя и недостаточно организационно оформленное, имело устав и программу («Закон божий»), написанную Костомаровым. Члены его в преобладающем большинстве стояли на либеральных реформистских позициях и стремились к отмене крепостного права, ликвидации сословных привилегий и созданию славянской федеративной демократической республики во главе с Украиной.

Содержание «Закона божьего» достаточно ярко характеризует националистические идеи автора и его отношение к истории. Костомаров всячески идеализировал прошлое Украины,

¹ В. И. Семевский. Николай Иванович Костомаров (1817—1885). Ж. «Русская старина», 1886, т. XLIX, стр. 182.

² Н. И. Костомаров. Автобиография. М., 1922, стр. 26.

¹ «Исторический вестник», 1890, т. XL, стр. 138.

² В. И. Семевский. Указ. ст., стр. 138.

³ Там же, стр. 184.

которая «не любила... ни царя, ни пана и составила у себя казачество, т. е. братство», и был убежден, что по мере роста казачества «скоро все люди в Украине стали бы казаками, т. е. вольными и равными, и не было бы над Украиной ни царя, ни пана, кроме Бога единого», но, воссоединившись с Россией, она «попалась в неволю, ибо... по своей простоте не узнала, что такое значит царь московский, а царь московский значил то же, что идол и мучитель»¹.

Общенациональные качества украинского народа — свободолюбие и древняя истинная вера православная, — утверждал автор «Закона божьего», являются залогом спасения Украины, которая восстанет, поднимет мир славянский, «и не останется ни царя, ни пана, ни холопа, ни в Великой России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни у Хоруган, ни у Сербов, ни у Болгар»², и будет независимая Украина во главе вольного союза славянского.

В такой националистической схеме отчетливо просвечивают основные начала костомаровской концепции украинской истории.

Оппозиционность Костомарова самодержавной власти видна в тех резко отрицательных характеристиках, которые он дал Петру I и Екатерине II. Первый, по его словам, положил сотни тысяч украинцев в каналы «и на костях их построил себе столицу», а «немка царица Катерина, распутница все-светная, безбожница, мужеубийца, кончила казачество и свободу»³. Однако на допросах, после ареста в 1847 г. вместе с другими членами Общества, он не только выдал Гулака, Савича и Навроцкого, но, проявив полное раскаяние, написал под диктовку чиновника III Отделения показания, угодные правительству⁴.

После годичного заключения в Петропавловской крепости Костомаров был выслан в Саратов, где пробыл девять лет. Здесь он подготовил монографию о Богдане Хмельницком, собирал местный фольклор, связанный с народными движениями, участвовал в Крымской археологической экспедиции. В Саратове Костомаров познакомился с Н. Г. Чернышевским, который высоко ценил его в этот период как историка, интересовавшегося жизнью народа, но не разделял его религиозно-ханжества и либеральных убеждений. Позднее, по мере того как таяла костомаровская оппозиционность и он становился апологетом русского самодержавия, а в его исторических взглядах обнаруживалась соглашательская сущ-

ность и явные противоречия, расхождения между ним и Чернышевским привели к разрыву.

Смерть Николая I и реформистские тенденции в государственной политике после поражения в Крымской войне дали возможность Костомарову покинуть Саратов. Вначале он периодически наезжал в Петербург, а в 1857 г. переехал в столицу, где опубликовал свои лучшие работы — «Богдан Хмельницкий» (1857), «Бунт Стеньки Разина» (1858) и стал признанным историком. Прогрессивный читатель ценил не только обращение к актуальной тематике, но и стремление автора объяснить восстания тяжелым положением народа и внутренним состоянием Московского государства.

Необходимо подчеркнуть, что вплоть до 1905 года монография Костомарова о Разине была единственной, по которой изучали крестьянскую войну 1670—1671 годов. Не случайно К. Маркс, глубоко интересовавшийся русской историей, прочел книгу Костомарова на русском языке и законспектировал ее¹.

Популярность историка, ставшего в 1859 г. профессором Петербургского университета, усиливалась благодаря тому, что в нем видели жертву николаевской реакции, противника существующего строя. Это был период расцвета научно-публицистической деятельности историка.

Однако вскоре, в период проведения реформы 1861 года, Костомаров показал свое действительное политическое лицо. Поспешно признав реформу поворотным пунктом русской истории, он вместе с российскими либералами занял трусливую позицию, которую В. И. Ленин характеризовал как позицию «широковещательного красноречия и позорной дряблости»².

В апреле 1861 г., когда крестьянское движение протеста против грабительских условий реформы достигло особой остроты, а зверская расправа с крестьянами в Кандеевке и Бездне вызвала глубокое возмущение передовой общественности, он, подобно Кавелину и другим либералам, которые в этот период «фарисейски умывали руки и оправдывали правительство»³ писал: «Теперь государство пусть не мешает свободе местной народной жизни, потому что оно крепко и сильно; а последняя не будет бояться государства, находя в нем покровительство своему развитию. Инициатива нового зачатия в истории нашей народной жизни принадлежит государю»⁴.

Если сравнить эти слова с известной речью А. П. Щапова на Безднинской панихиде⁵, легко убедиться в противополож-

¹ П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество 1846—1847, Изд-во Моск. ун-та, 1959. Приложение «Закон божий», стр. 156, 158.

² П. А. Зайончковский. Указ. раб., стр. 160.

³ Там же, стр. 158.

⁴ Там же, стр. 126—128.

¹ См. ж. «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 104—125.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 36.

³ Там же.

⁴ Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. I, СПб., 1863, стр. 390.

⁵ См. лекцию 2, стр. 46—47.

ности политических позиций историков, которых иногда ошибочно сближали, а главное, понять причину и закономерность открытого конфликта Костомарова с общественным движением 60-х годов.

В 1862 г. слушатели Вольного университета, где он читал, прекратили занятия в знак солидарности со студентами Петербургского университета, протестовавшими против высылки профессора П. В. Павлова в Ветлугу. Костомаров, вопреки совету Чернышевского и отказу всех профессоров Вольного университета от чтения лекций, не пожелал подчиниться, как он заявил, «деспотизму уличной толпы» и явился на занятия. Когда он взошел на кафедру и заявил, что «наука должна идти своей дорогой, не впутываясь в разные житейские обстоятельства», в аудитории раздался свист и гневные реплики слушателей: «подлец», «второй Чичерин», «Станислава на шею»¹.

После такой скандальной истории Костомаров был вынужден оставить кафедру истории в университете и больше не возвращался к педагогической деятельности.

Разрыв с широким общественным движением, потеря авторитета среди передового студенчества в условиях правительственных репрессий завершили эволюцию политических взглядов либерально-буржуазного историка компромиссом с царской властью. 25 февраля 1863 г. в письме к украинофилу Коныскому, сосланному в Вологду, Костомаров, окончательно утративший прежнюю оппозиционность, поучал: «Теперь не то время, чтобы играть с ссылкой. нужно втихомолку сидеть дома и работать. Народное просвещение — вот наше дело, вот чего нам нужно добиваться, а с правительством нужно, как только можно, в мире жить, помня пословицу «молчи язычок, кашки дам»².

Такова эволюция политических взглядов Костомарова, стоявшего в целом на весьма умеренных либерально-буржуазных позициях, эволюция, которую нельзя не учитывать при рассмотрении его исторической теории. От робкой буржуазно-националистической оппозиционности 40-х годов он пришел к трусливому пресмыкательству перед царизмом в 60-х, сохранив неизменными основные черты своего мировоззрения: страх перед революцией и слепую веру в бога.

Философская сторона мировоззрения Костомарова в последних советских историографических работах³ осталась почему-то в тени, а между тем при определении места и значе-

¹ Л. Пантелеев. Воспоминания, т. I, стр. 215.

² См. М. Илюкович. Н. И. Костомаров и буржуазно-националистическая украинская историография. Ж. «Проблемы марксизма», 1934, № 2, стр. 111.

³ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 129 — 146; Историография истории СССР, стр. 264—274.

ния этого в свое время широко известного историка она имеет немаловажное значение. Религиозно-идеалистические, метафизические заблуждения Костомарова находились в неразрешимом противоречии с попыткой включения «народного элемента в науку истории». И даже сведение этого элемента к изучению «духовной физиономии народа» не могло устранить противоречия.

Это особенно заметно в том случае, когда историк сталкивался с проблемой народа и государства или описывал народные движения. Последовательный противник материализма, диалектики и революционных преобразований, Костомаров видел «свободу только там, где дух господен».

Если его политические убеждения постепенно правели, то причиной этого были не только изменения социально-экономических условий и обострение классовой борьбы в стране, но и его неизменные позиции романтически-мессианского идеализма, сдобренного елеем официального православия. «Нельзя никакими доводами материализма убедить в несуществовании духовного начала того, кто чувствует его в себе, и потому не нуждается ни в доказательствах, ни в опровержениях»¹, — писал Костомаров, отстаивая жиденькие начала своих реакционных идеалистических представлений.

Последние двадцать пять лет научно-публицистической деятельности историка особенно ярко показали научную бесплодность его архаичных, отражавших пройденный этап в науке, методологических принципов и невозможность решения на их основе вполне современно поставленной задачи освещения истории народа.

Сосредоточив свои усилия после ухода из университета на литературной, журнальной деятельности, Костомаров много и продуктивно работал. В этот период окончательно сложился свойственный Костомарову, увлекавшемуся литературой, этнографией и фольклором, литературно-популярный стиль, который характерен для его двадцати одного тома «Исторических монографий». Помимо огромного количества статей и монографий, написанных преимущественно в это время, он, как член Археографической комиссии, подготовил к печати двадцать томов документов, из них девять «Акт», относящихся к истории Южной и Западной России.

Если в годы революционной ситуации и пореформенный период Костомаров постепенно утратил популярность в передовых кругах русской общественности, то в это же время упрочился его авторитет признанного идеолога украинской буржуазии. Как справедливо отмечает А. М. Станиславская в «Очерках истории исторической науки в СССР», такие работы Ко-

¹ Н. И. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 276.

стомарова по истории Украины, как «Руина» (1879), «Мазепа» (1882), написанные в 70—80-х годах, были своего рода программными документами украинского буржуазного национализма того времени¹.

Таким образом, отрицание революционного пути развития, идеализм, восторженные панегирики православной церкви, украинский буржуазный национализм и расшаркивание перед русским самодержавием — вот то главное, что определяло подход Костомарова к решению основных вопросов русской и украинской истории.

Отсюда противоречивость и непоследовательность его исторической концепции.

С одной стороны, он заявлял о необходимости изучения истории народа и в соответствии с этим утверждал, «что всякое политическое общество, с его движениями и изменениями, относится к народу, как явление к его сущности»².

С другой стороны, как типичный либерально-буржуазный историк-идеалист, он сводил изучение истории народа к «исследованию развития народной духовной жизни»³. Бессильный познать внутренние закономерности исторического процесса, он признавал, что в основе истории лежит «жизнь неуловимая, своенравная, не улегающаяся ни в какие систематические рамки»⁴.

Отношение Костомарова к предшествующей и современной ему историографии показывает внутреннюю противоречивость его концепции.

С позиций украинской буржуазной оппозиционности Костомаров в «Лекциях по русской истории» (1860), статье «О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории» (1861) и лекции «Об отношении русской истории к географии и этнографии» (1863) критиковал представителей официальной дворянской и буржуазной русской исторической науки.

В развитии отечественной историографии он видел три этапа: первый (до XVIII века) — «анекдотический», когда историк скользил по поверхности событий; второй — государственный, когда историки «следили за последовательным развитием и изменением государства», и третий — когда «исторические сочинения стали наполняться описаниями внутреннего быта».

Все они, по мнению Костомарова, не достигли цели и не могли создать полноценную историю. «История государства Рос-

сийского» Карамзина была созданием самым удовлетворительным в свое время», но для нее характерна лишь «сумма внешних явлений, образующих то, что называется государственною или политическою жизнью»¹. Полевой, «выступивший на учено-литературное поле больше с отвагой мысли, чем с ученым авторитетом»², хотя и заявил, «что история русского государства недостаточна, необходима еще история народа», но отсутствие беспристрастия в его работе, неудачное приложение западноевропейских теорий к русской действительности и недостаток источников «воспрепятствовали, — по мнению Костомарова, — осуществиться на деле названию, избранному автором»³.

Костомаров критиковал славянофилов за идеализацию допетровской Руси, за «насильственное осветление периода московского государства»⁴. Выступая против славянофильского увлечения общиной, Костомаров в то же время одобрительно относился к тем критическим замечаниям, которые высказывал Аксаков по поводу теории родового быта Соловьева. Костомаров считал, что «труды Аксакова останутся навсегда знаменательными для науки русской истории», потому что «он спроверг теорию родового быта, на которой хотели построить русскую историю, обратил внимание на другое древнее начало в русской истории — общинное, вечевое...», возвестил плодотворную мысль удалиться от рабского подражания западным теориям, обратиться к разработке народной жизни и вместо чуждых наносных взглядов поискать своих народных»⁵.

В этих словах, как и в требовании историка изучать духовную жизнь народа, нетрудно обнаружить его близость к романтической историографии и, прежде всего, к одному из главных положений исторической теории славянофилов.

Костомаров значительно ближе к славянофилам, чем к Соловьеву, хотя и с последним, как и со всей государственной школой, при всем внешнем различии у него есть общие черты.

Костомаров критиковал «Историю России» Соловьева за то, «что это достойное уважения и в высокой степени полезное сочинение талантливого и ученого, профессора страдает почти повсеместно чрезвычайно тяжелым изложением»⁶. Основной же недостаток он усматривал в том, что «г. Соловьев во всей истории своей стоит на государственной точке зре-

¹ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, стр. 6—7.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Н. Костомаров. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории, СПб., 1861, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 29.

⁶ Там же, стр. 25.

¹ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 131.

² Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, часть первая, СПб., 1861, стр. 8.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 14.

ния, и народная жизнь является у него не главным предметом, а как бы дополнением к государственной»¹.

В попытке противопоставить соловьевскому пониманию предмета исторической науки свое, более передовое, Костомаров не был, да и не мог быть достаточно последовательным. Его требование — изучать историю народа — слагалось из чисто идеалистических, идущих от Шеллинга, стремлений к раскрытию проявлений «народного духа» как определяющего фактора исторического процесса.

Идеалистическая теория «уразумения народного духа», родившаяся Костомарова со славянофилами, исключала возможность познания исторической закономерности. «Дело истории, — считал Костомаров, — исследовать причины частных явлений, а не причину причин, недоступную человеческому уму»². В статье «О значении Великого Новгорода в русской истории» он писал: «Мы не поклоняемся теории неизбежного исторического прогресса, по которой следует признавать лучшим все, что случилось позже, и в каждом историческом перевороте видеть какую-то необходимость и нормальность»³.

Определение предмета истории Костомаров искал в отношении истории к этнографии и географии, но по существу история народа складывается у него не на основе исторического развития, а вытекает из заложенных в народе духовных свойств и отражает, по его словам, «главные черты, составляющие неизменные признаки, сущность народного типа, общего для всех времен»⁴. Они являются главным определяющим фактором, а «явления внешней жизни, составляющие сумму отличий одной народности от другой, суть только наружные признаки, посредством которых выражает себя то, что скрывается на дне души народной»⁵.

Таково одно из противоречий общен исторических воззрений Костомарова. Заявив, в противовес официальной и государственной историографии, о своем стремлении «выдвинуть на первый план народную жизнь во всех ее частных видах»⁶, историк был бессилён решить эту задачу.

Идеалистическая теория «народного духа» как решающего фактора истории в сочетании с идеями украинского буржуазного национализма обусловила характерное для костомаровской концепции противопоставление истории Украины и России.

В основе этого противопоставления лежали различия народного духа, психического склада украинского и русского народов. Усматривая «начало этого отличия... в глубокой древности»¹, Костомаров с нескрываемой симпатией рисует портрет мягкого душевного южнорусса, который любит свободу, труд, понимает, ценит и в своих замечательных песнях воспекает природу. Особенно восхищает его чистая православная вера малороссийского народа, не знающего раскола. «Народ южнорусский, — пишет он, — глубоко религиозный народ в самом обширном смысле этого слова... У этого народа много именно того, чего недостает у великоруссов; у них сильно развито чувство всеприсутствия божия, душевное умиление, внутреннее обращение к богу, тайное размышление о промысле над собою, сердечное влечение к духовному, неизвестному, таинственному и отрадному миру»². Великорусские юноши, наоборот, легко, по мнению историка, «переходят к крайнему безверию и материализму»³. С поэтической душой украинца, с чувством красоты и способностью понимать ее Костомаров связывал высокую нравственность и любовь к свободе.

По Костомарову, на эти особенности народного характера, заложенные в древности, на эту «своеобразную народную физиономию... история напечатлела свои следы» и установила противоположные общественные понятия. Среди русского народа они «выразились в народном быте неделимостью семей, общинною собственностью, тяглом посадов и сел..., где невинный отвечал за виновного, трудолюбивый работал на ленивого»⁴. Для украинского народа общинное устройство и ответственность личности перед миром «есть в высшей степени несноснейшее рабство и вопиющая несправедливость. Не смей назвать ничего своим, быть батраком какого-то отвлеченного понятия о *мире*, отвечать за другого без собственного желания — ко всему этому не расположила народ южнороссийский его прошедшая жизнь»⁵.

В последних словах ключ к пониманию политического смысла костомаровской идеализации «вольнoлюбивого» украинского народа, которому чуждо крепостное право, и противопоставления его русскому, у которого «крепостной человек, слуга, раб..., предан своему барину вполне, душою и сердцем»⁶.

«Перевес личной свободы», как основная отличительная черта украинского народного характера, привел к образованию в IX—XI вв. свободной федерации русских земель. «Пе-

¹ Н. Костомаров. О значении критических трудов Константина Аксакова..., стр. 29.

² Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 236.

³ Там же, стр. 387.

⁴ Там же, стр. 229.

⁵ Там же, стр. 226.

⁶ Н. И. Костомаров. Автобиография, стр. 113.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 226.

² Там же, стр. 275, 273.

³ Там же, стр. 275.

⁴ Там же, стр. 277.

⁵ Там же, стр. 279.

⁶ Там же, стр. 283.

ревес общности» у русского народа в процессе последующего исторического развития обусловил создание единого централизованного государства. А так как федеративное начало, считал Костомаров, «в древности было господствующим»¹, отсюда вывод, лежащий в основе его концепции: «Вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала, но вместе с тем и борьба его с началом единодержавия»².

Таким образом, центральным пунктом костомаровского понимания русской и украинской истории была теория борьбы двух начал — федеративного и единодержавного. За этим чисто внешним противопоставлением скрыто противопоставление двух народов — русского и украинского, которые являются, по утверждению националистически настроенного историка, носителями двух противоположных начал.

Костомаров один из наиболее тенденциозных буржуазных историков, хотя он и твердил постоянно о своем беспристрастии и желании заниматься чистой наукой. «Историк не должен быть, — лицемерно восклицал он, — преднамеренным указателем современных общественных вопросов... Ничто так не вредно, как то, когда историк, исследуя или описывая прошедшее... думает, что прошедшее наведет читателя на что-нибудь современное»³.

Демагогический характер утверждений, прикрывавших тенденциозность Костомарова в освещении истории с позиций защиты интересов украинской буржуазии, легко обнаруживается при рассмотрении его источниковедческих приемов.

Еще современники Костомарова критиковали его за недобросовестное отношение к источникам. Так, М. А. Максимович в «Письмах о Богдане Хмельницком», отмечая романтическую занимательность книги Костомарова и указывая на многочисленные искажения и ошибки, советовал автору критически пересмотреть богатый документальный материал и написать новую книгу о Хмельницком, которая удовлетворяла бы не только запросам читающей публики, но и требованиям специалистов⁴. В своих воспоминаниях «По поводу «Автобиографии» Н. И. Костомарова» Чернышевский на конкретных примерах показал неискренность костомаровского рассказа о себе⁵.

Искажение исторических фактов, ссылки на недостоверные источники, прямой вымысел характерны для исторических работ Костомарова. Это снижает научную ценность его исследований и значительно обедняет тот необычайно широкий круг

архивных, мемуарных, этнографических источников, которые привлекает Костомаров.

Сам историк довольно своеобразно объяснял свои сомнительные принципы использования источников.

Н. Л. Рубинштейн и А. М. Станиславская приводят материалы полемики, развернувшейся в начале 70-х годов между Костомаровым и Г. Карповым по вопросу публикации и использования источников¹.

Отвечая на справедливые упреки в произвольном и одностороннем использовании источников, Костомаров так мотивировал свое стремление доказать (вопреки имеющимся документам), что московские послы поклялись сохранить украинские вольности: «Если бы до нас не дошло никакого известия о том, что на Переяславской раде читались условия, на которых Малороссия приступила к соединению с Московским государством, то я и тогда был бы убежден, что они там читались. Как же могло быть иначе?...»². И далее он с предельной четкостью сформулировал свое историческое кредо: «Если бы какой-нибудь факт никогда не совершался, да существовала бы вера и убеждение в том, что он происходил, — он для меня остается также важным историческим фактом»³.

Такой крайний субъективизм в оценке исторических событий, обусловленный политическими и национальными симпатиями Костомарова, исключал возможность научного анализа.

Попытка конкретного воплощения антиисторической идеи противопоставления двух братских народов в истории России и Украины с неизбежностью вела к антинаучным приемам работы с источниками, к грубому искажению исторической действительности.

Рассмотрим костомаровскую схему истории России.

В историографической литературе принято считать, что Костомаров, в соответствии с теорией борьбы двух начал, делил русскую историю только на два периода: удельно-вечевой и единодержавный. Обычно ссылаются на его четкие высказывания, которые содержатся во многих работах, в частности таких как: «Лекции по русской истории» (1859), «О значении Великого Новгорода в русской истории», «Мысли о федеративном начале древней Руси» и др. «Русская история, — говорится в лекции «О значении Великого Новгорода.» — представляет две половины, несходные между собой по духу и содержанию. Каждая из них изображает свою особую Русь, отличную от

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 265.

² Там же, стр. 56.

³ Н. Костомаров. О значении критических трудов Константина Аксакова..., стр. 31.

⁴ См. М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, Киев, 1876, стр. 395—474.

⁵ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 757—759.

¹ См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 431—432; Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 144—145; Г. Карпов. Н. Костомаров как историк Малороссии, М., 1874, стр. 23—24.

² Н. Костомаров. Ответ г. Карпову. Ж. «Беседа», 1871, кн. I, отд. 2, стр. 3.

³ Н. Костомаров. Ответ г. Карпову, стр. 4.

другой по политическому и общественному строю. Первая была Русь удельно-вечевая, вторая — Русь единойдержавная»¹.

Такое деление действительно лежит в основе всех работ Костомарова по русской истории. Но в той же лекции о Новгороде, прочитанной 30 апреля 1861 г., автор намечает начало третьего периода, связывая его с отменой крепостного права. «Это событие, — указывает он, — есть начало новой русской истории: государственность примиряется с народностью»². Историческая драма, пишет Костомаров, пролог которой относится к XIV веку, а первое действие разыграно при Иване III, в «великом акте уничтожения крепостного права» пришла к развязке. Длительный процесс образования Русского государства, вынужденного ограничить народную жизнь, которая мешала ему своими древними удельно-вечевыми привычками, завершился становлением прочного и незыблемого политического строя. «Его разложение более невозможно. Государство стало твердо и непоколебимо не внешними, а внутренними условиями. Сознания свою полную силу, государство само пробуждает народную жизнь: пробуждает к свободной деятельности — мы вступаем в новую историю»³.

Таков исторический финал либерально-буржуазной теории борьбы двух начал. Политическая эволюция историка, напуганного революционным движением народа, завершилась компромиссом с царизмом. «Русь перестала либеральничать, испуганная, чтобы чересчур не хватить свободы»⁴, — говорил Костомаров, вскрывая причину компромисса. В соответствии с этим и в его исторической теории появилось новое звено, новый, третий этап — этап примирения государства с народом.

Следовательно, вполне правомерно говорить о трех периодах, на которые Костомаров делил русскую историю: первом — удельно-вечевом, с древнейших времен до XVI века; втором — единойдержавном, с XVI века и до середины XIX, и третьем периоде — примирения государства с народом, который начинался с реформы 1861 года.

Отличительными признаками первого периода историк считал «раздробление целого без совершенного его уничтожения, самобытная жизнь частей без нарушения взаимного сходства, перевес обычая над постановлением, побуждения над законом, произвола над учреждением, личной свободы над сословностью, чувства над долгом, родственности над государственно-стью, слабость власти, неопределительность форм, народоправление в образе частных веч, движение и брожение»⁵.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 361.

² Там же, стр. 389.

³ Там же.

⁴ Воспоминания Н. А. Белозерской. Николай Иванович Костомаров. Ж. «Русская старина», 1886, т. I, стр. 331.

⁵ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, стр. 14.

Внутри первого периода Костомаров выделял три этапа: Киевскую Русь (IX—XII века), Северо-Восточную Русь (XII—первая половина XIII в.) и татаро-монгольский, переходный этап (XIII—XV века).

Исходной формой общественного строя древней Руси Костомаров считал не родовой и не общинный, а племенной строй. Сложившиеся в доисторические времена восточнославянские племена имели отличительные черты — «прирожденные признаки, этнографические особенности», — которые не могли уничтожить ни география, ни история. Климатические и почвенные различия лишь усиливали их. Большие пространства, дремучие леса, непроходимые болота, широкие степи разделяли племена.

Неизменные «прирожденные признаки» оказывают у Костомарова определяющее влияние на всю дальнейшую историю славянских племен.

История Киевской Руси, по Костомарову, это история южнорусской, украинской народности. В плане свойственной ему этнографической характеристики он утверждал, что «Киев никак не годился быть столицей централизованного государства; он не искал этого; он даже не мог удержать первенства над федерацией, потому что не сумел организовать ее»¹. Причиной этого были якобы особенности южнорусского национального характера — стремление к свободе, ненависть к насилию, отсутствие национального высокомерия и в то же время анархические начала казачества. «В натуре южнорусской, — утверждал Костомаров, — не было ничего насилующего, нивелирующего, не было политики, не было холодной рассчитанности, твердости на пути к предназначенной цели»².

В соответствии с этими особенностями в период Киевской Руси сложился удельно-вечевой федеративный строй. Каждая земля, населенная южнорусским племенем, входила в состав федеративного полугосударственного объединения. Управляло землей народное собрание — вече, которому подчинялся управитель и военачальник в лице князя. «Князь был необходим, но князь избирался и мог быть изгнан, если не удовлетворял тем потребностям народа, для которых был нужен, или же злоупотреблял свою власть и значение»³. Вечевое начало было основным признаком удельно-вечевого периода.

Здесь сказывались робкие конституционно-монархические симпатии автора.

Таким образом, Киевская Русь, по Костомарову, состояла из нескольких самоуправляющихся, автономных земель, объединенных в федерацию на основе трех связующих начал: общ-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 242.

² Там же, стр. 242—243.

³ Там же, стр. 239.

ности происхождения, быта и языка; единого княжеского рода; христианской веры и единой церкви.

К середине XII века, когда удельно-вечевой принцип окончательно утвердился и в Северо-Восточной Руси, часть славянских племен исчезла, а уцелевшие объединились в шесть главных народностей: южнорусскую, северскую, великорусскую, белорусскую, псковскую, новгородскую. В таком делении понятие народности смешано с территориально-политическим «понятием земли».

Переоценивая демократичность вечевоего строя, Костомаров всячески идеализировал удельно-вечевой период русской истории. Он считал этот строй единственно приемлемой формой организации «свободных человеческих обществ». В нем Костомаров видел прообраз будущего устройства и откровенно, вопреки своим заявлениям о чистой науке, писал, что изучение удельно-вечевого мира «составляет насущную потребность разумного знания нашей истории и важнейшую подмогу для уразумения нашего настоящего... скажу более, для наших практических целей и в настоящем и в будущем»¹.

Историк всячески сожалеет, что удельно-вечевой уклад не достиг своего полного развития, не осуществил своего идеала. По его мнению, не сложилась стройная, сознательная, определенная федерация земель, каждая часть не успела развить в себе самобытных элементов жизни, отсутствовали твердые связи между отдельными землями. «Нам являются, — писал он, — одни зачатки, которые не успели еще образоваться и были... задавлены тяжестью противных начал; то были победы, не успевшие дорасти до зрелого состояния — их юношеское существо сломлено противною бурей»². Понимая под ней грубую деспотическую власть, Костомаров стоял за монархию, но ограниченную конституцией. С такими политическими идеалами историка и было связано восхваление вечевого строя.

В середине XII в., по утверждению Костомарова, в истории обозначается характер великорусского народа, обусловленный стремлением «дать прочность и формальность единству своей земли». Начала этого противоположного уклада Костомаров связывал с избранием Андрея Юрьевича в 1157 г. единым князем Ростово-Суздальской земли.

Возвышение Владимира, в котором историк видел «зерно Великороссии и вместе с тем Русского единогодержавного государства», он чисто идеалистически объяснял особенностями великорусского характера и покровительством богородицы³. Происходит «сплочение частей, стремление к присоединению дру-

гих земель, предпринятое под знаменем религии, успех, освящаемый идеею божьего соизволения, опора на массу, покорную силе»¹.

Но Костомарову кажется недостаточно убедительным, чтобы одни только «свойства восточной русской природы», хотя и освященные богом, одолели и подчинили старые начала личной свободы, заложенные в более благочестивом народе украинском. Решающей силой, обеспечивающей в течение XIII—XV веков переход к единомудержавию, он, вслед за Карамзиным, считал власть татаро-монголов. «Татарское завоевание, — полагал он, — дало Руси толчок и крутой поворот к монархии, но она не могла возникнуть скоро; Русь с половины XIII в. до конца XV в. пережила период феодализма»².

Переходный феодальный период лишен у Костомарова какого-либо социально-экономического содержания. Он, хотя одним из первых и ввел это понятие в русскую историю, что имело большое значение, под феодализмом понимал политическую раздробленность удельной системы. В огне и бедствиях татаро-монгольского нашествия погибла древняя вечевая свобода. Великий князь стал приказчиком хана. Этому способствовали, утверждал Костомаров, черты великорусского национального характера, закрепленные и развитые веками татаро-монгольского владычества. «Ничего не было естественнее, — указывал он, — как возникнуть этому ханскому приказчику в той земле, где существовали готовые семена, которые оставалось только поливать, чтобы они созрели»³. Власть хана превратила свойственную великоруссам склонность к подчинению и дисциплине в рабскую покорность верховной власти. «В рабстве, — писал историк, — Русь нашла свое единство, до которого не думалась в период свободы»⁴. По мере того как слабели вечевое и федеративное начала, князья все менее зависели от избрания, утверждались на одном месте и тем самым способствовали «прикреплению народа к земле».

Таким образом, заимствованная у Карамзина антиисторическая идея благотворности ханской власти, введенная Костомаровым в схему русской истории, должна была объяснить три момента. Во-первых, татаро-монгольское завоевание породило феодальные отношения, понимаемые историком чисто внешне «как такой политический строй, когда весь край находится в руках владетелей, образующих из себя низшие и высшие ступени, с известного рода подчиненностью низших высшим и с верховным главою выше всех»⁵. Во-вторых, с ним связыва-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 251.

² Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. XIV, стр. 708.

³ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 252.

⁴ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. XII, стр. 42.

⁵ Там же, стр. 53.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 366.

² Там же, стр. 365.

³ Там же, стр. 248—249.

лось возникновение и развитие крепостного права. И в-третьих, татарские завоеватели расчистили почву для утверждения единой державы, которое привело, по Костомарову, к образованию единого централизованного государства.

Сведя решение всех этих сложных проблем русской истории к внешнему завоеванию, Костомаров тем самым перекинул мостик к переходу на позиции им же раскритикованной государственной школы.

Процесс возвышения Москвы у него связан с ростом власти великих князей — дреемников дряхлеющей золотоордынской власти. Большую положительную роль в утверждении централизованной монархии Костомаров отводил церкви, которая не только «поддерживала князей в их стремлении к единовластию»¹, но была, в представлении религиозно настроенного историка, большой идейно-вдохновляющей силой централизации. «Православие, — считал он, — принесло к нам идею монархизма..., и власть была могущественна потому, что принимала посвящение от церкви»². В Северо-Восточной, а затем Московской Руси, по мнению Костомарова, церковь, в силу особенности национального духа русского народа, играла особую важную роль, она «фактически обладала всей жизнью — и политической, и общественной»³.

Таков третий компонент костомаровской схемы происхождения самодержавной власти, о котором ничего не говорит Н. Л. Рубинштейн и писавшие после него А. М. Станиславская и В. Е. Иллерицкий⁴. Между тем показ вдохновляющей роли церкви в объединительном процессе, возникшем на основе монархических начал великорусского национального характера, при решающем влиянии татаро-монгольского завоевания с неизбежностью толкал такого религиозного мистика, как Костомаров, в объятия государственников.

В характеристике второго периода — единого державного — особенно рельефно обозначаются основные противоречия костомаровской схемы истории России. Из этой характеристики видно, как отразилась эволюция политических взглядов либерально-буржуазного историка в его исторических построениях.

Отличительные признаки второго периода были таковы, писал Костомаров, имея в виду русских великих князей и царей: «Все народные интересы сосредоточиваются в одном лице, которое становится апофеозом страны и народа, и потому личность его приобретает святое значение; исчезает бытие отдель-

ных частей, уничтожается народоправие — все стремится к единообразию; преобразование обычая в постановление, сознания в букву закона, перевес повинности над личной свободой, старшинства над общинностью, стремление к оседлости, установке и покою»¹.

Правление Ивана III Костомаров считал временем, когда единое державие взяло перевес над удельностью. Снятием вечового колокола в Новгороде был нанесен роковой удар федеративному началу и водружено господство единого державного государства². Окончательно утвердилось оно, по Костомарову, при Иване IV.

В рамках второго периода историк выделял два этапа, разделительной гранью между которыми было начало XVIII века, связанное с деятельностью Петра I.

На первом этапе народное могущество сосредоточивается в особе царя, самодержавная власть, как истекающая от бога, приобретает черты святости, устанавливается торжество государственного начала над народным, обозначается стремление к расширению государственной территории и зачатки сближения с Западной Европой.

Противодействующей этому порядку силой, которая вела с ним упорную борьбу, историк считал казачество, а его основоположником — украинский народ. «В казачестве, — которое Костомаров всячески идеализировал, по его представлениям, — воскресали старые полуугасшие стихии вечевой воляницы: в нем старорусский мир оканчивал свою борьбу с единое державием»³.

Пытаясь с позиций защиты национальных интересов нарождающейся украинской буржуазии отрицать прогрессивность создания Русского централизованного государства, Костомаров в ходе конкретного освещения русской истории постепенно все чаще и чаще писал о положительной роли государственной власти.

В связи с этим показательным его отношение к народным движениям.

Жгучая проблема истории народных движений, впервые осознанная и поставленная в русской историографии революционными демократами и, прежде всего, А. П. Щаповым, вызвала большой интерес Костомарова. В этом его отличие от славянофилов, охранительной официальной историографии и государственной школы.

Костомаров посвятил этой проблеме свои лучшие работы, такие как «Богдан Хмельницкий», «Бунт Стеньки Разина» и «Смутное время Московского государства в начале XVII сто-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 204—205.

² Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 390.

³ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 211—212.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 256.

² Там же, стр. 246, 257—258.

³ Там же, стр. 257.

⁴ См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 421—400; Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 129—146; Историография истории СССР, стр. 264—274.

летия...». Однако для него восстание крестьян под руководством И. Болотникова — лишь эпизод в истории так называемой «смуты», мешающей «успеху развития русской общественной жизни», а крестьянская война под руководством Ст. Разина — «запоздалый, отцветший» отголосок удельно-вечевой вольницы, «бесплодный, как метеор»¹. Социальная сущность и антифеодалная природа крестьянских восстаний заслонены у Костомарова красочными картинами «неистовства черни» или романтически выписанными портретами атаманов народной вольницы, поднявших «красное знамя переворота Русской земли вверх дном»².

Степан Разин в изображении Костомарова — «человек чрезвычайно крепкого сложения, предприимчивой природы, гигантской воли, порывчатой деятельности», но в то же время «жесток и кровожадный...», «ненавистник всего, что стояло выше его», не знавший ни чести, ни великодушия, ни сострадания. «Таков был этот борец вольности, в полной мере изверг рода человеческого»³. В заключительной части «Бунта Стеньки Разина», описывая последние дни жизни вождя крестьянской войны и его казнь, Костомаров хладнокровно замечает, что очевидное и гласное преступление Разина «не затруднило приговорить его к смерти..., тот, кто был вероломным против своего законного государя, не заслуживал ничего лучшего»⁴.

Напрасно искать у историка сочувственного отношения и к рядовым участникам восстания, правильного показа его исторического значения. И крестьянская война 1606—1607 гг., и крестьянское восстание 1670—1671 гг., по его убеждению, исторически бессмысленны и бесплодны. Либерально-буржуазный историк, осудивший крестьянские восстания в далеком прошлом, боялся повторения подобных выступлений народных масс в свое время.

Если представитель революционно-демократической историографии А. П. Щапов писал, что русский мужик с нетерпением ждет прихода нового Степана Разина⁵, то Костомаров, заканчивая свою монографию о Разине, устами старого крестьянина высказал мысль прямо противоположную: «Не дай, господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька!»⁶.

К такому антиисторическому, фальсификаторскому выводу о характере и значении народного движения в прошлом и построении крестьянских масс в настоящем с неизбежностью

пришел историк, пытавшийся подменить принцип классовой борьбы теорией борьбы национальных начал. В тесных идеалистических рамках его формулы, с помощью которой он пытался раскрыть содержание второго периода русской истории, нет места ни классовой борьбе крестьянства против помещиков, ни героической борьбе народа за национальную независимость.

От формулы, согласно которой «государственность объединила русский народ», был один шаг к примирению народа с самодержавным государством.

Весьма примечательно, что яркие краски нигилизма, в которые окрашены в «Жизнеописаниях» портреты выдающихся деятелей русской истории, заметно блекнут по мере движения костомаровской кисти из глубины веков к современности. Так, в деятельности русских князей удельно-вечевого периода — Андрея Боголюбского, Дмитрия Донского и Василия Темного — Костомаров вообще не видел ничего положительного. Единственным побуждением Андрея Боголюбского считал он властолюбие, за что народ его ненавидел, а близкие слуги убили¹. Последствием всей жизни Дмитрия Донского «было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой»², — писал Костомаров о выдающемся полководце, нанесшем сокрушительный удар татаро-монгольскому владычеству.

Василий Темный в его изображении — человек ограниченных дарований, слабый ума и слабой воли, способный на всякие злодеяния и вероломства. «Пользуясь зрением, Василий был самым ничтожным государем, но с тех пор, как он потерял глаза, все остальное правление его отличается твердостью, умом и решительностью, — зло иронизировал Костомаров и пояснял, — очевидно, именем князя управляли умные и деятельные люди»³.

Значительно умереннее и справедливее характеристики деятелей второго периода — периода победы государственных начал над удельно-вечевыми. Костомаров, например, уже признавал выдающееся значение государственной деятельности Ивана III, но возражал русским историкам, которые называли его «великим». В своем стремлении умалить заслуги основателя Русского централизованного государства Костомаров обвинял его в безмерной алчности, варварских казнях, в «плутстве, достойном мелкого торгаша». Сила его власти, по мнению Костомарова, переходила в азиатский деспотизм. «При та-

¹ См. Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. I, X—XVI столетия, СПб., 1907, стр. 86—91.

² Там же, стр. 231.

³ Там же, стр. 240, 242.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 212.

² Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. V, 1868, стр. 67.

³ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 238—240.

⁴ Там же, стр. 365, 362.

⁵ См. лекцию 2, стр. 66.

⁶ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 380.

них порядках, — писал он, — мог господствовать бессмысленный рабский страх перед силой, а не сознательное уважение к законной власти»¹.

Иван III создал государство без задатков самоулучшения, которое простояло два века «застылое и закаменелое в своих главных основаниях»². В такой насквозь метафизической интерпретации периода становления Русского централизованного государства снималась проблема борьбы самодержавия с боярством и другие вопросы, характерные для Соловьева.

В чисто психологической трактовке политики Ивана IV, в делении его правления на два периода Костомаров фактически возвращался к примитивным представлениям Карамзина.

Вначале, находясь под благотворным влиянием Сильвестра и Адашева, Иван, по его мнению, «был трезвый, строго-нравственный, деятельный и благодущный человек; по освобождении от Сильвестрова учения, Иван пьяный, развратный, кровавый... показал свою прямую противоположность»³.

Сведением всей деятельности Ивана IV к личной драме, мстительности и бессмысленной жестокости борьба с боярством, опричнина лишались всякого социального и политического смысла. Костомаров утверждал, что в первые, «лучшие годы царствования Ивана» политика Грозного отличалась духом общинности, стремлением утвердить широкую общительность и самодеятельность русского народа, а главное «дать ему возможно большие льготы, способствующие его благоденствию»⁴. В последующие годы Ливонская война истощила силы и труд русского народа. «Русская земля, страдающая от мучительства царя Ивана, — пишет Костомаров, — терпела в то же время и от других причин: несколько лет были неурожаи, свирепствовали разные болезни, повсюду были нищета, смертность, всеобщее уныние»⁵.

Не поняв исторического смысла борьбы Ивана IV с боярской оппозицией, приписав народу всеобщую покорность и уныние, историк не сумел в своей трехтомной монографии «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» (1868) правильно оценить внутреннюю социальную борьбу, которая развернулась в России в начале XVII в. и осложнилась польско-шведской интервенцией.

Перенеся центр тяжести на описание польско-шведской интервенции и деятельность самозванцев, выдвинутых польскими правящими кругами, Костомаров на основе широкого круга

источников, многие из которых были привлечены впервые, нарисовал яркую картину иностранной интервенции.

Основную причину «смуты» он связывал с внешнеполитическими планами Польши, а не с внутренними социально-экономическими противоречиями в России. Не героическая борьба русского народа за национальную независимость, говорит он, а неумная близорукая политика Польши привела ее к поражению: «Если бы Сигизмунд действовал иначе и Владислав был коронован в Москве, коренное перерождение русских пошло бы как по маслу»¹. Отсюда упорное стремление Костомарова развенчать руководителей народного ополчения. В отдельной статье «Личности смутного времени» он пытался доказать, что Иван Сусанин выдуман правительством, Минин — корыстолюбив и нечестен как казначей ополчения, а Пожарский — бездарен как полководец. Таким образом, и здесь, вместо того чтобы, в соответствии со своими заявлениями, показать роль народа и его борьбу, реальные противоречия русской истории, вскрыть монархическую фальсификацию роли замечательных народных вождей — Минина и Пожарского, Костомаров главную роль в борьбе с интервенцией и внутренней «анархией» отводил духовенству и купечеству, изображал государственную власть как организующую, прогрессивную силу, порочил вождей народной борьбы.

Касаясь правления Михаила Романова и Алексея Михайловича, историк, окончательно утративший отрицательное отношение к истории самодержавного государства, писал, что «правительство давало народу облегчения», что его указы «клонились к облегчению народных тягостей»².

Правление Петра I, по Костомарову, было началом второго этапа, который «привел единодержавную государственность к ее полному апогею»³. Громадный труд Петра Великого, подчеркивал историк, завершил то, что приготовлено было предшествовавшими веками. Государство окончательно обособилось от народа. В русской жизни возникли две народности — «народность государственная» и «народность массы». «Крепостное право... было самым осязательным выражением перевеса государственного начала над народным»⁴.

Костомаров в целом оправдывал преобразовательную политику Петра, хотя и критиковал «темные стороны» его характера. Он совершенно откровенно осуждал республиканский строй и превозносил самодержавную власть. «В такой момент истории, в какой тогда вступила Россия, — писал он, — только

¹ Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях..., т. I, стр. 302, 303, 305.

² Там же, стр. 305—306.

³ Там же, стр. 440.

⁴ Там же, стр. 415.

⁵ Там же, стр. 445.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. V, стр. 511—512.

² Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях..., т. II, стр. 22, 23.

³ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 388.

⁴ Там же, стр. 389.

самодержавие и могло быть пригодным. Свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда нужно бывает изменять судьбу страны и дух ее народа, вырывать с корнем вон старое и насаждать новое»¹. Нетрудно уловить связь подобной промонархической точки зрения с одобрительным отношением автора к реформе 1861 года и его идеей примирения государственности с народностью.

Считая Петра государственным деятелем, одаренным «умственным ясновидением», огромным трудолюбием и гигантской волей, направленными на ломку и перестройку всего государственного и общественного порядка, Костомаров критиковал его методы осуществления великих преобразований и бездушное отношение к народу. «Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства... во все его царствование кровавый пар замученных и казненных в Преображенском приказе заражал воздух Руси»², — писал он.

Осуждая деспотизм и жестокость Петра, Костомаров в целом давал высокую оценку его деятельности. «За любовь Петра к идеалу русского народа, — отмечал он, — русский чело­век будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради этой любви простит ему все, что тяжелым бременем легло на его памяти»³. Главное, что стремился подчеркнуть Костомаров, это беспрекословное подчинение народа самодержавному государю: «Русские... повинуются, потому что так хочет их самодержавный государь»⁴.

Осудив народную борьбу, как исторически бессмысленную, приписав русскому народу несвойственные ему черты покорности и раблепного подчинения государственной власти, Костомаров в конце концов пришел к антиисторическому выводу о «заснувшей народной жизни» в России. Пробудить ее, по его мнению, могла лишь реформа, проведенная государством. «Сознавая свою полную силу, государство само пробуждает народную жизнь»⁵, — таков конечный вывод историка, увидевшего в крепостнической реформе 1861 года спасительное, умиротворяющее начало.

Страх перед крестьянской революцией оказался сильнее теории борьбы двух начал. И Костомаров, признав реформу, проведенную помещиками и царем, «новым зачатком народной жизни», подписал смертный приговор своей теории. «Борьба

¹ Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях..., второй отдел. Господство Романовых до вступления на престол Екатерины II, вып. шестой, XVIII столетие, СПб., 1876, стр. 781.

² Там же, стр. 783.

³ Там же, стр. 785.

⁴ Там же, стр. 782.

⁵ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 389.

начал удельно-вечевое уклада с началами единовластия, народных сил с государственными в наше время окончится... сама собой мирно и согласно»¹, — заявил он в апреле 1861 года. Так идея народа, теоретически провозглашенная Костомаровым, в практическом воплощении превратилась в свою противоположность и подчинила конкретный исторический материал все той же карамзинско-чичеринской идее государства. Обещание историка, данное им 22 ноября 1859 г. во вступительной лекции по русской истории, — «в своем изложении подчинять принцип государственности идее народности»², осталось невыполненным.

Теоретическая слабость и беспомощность Костомарова обнаружилась не только в тех противоречиях, с которыми он сталкивался при конкретном освещении русской истории и которые не мог разрешить, но и в отсутствии социально-экономической истории в его исследованиях. Еще В. И. Семевский в свое время заметил, что игнорирование экономической стороны народной жизни является для Костомарова не случайным и обнаруживается во многих его работах по истории России³.

В схеме русской истории Костомарова нет и не могло быть такого определяющего элемента, как классовая борьба.

Центральным пунктом костомаровской истории Украины было утверждение об отсутствии классов и классовой борьбы. Костомаров считал законным и вполне естественным экономическое неравенство, но категорически отрицал наличие классовых противоречий в истории Украины.

В законченном виде теория «бесклассовости» украинского народа, вошедшая позднее в реакционную систему буржуазно-националистических взглядов Антоновича и Грушевского, была сформулирована в статье Костомарова «Задачи украинофильства»⁴. Свободолюбивый украинский народ никого никогда не угнетал, ни в прошлом, ни в настоящем, утверждал националистически настроенный историк, наоборот, по своему демократическому народному духу он противник какой-либо диктатуры. «В Южной Руси не видно ни малейшего стремления к подчинению чужих, к ассимилированию инородцев, поселившихся между ее коренными жителями; в ней происходили споры, драки более за оскорбленную честь или временную добычу, а не с целью утвердить прочное вековое господство»⁵.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 389—390.

² Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, стр. 10.

³ См. В. И. Семевский. Указ. ст., стр. 203.

⁴ Н. Костомаров. Задачи украинофильства. Ж. «Вестник Европы», 1882, т. I, кн. 2, стр. 886—900.

⁵ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 242.

Это утверждение послужило значительно позднее Грушевскому основанием для его контрреволюционных выводов. Раз исторически «доказано», рассуждал этот ярый враг украинского пролетариата и Советской власти, что украинский народ не терпит диктатуры — значит борьба против диктатуры пролетариата совершенно необходима.

Крепостное право и единодержавие, по утверждению Костомарова, занесены на Украину Польшей, а в еще большей степени Москвой, которая, пользуясь благодушием украинского народа, эксплуатирует его экономические богатства.

С таких буржуазно-националистических позиций подходил Костомаров к решению основных проблем украинской истории в работах «Богдан Хмельницкий», «Гетманство Выговского», «Гетманство Юрия Хмельницкого», «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы» и др.

Киевская Русь, считал он, была создана исключительно малорусским народом и представляла один из ярких периодов истории Украины. Начав с антиисторической, ложной посылки, Костомаров стремился противопоставить Киевское государство Московскому. Так, он писал, что в то время как в Северо-Восточной Руси нашествие монголов утвердило феодализм, а затем единодержавие, в Южной Руси, с ее свободолобием, наблюдалась «разбивчивость и анархия».

Пытаясь объяснить такую непоследовательность, Костомаров указывал, что «украинский народ не имел ни мало политического воспитания, чтоб выиграть свой процесс в истории и на самобытных началах организовать стройное гражданское целое»¹. И в данном случае Костомаров, поставленный дальнейшими историческими событиями перед необходимостью признать политическое банкротство свободолобивого с древнейших времен украинского народа, хватался за внешнюю силу, чтобы внести какую-то определенность в историю Украины. Он утверждал, что подчинение Украины Литве «обновило одряхлевший, разложившийся порядок», а власть Польши связывал «с признанием до некоторой степени законности, справедливости такого порабощения».

Основной движущей силой, воплотившей древние национальные качества Украины — свободолобие и анархизм, стало казачество. «Народное недовольство гражданским порядком давало ему пищу и силы: в казачестве воскресали старые полугасшие стихии вечаевой вольницы...»². Идеализируя казачество как бесклассовую, социально-однородную силу, Костомаров не мог нарисовать объективной картины национальной-освободительной борьбы украинского народа, показать ее

социальные корни. Ополяченная украинская шляхта была на стороне Польши, а единое и однородное казачество выступало на защиту национальной и религиозной самобытности Украины. «Во время борьбы с Польшей все украинцы были равными казаками»¹, — утверждал он, не желая видеть классовых противоречий между крестьянскими массами и казацкой старшиной.

К оценке значения воссоединения Украины с Россией Костомаров подходил не с народных позиций, а с точки зрения крупной феодальной верхушки, права которой были значительно урезаны. Отсюда его полупозитивная оценка исторического акта воссоединения и умаление заслуг Хмельницкого, который, по его словам, «в одно и то же время подвигал народ против поляков и искал оправдания у польского правительства»².

Показывая историю Украины после присоединения к России, историк оплакивал падение и постепенную ликвидацию «гетманщины». В этом смысле примечательно название его работы «Руина», посвященной гибели гетманского управления.

В работе «Гетманство Выговского» автор утверждал, что оторвавшаяся от Польши Украина еще не соединилась с Москвой, и на этом основании пытался оправдать антинародную деятельность Выговского и Дорошенко борьбой за самобытность Украины.

Хотя работы Костомарова по истории Украины и подвергались критике со стороны шовинистически настроенных реакционных кругов, сам он, по существу, дальше требований национально-культурной автономии не шел. Достаточно убедительным доказательством этому может служить его письмо к Герцену, написанное в 1859 г. «Никто из нас не думает, — указывал Костомаров, — об отторжении Южной Руси от связи с остальной Россией. Напротив, мы бы желали, чтобы все другие славяне соединились с нами в один союз, даже под скипетром русского государя, если этот государь делается государем свободных народов, а не всепожирающей татарско-немецкой московщины»³.

Таким образом, еще в дореформенный период весьма скромные национальные идеалы Костомарова вполне вмещались в узкие рамки конституционной монархии.

Легкий либерально-буржуазный налет костомаровской оппозиционности, националистически истолкованная теория борьбы двух начал, обращение к истории народа, попытка постановки проблемы народных движений, религиозный фанатизм и литературно-художественная манера изложения — все эти

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 42.

² Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. IX, 1870, стр. 140.

³ А. И. Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 483.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 41.

² Там же, стр. 211.

стороны сложной мозаичной системы исторических взглядов широко известного историка вызывали различные суждения и противоречивые оценки.

В общем внешне разногласием хоре одобрительных высказываний и критических замечаний можно различить три точки зрения: реакционно-монархическую, либерально-буржуазную и революционно-демократическую.

Отношение правительственных кругов и представителей охранительного направления к историку становилось постепенно все более благожелательным по мере того, как правели его политические убеждения. В этом смысле характерен отзыв профессора Петербургской духовной академии М. О. Кояловича о работе Костомарова «Последние годы Речи Посполитой»: «В этом сочинении большое отступление от первоначальных взглядов автора. Здесь прославляется русское правительство за умные и решительные действия по отношению к полякам и явно дается сочувствие объединительной русской политике, обличать грехи которой автор считал как бы своим призванием в других сочинениях».

Черты антисемитизма, резкие выпады против поляков, панегерики православия встречали горячее одобрение реакционного лагеря. Любопытно, что такая работа, как «Бунт Стеньки Разина», получила благожелательную оценку Александра II, о чем сообщил автору министр просвещения Е. П. Ковалевский в связи с приглашением на кафедру Петербургского университета. Умеренный либерал, профессор А. В. Никитенко назвал ее замечательной статьей, в которой, по его мнению, «ужасное, невежественное состояние допетровской России изображено... очень ярко и правдиво»¹.

Но малейшее критическое замечание Костомарова в адрес самодержавия вызывало резкую отповедь со стороны представителей реакционно-монархического лагеря. Так, в упомянутом уже отзыве Н. Г. Устрялова, который послужил основанием для запрещения диссертации Костомарова, говорилось: «Костомаров так любит парадоксы и так упорно идет наперекор истине, что даже Хмельницкого не хочет признавать избавителем Малороссии от ига польского»².

В либерально-буржуазной историографии критическим замечаниям подвергались научно-методологические принципы историка. Так, С. М. Соловьев в 1862 г. в статье «История и современность» решительно осудил попытку Костомарова «доказать», что известный подвиг Сусанина сомнителен, и указал на одну из его наиболее уязвимых сторон — произвольное толкование источников.

¹ А. В. Никитенко. Дневник, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 44.

² В. И. Семевский. Указ. ст. стр. 184.

Против стремления Костомарова принизить роль Минина и Пожарского в борьбе с польскими интервентами неоднократно выступал Забелин.

Первым историком, сделавшим серьезную попытку общей оценки научной деятельности Костомарова, был В. И. Семевский¹. Считая лучшей работой Костомарова «Последние годы Речи Посполитой» и сравнивая ее с книгой Соловьева «Падение Польши», Семевский отдавал предпочтение первой.

Общее сочувственное отношение к работам Костомарова не помешало Семевскому с либерально-народнических позиций оценить слабые стороны костомаровской концепции. Он, например, критиковал Костомарова за «игнорирование экономической стороны народной жизни», за «непонимание... громадной и плодотворной роли поземельной общины»², за невнимание к выяснению социальных условий народной жизни. В работах Костомарова по истории Украины главным недостатком Семевский считал то, что в них содержалось «повествование о событиях», но не было характеристики внутреннего устройства и положения украинского крестьянства.

Основную заслугу историка Семевский видел «в живом сближении истории с современной народной жизнью, в том внесении народного элемента в историю, на котором он настаивал», и прежде всего в том, «что он содействовал своим замечательным талантом оживлению русской историографической деятельности»³. Семевский отмечал, что, несмотря на 40-летнее занятие русской историей, Костомаров не сумел в полной мере выполнить поставленные задачи. Он ошибочно называл Костомарова «малороссийским народником» с историко-этнографическим уклоном⁴.

Значительно ближе к правильной оценке Костомарова подошли революционные демократы и, прежде всего, Н. Г. Чернышевский. Великий русский революционер-демократ не только видел, но и резко критиковал соглашательскую сущность политических убеждений Костомарова, его религиозный мистицизм и слишком вольное обращение с источниками. Он указывал на элементы славянофильской идеологии в мировоззрении Костомарова⁵.

В предыдущей лекции говорилось о той тонкой критической оценке, которую дал трудам Костомарова другой представитель революционно-демократического направления — А. П. Щапов⁶.

¹ См. В. И. Семевский. Указ. ст., стр. 181—212.

² Там же, стр. 203, 205.

³ Там же, стр. 203—204, 212.

⁴ Там же, стр. 201.

⁵ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, М., 1950, стр. 613.

⁶ См. лекцию 3, стр. 53—54.

Отношение революционно-демократического лагеря к Костомарову, при всем признании его «обширной учености и тонкого ума»¹, помогает понять и определить место историка в русской историографии.

Хотя Н. Л. Рубинштейн обходит этот важный вопрос, его глава о Костомарове является фактически первой удачной попыткой марксистского анализа исторических взглядов Костомарова. Основные положения главы и общий вывод автора о том, что «Костомаров ближе к Карамзину» и «связан с прошлым, а не с будущим в развитии исторической науки в России»², совершенно справедливы.

К этому следует добавить, что значение Костомарова определяется также тем, что от него берет начало украинская националистическая историография. Истоки контрреволюционной схемы истории Украины Грушевского идут от Костомарова.

При общей либерально-буржуазной основе националистические тенденции Костомарова в трактовке основных проблем истории России отличали его от русских либерально-буржуазных историков великодержавного толка. Уже в этом смысле вряд ли правильно говорить, «что Костомаров... не оказал заметного влияния на последующее развитие исторической науки в России»³. Страницей выше в той же «Историографии истории СССР» совершенно верно сказано о значительности вклада Костомарова в русскую и украинскую историографию⁴.

Костомаров не создал, да и не мог создать научно обоснованную концепцию русской и украинской истории, его бесспорный талант, огромные знания и колоссальное трудолюбие были поставлены на службу не трудящимся массам и тем более не пролетариату, а украинской национальной буржуазии. Как правильно отмечает Л. К. Полухин, «затушевывание классовой борьбы, отрицание наличия классов, замалчивание истинного содержания украинского исторического процесса, создание антинаучных шатких исторических конструкций, — все это было направлено на засорение либеральной фразой сознания угнетенных масс, отвлекало внимание украинского народа от борьбы с эксплуататорами»⁵.

Но это ни в коей мере не исключает определенного значения историка.

Он оставил след не только как талантливый популяризатор исторических знаний, но прежде всего как исследователь,

впервые поставивший целый ряд важнейших проблем русской и украинской истории.

Костомаров обогатил и расширил источниковедческую базу исторической науки и способствовал дальнейшему изучению народной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Н. И. Костомаров. Мысли о федеративном начале древней Руси. Исторические монографии и исследования, т. I, СПб., 1863, стр. 3—56.
Н. И. Костомаров. Две русские народности. Там же, стр. 221—287.
Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования, т. II, СПб., 1863, стр. 201—380.
Н. И. Костомаров. Автобиография, под ред. В. Котельникова, М., «Задруга», 1922.
Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 129—146.
Л. К. Полухин. Формування історичних поглядів М. І. Костомарова, Вид-во АН УРСР, Київ, 1959.
Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 421—440.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 928.

² Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 440.

³ Историография истории СССР, стр. 273.

⁴ Там же, стр. 272.

⁵ Л. К. Полухин. Формування історичних поглядів М. І. Костомарова, Вид-во АН УРСР, Київ, 1959, стр. 124—125.

ЛЕКЦИЯ 5

УПАДОК ДВОРЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Особенности дворянской исторической науки в пореформенный период. По-Фединско-устряловские традиции. Отражение влияния буржуазной идеологии в работах К. Н. Бестужева-Рюмина и Д. И. Иловайского. Самодержавно-охранительная сущность исторических сочинений Н. Ф. Дубровина, Н. К. Шильдера и С. С. Татищева.

Упадок дворянской исторической науки во второй половине XIX в. всецело определялся тем своеобразным и противоречивым положением, в котором оказался уходящий феодальный класс в пореформенной капиталистической России.

Реформа 1861 года утвердила новый, буржуазный строй, выраставший из феодализма. Половинчатость и незавершенность крепостнической реформы были связаны с тем, что проводили ее «сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники»¹.

Инстинкт классового самосохранения заставил их пойти на эту вынужденную меру в условиях капиталистического развития, отрезвляющего поражения в Крымской войне, а главное, угрожающего роста крестьянского движения. «Чувство самосохранения дворянства, как класса, — писал М. Н. Покровский, — требовало крестьянской реформы: только эта реформа гарантировала сохранение его социального преобладания еще на одно или два поколения. Наоборот, отсрочка этой реформы грозила экономической и социальной катастрофой, которая могла ликвидировать феодальный строй сразу»².

Помещики хотя и провели реформу с максимальной выгодой для своего класса, были вынуждены потесниться экономически. Постепенное ослабление экономической мощи помещичьего дворянства, обусловленное развитием капиталистических отношений, усиливало его стремление сохранить и усилить свое политическое господство. Поэтому «прививка буржуазного ду-

ха к засыхавшему стволу русского феодализма»¹ в ходе буржуазных реформ 60-х годов не изменила политического положения дворянского класса, а введение института земских начальников и мировых судей сосредоточило в руках помещика административную и судебную власть над крестьянами. Дворяне преобладали в земствах, в суде присяжных, в органах, ведавших печатью и школой. «Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов, — подчеркивал В. И. Ленин, — оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»².

И хотя интересы развивающегося буржуазного класса оказывали заметное влияние на работу самодержавного правительственного механизма, основные рычаги его крепко держали в своих руках представители дворянского класса.

Особенностью развития капитализма в пореформенной России было противоречие между капиталистической промышленностью и отсталым, опутанным феодальными пережитками землевладением.

Тяжелые последствия этого противоречия усугублялись наличием самодержавной власти, которая всячески пыталась усилить роль и значение дворянства. Царизм, защищая интересы отжившего феодального класса, проводил реакционную политику, направленную своим острием против преобладающего большинства населения страны.

Буржуазия, боявшаяся народной активности больше, чем реакции, все угодливее склонялась перед самодержавной властью. По словам В. И. Ленина, для нее были характерны «проповедь реформ — и боязнь народного движения. Стремление оттеснить крепостников — и боязнь потерять их помощь, боязнь потерять свои привилегии»³.

Консервативные позиции буржуазного класса облегчали царизму проведение политики сохранения всевластия крепостников и привилегий буржуазии. Все отличие пореформенной политики царизма от политики Николая I, по словам М. Н. Покровского, «заключалось в том, что дворянство было теперь не одно наверху; но оно все-таки сохраняло все права и прерогативы старшего сына. А капиталистическая буржуазия была на положении юного Вениамина, которого ласкали и холили, но еще не давали ему прав взрослого человека»⁴.

Вынужденное пойти в 1861 г. на «жалкий компромисс интересов либералов и крепостников» самодержавное правительство уже в 1863 г. начинает пятиться назад, а после выстре-

¹ М. Н. Покровский. Крестьянская реформа..., стр. 72.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 78.

⁴ М. Н. Покровский. Общая политика правительства 1866—1892 гг. История России XIX века, т. V, стр. 25.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

² М. Н. Покровский. Крестьянская реформа. История России XIX века, т. III, СПб., Изд-во т-ва Бр. А. и И. Гранат, т. III, стр. 72.

ла Каракозова переходит к открытой реакции, тщетно пытаясь повернуть колесо истории назад.

Классовое содержание крепостнической политики царизма в пореформенный период с особенной отчетливостью отразилось в рескрипте Александра II на имя председателя комитета министров Гагарина от 13 мая 1866 г. В основе этого документа, определившего, по словам А. И. Герцена, «начало борьбы, начало войны» с народом, лежало горячее желание правительства «охранить русский народ от тех зародышей вредных злоучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство»¹.

Взывая к содействию «здоровых, охранительных и доброжелательных сил», рескрипт в своей заключительной части обнажал антинародный смысл правительственной политики, направленной на всемерное усиление монархической власти в интересах дворянского класса. «Надлежит прекратить, — подчеркнул в этом документе, — повторяющиеся попытки к возбуждению вражды между разными сословиями и в особенности к возбуждению вражды против дворянства и вообще против землевладельцев, в которых враги общественного порядка естественно усматривают своих прямых противников»².

Такая откровенно крепостническая тенденция во всей ее классовой наготе проявилась и на «особом совещании» министров летом 1879 г., когда в поисках «разумных и охранительных сил» правительство обратилось к «частному потомственному землевладению», так как, по его мнению, эти силы «возбуждаются и поддерживаются его собственными интересами»³.

В результате такой политики царизма, которая все более противоречила интересам дальнейшего развития страны, дворянство, по словам Ленина, являлось «главной опорой и экономической и политической отсталости России»⁴.

Архиреакционная роль отживающего класса определила соответствующий характер его идеологии.

Одним из ее видных столпов был «секретарь дворянского общественного мнения» М. Н. Катков. Передовые статьи газеты «Московские ведомости», по меткому замечанию М. Н. Покровского, были своеобразным протоколом, в который ее редактор Катков «послушно заносил... все, что говорилось в дворянских кругах, что там считали желательным и полезным»⁵. Утверждая, что в пореформенный период существовало «креп-

¹ См.: Б. Б. Глинский. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.), часть первая, СПб., 1913, стр. 332.

² Там же, стр. 334.

³ М. Н. Покровский. Указ. гл. История России XIX века, т. V, стр. 30.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 235.

⁵ М. Н. Покровский. Указ. гл. История России XIX века, т. V, стр. 62.

кое единство двух самых коренных элементов народной и государственной жизни» — крестьян и помещиков, выразившееся в крепостном праве, он всячески пытался доказать, что «основой преобразования должен быть существующий порядок».

В одной из передовых статей Катков, отстаивая неизбежность самодержавного строя и его верной опоры — дворянства, писал: «Изменяя к лучшему формы нашей жизни, не должны ли мы сохранить то существование, для которого мы ищем новых, лучших условий?»¹. Для этого, по мнению Каткова, русскому народу не достает строгой дисциплины и суровой выдержки, для того же, «чтобы предотвратить невозможную в России опасность пролетариата, мы обязываем, — указывал он, — каждого крестьянина непременно владеть землей и непременно быть хозяином»².

Позже, когда эта «невозможность» превратилась в грозную реальность, другой, более дальновидный идеолог уходящего дворянства К. Леонтьев в газете «Варшавский дневник» с тревогой отмечал: «Слабейшие легко могут стать слишком сильными; не надо отучать ни народ, ни молодежь, ни детей от повиновения: это противно тому духу православия, на котором возросло наше монархическое государство»³. Крайний реакционер, считавший, что «никакое польское восстание и никакая пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция»⁴, Леонтьев цинично советовал не придавать слову «донос» унижительного значения, а в целях предотвращения революции предлагал, «не стесняясь пустыми фразами прогресса, налагать на противников существующего строя» узду спасительного насилия.

Мы не случайно остановились на этих высказываниях; они помогают понять особенности дворянской исторической науки во второй половине XIX ст., в период, когда новый восходящий класс капиталистической России — промышленный пролетариат, расправляя могучие плечи и поднимаясь на революционную борьбу, противопоставил реакционной идеалистической науке господствующих классов свою передовую, материалистическую науку.

В новых исторических условиях, связанных с утверждением капитализма и появлением пролетариата, дворянские историки по-прежнему «под давлением интересов» страшно могущественного класса отстаивают политику старых крепостнических традиций»⁵. Погодинская формула об исторической нау-

¹ «Московские ведомости» от 23 июня 1864 г., № 138.

² «Московские ведомости» от 23 января 1865 г., № 18.

³ «Варшавский дневник» от 12 января 1880 г., стр. 141—142.

⁴ К. Марьев. Письма отшельника, т. I, стр. 101.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 279.

ке как «охранительнице и блюстительнице общественного спокойствия», устряловская характеристика монархов как «главных действователей» русской истории, выдвинутые в дореформенный период¹, — оставались определяющими в деятельности основных представителей дворянской науки второй половины XIX века.

И Погодин, и Устрялов, будучи типичными представителями реакционно-охранительного направления в дореформенной историографии, продолжали свою деятельность и в рассматриваемый период. Для первого характерен тост, провозглашенный им в конце ноября 1857 г. на обеде в честь царского рескрипта 20 ноября 1857 г., положившего начало подготовки реформы. Подняв «тост за дворянство, прославляя его благоразумие, осторожность и благородство»², Погодин был верен ему до конца жизни. В то же время он не мог не считаться с утверждением нового, буржуазного класса и отражением его идеологии в исторической науке. Стараясь смягчить классовые противоречия, Погодин историческими примерами стремился убедить читателей, что в России «искони существовали дружелюбные чувства между различными сословиями»³.

Основной смысл деятельности Погодина — одного из крупнейших представителей монархической идеологии — сводился и в пореформенный период к прославлению и защите самодержавия путем прямой фальсификации истории.

Посвящая в 1871 г. свою «Древнюю русскую историю» Александру II, «верноподанный Михаил Погодин» подчеркнул, как и прежде, что «русское государство, в образе происхождения и в ходе событий, представляет совершенное различие с западными государствами»⁴. Опираясь на это ложное утверждение, монархический историк отрицал возможность революции в России. Русский народ в его изображении — «низок, ужасен, скотен», а главное, рабски предан престолу, что и является «надежным» основанием незыблемости самодержавной власти.

Значительное влияние на развитие профессиональной дворянской историографии оказал и такой последовательный проповедник официальной теории «самодержавия, православия и народности», как Устрялов. Его многотомная «История царствования Петра Великого» была завершена во второй половине 60-х годов и открывала длинный ряд апологетических трудов о русских самодержцах.

¹ См. В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. I, стр. 176, 180.

² История Москвы, т. IV, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 21.

³ М. П. Погодин. Соч., т. III, М., 1872, стр. 378.

⁴ М. П. Погодин. Соч., т. I, М., 1872, Посвящение.

Говоря о том, что «сам Устрялов наложил тяжелую руку» на историю преобразователя, А. И. Герцен иронически заметил: «Дела и люди настолько усовершеншились, что Устрялов, писавший свою историю России по трафаретам министра Уварова и мотивам Николая Павловича, стал издавать историю Петра по источникам»¹.

Действительно, под влиянием успехов буржуазной науки дворянские историки были вынуждены придавать своим трудам наукообразный характер и видимость объективности; в то же время усложнившаяся социальная структура капиталистической России требовала более тонкой пропаганды монархии. «Вековая привычка властвовать, — писал В. И. Ленин, — работала в дворянах... умение облекать свои эксплуататорские интересы в пышные фразы, рассчитанные на одурачение темного «простоародья»².

Идеалистические принципы Погодина и Устрялова, их антинародные официально-монархические идеи нашли продолжение в работах М. О. Кояловича, Н. Ф. Дубровина, Н. К. Шильдера, С. С. Татищева. Все они безмерно восхваляли политику самодержавной власти, осуждали любое выступление против существующего строя и пытались с помощью истории доказать невозможность революции в России.

Излагавшие в погодинско-устряловском консервативном духе отечественную историю исследования этих дворянских историков, несмотря на некоторые частные достижения, представляли вчерашний день исторической науки, а сами авторы их были типичными эпигонами дворянской историографии.

В официальной историографии во второй половине XIX ст. нашел отражение процесс идеологического сближения дворянства и буржуазии, начавшийся еще в первой половине века. В основе его лежало экономическое развитие и реакционный политический союз господствующих классов, сложившийся на почве защиты самодержавной власти и собственных интересов.

Растущая угроза народной революции толкала либералов в объятия крепостников, рождала характерную для буржуазной России политическую амальгаму разнородных идей. И коль помещикам нужна была поддержка буржуазии, а последняя, по утверждению В. И. Ленина, рабствовала перед крепостниками, стремилась к «блоку с реакцией»³, то и в области исторической науки происходил процесс взаимообусловленного влияния. Так, в работах представителей государственной школы можно легко обнаружить следы монархических тенденций дворянских историков, а в проблематике и подходе к ре-

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIV, М., 1958, стр. 297.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 419.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 17.

шению отдельных вопросов дворянских историков — влияние буржуазной историографии.

Наиболее показательными в этом отношении являются исторические исследования К. Н. Бестужева-Рюмина и Д. И. Иловайского. Первый из них настолько глубоко впитал отдельные элементы буржуазной науки, что некоторые исследователи считали его буржуазным историком. Например, Н. Л. Рубинштейн называл Бестужева-Рюмина одним из наиболее видных представителей буржуазной исторической науки 60—80-х годов XIX века¹.

Отличительной особенностью дворянской науки было и появление ряда историко-биографических работ, посвященных отдельным представителям царствующей династии — Павлу, Александру I, Николаю I и Александру II. Апологетический характер изложения, стремление показать русских самодержцев сознательными творцами истории, защитниками народных интересов преследовали определенную политическую цель — поддержать пошатнувшийся авторитет царской власти, оправдать ее реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Позволяя себе отдельные критические замечания, осуждая «крайности» в действиях того или иного императора, дворянские историки Шильдер, Татищев и другие стремились внушить читателю, что цари бывают лучше, бывают хуже, но самодержавие во все времена было и остается идеальной формой государственной власти и плохим быть не может. Поэтому, как правило, авторы подобных работ умышленно ограничивали себя узкими рамками морально-этической характеристики и оставляли в тени классовые мотивы деятельности царей и их сановников.

Одним из наиболее известных дворянских историков второй половины XIX в. был Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897).

Принадлежавший, по словам его биографа Е. Ф. Шмурло, к «лучшей части дворянского помещичьего класса»², он получил первые знания по русской истории из сочинений Щербатова и Карамзина. По отцу Бестужев-Рюмин был родственником князя М. М. Щербатова и неоднократно повторял, что обязан ему «тем, что стал русским историком»³. Что касается Карамзина, то его Бестужев-Рюмин считал образцом историка-патриота, «воспитателем своего детства» и постоянно сожалел, что современники забыли «Историю» Карамзина, хотя, по его

¹ См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 411.

² Е. Шмурло. Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина, Юрьев, 1899, стр. 1.

³ Там же, стр. 5.

мнению, «трудно найти книгу, более способную... пробудить патриотизм и любовь к истории»¹.

На дворянскую первооснову исторических представлений Бестужева-Рюмина своеобразно наскоились либерально-буржуазные идеи, усвоенные в Московском университете на лекциях Соловьева и Кавелина. «В результате таких противоречивых воздействий, — отмечает В. Е. Иллерицкий, — в исторических взглядах Бестужева-Рюмина сочетались элементы и дворянской и буржуазной историографии»². Преобладающими были первые, о чем свидетельствует восторженное отношение историка к Карамзину и Погдину, связанное с их монархической антидемократической идеологией³.

Охранительные начала сочинений и учебников Иловайского также вызывали одобрительное отношение Бестужева-Рюмина. «Из всех писателей, — считал он, — после Карамзина никто ближе г. Иловайского не подходил» к тому «художественному идеалу, к которому должен стремиться исторический писатель»⁴.

Признавая «великие заслуги» Соловьева как «ученого историка» в том, что он «первый понял русскую историю в связи», Бестужев-Рюмин считал основным источником неутомимой деятельности Соловьева силу религиозных убеждений. И хотя эта черта ему весьма импонировала, он поспешил заявить, что «не принадлежит к числу почитателей г. Соловьева»⁵. В конце жизни, под давлением общественного мнения, Бестужев-Рюмин присоединил свой голос к общему хору признания заслуг крупнейшего буржуазного историка России и в частном письме отмечал, что «он умнее даже Карамзина, который был не философ, а художник и ученый»⁶. Отношение Бестужева-Рюмина к последнему было значительно ровнее и восторженнее⁷. Недаром перед смертью он говорил о необходимости «культы Карамзина».

Продворянские симпатии с оттенком славянофильства обнаруживает Бестужев-Рюмин и в оценке Погодина, которого он называл «представителем здравого смысла русского народа»⁸,

¹ К. Н. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики, СПб., 1882, стр. 258.

² Историография истории СССР, стр. 279.

³ См. К. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики, стр. 206, 223, 230, 253.

⁴ К. Бестужев-Рюмин. «История России» Д. И. Иловайского, ч. I, Ж. «Древняя и новая Россия», 1876, № 6, стр. 198.

⁵ К. Бестужев-Рюмин. «История России с древнейших времен» С. Соловьева, т. I—IX, статья I. Ж. «Отечественные записки», 1860, № 9, стр. 2.

⁶ См. Е. Шмурло. Указ. раб., стр. 175.

⁷ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 569.

⁸ К. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики, стр. 233.

чуждым интересам какой-либо политической партии или «исключительной доктрины».

Между прочим, себя историк тоже причислял к представителям «объективного знания», стоящим над интересами классов и партий. В действительности его общеисторические воззрения, хотя и отражали отдельные черты буржуазной идеологии, в целом носили дворянский, охранительный характер.

Политические идеалы Бестужева-Рюмина, сложившиеся в 40—50-х годах в русле славянофильства, в пореформенный период заметно поправились. В конце жизни он увлекался мистическим идеализмом В. С. Соловьева, пропагандировал реакционную теорию «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского и говорил, что его книга «Россия и Европа» должна стать «настойной книгой всякого русского человека»¹.

Основу отечественной истории Бестужев-Рюмин видел в православии, которое считал залогом великого будущего России. «Помните, — писал он в 1882 г., — что час для России стать великим всемирным народом близится, что ни один народ не может быть великим без религиозного начала, без сознания своей народности, без сознания чувства долга; выше же всего стоит религиозное начало»². Европа, по мнению историка, давно утратила религиозные начала и «вымирает умственно и нравственно». В будущем Запад «или замрет в буржуазной ничтожности... или переживет страшный переворот». Призвание России, утверждал он, «соединить Восток и Запад в высшем начале — православии, в проведении этого высшего начала во все сферы жизни»³.

В понимании исторического процесса Бестужев-Рюмин был типичным идеалистом с позитивистским уклоном. «Философия, — писал он, — может и должна привести к идеализму, ибо только идеализм есть настоящая философия. Материализм и спиритизм слишком односторонни...»⁴. В духе модной тогда позитивистской теории, Бестужев-Рюмин считал, что «существование истории, как науки, как полного целого, является только желательным»⁵, поэтому первостепенная задача историка — «дать читателю поболее материалов и указаний для образования собственного суждения»⁶.

Решению такой задачи и был посвящен основной труд Бестужева-Рюмина — «Русская история», содержание которого свидетельствовало об отказе автора от исторического синтеза.

¹ Бестужев-Рюмин. Н. Н. Страхов. «Журнал Министерства народного просвещения», 1896, № 2, стр. 117.

² См. Е. Шмурло. Указ. раб., стр. 233.

³ Там же, стр. 233, 239.

⁴ Там же, стр. 287.

⁵ К. Бестужев-Рюмин. «История России с древнейших времен» С. Соловьева, статья 1. Ж., «Отечественные записки», 1860, № 9, стр. 6.

⁶ К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. II.

В своем стремлении «представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтора столетия лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты»¹, автор сосредоточил внимание на точном воспроизведении исторических фактов и подробной характеристике исторических источников. Поэтому наиболее ценной частью «Русской истории» являлось введение, в котором был дан лучший для того времени обзор основных видов источников, расположенных в хронологической последовательности.

Что касается конкретного изложения русской истории, Бестужев-Рюмин, считавший, что идеи правят миром, «старался, — говоря его словами, — выдвинуть на первый план государственный и общественный быт, верования и умственное развитие каждой эпохи...»².

Но даже такого изложения у него не получилось. Принципы дворянской историографии оказались сильнее, чем элементы буржуазной науки, усвоенные историком.

Его «Русская история» в карамзинско-погодинском духе рассказывала о князьях и царях государства Российского. В ней напрасно искать освещения вопросов экономического развития, промышленности, торговли. В прагматическом поведении нет места народу и народной борьбе, а разрешение вопроса об отношениях общества и личности историк связывал с психологией народа, с народным духом.

Бестужев-Рюмин, таким образом, не только возвращался назад по сравнению с провозглашенным Соловьевым принципом закономерности исторического развития, но, в соответствии с общим упадком дворянской историографии и нарастающим кризисом буржуазной, ставил под сомнение возможность познания законов исторического развития. «Общий ход истории, — утверждал он, — мы знаем только гадательно, только стремимся узнать его. Все приложения философии истории, которые делались до сих пор, в сущности преждевременны и более или менее произвольны», они сводятся «к обобщению случайного, к поставлению во главу угла временного, к прославлению того, что было гибельно...»³.

Другим дворянским историком, отразившим в своих трудах влияние буржуазной исторической науки и показавшим вместе с тем, насколько архаичны и запоздалы стали во второй половине XIX в. попытки обобщающего обзора русской истории с дворянско-монархических позиций, был Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1920).

¹ К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 1.

² Там же, стр. 11.

³ К. Бестужев-Рюмин. «История России с древнейших времен» С. Соловьева, статья 1. Ж., «Отечественные записки», 1860, № 9, стр. 4.

Если Бестужев-Рюмин все же оставил след в науке источниковедческой работой, посвященной истории русского летописания, то Иловайский был известен главным образом своими учебниками по русской истории. Написанные в официально-монархическом духе, они были одними из многих идеологических костылей, на которые пыталось опереться одряхлевшее самодержавие и с помощью которых оно стремилось отсрочить свое неизбежное падение.

Изучение истории «по Иловайскому» на долгие годы стало нарицательным и означало крайний монархизм, убожество мысли, верноподданническую лесть. Очевидно, в связи с этим остались в тени его монографические работы, представлявшие определенную ценность, такие как «История Рязанского княжества» (1858), «Гродненский сейм» (1870) и особенно «Розыскание о начале Руси» (1876). В последней автор, считавший, что «в основу нашей национальности и нашего государства положено крепкое, плотное ядро, т. е. могучее славяно-русское племя», отвергал норманскую теорию происхождения Древнерусского государства. Разумеется, сам он очень примитивно представлял себе процесс образования государства и связывал его с деятельностью княжеского рода, который утвердился в Киеве.

Основной работой Иловайского, определившей его принадлежность к угасавшей дворянской историографии, была «История России» в пяти частях.

В предисловии автор определял задачи исторической науки, которую он так же, как Бестужев-Рюмин, понимал как сочетание науки и искусства.

Задача науки — «приуготовительная»: критически изучить источники и пособия, восстановить события в истинном виде, объяснить их причины и следствия, определить естественные условия и различные влияния, а главное — «дать верную, по возможности беспристрастную оценку деятелей и обстоятельств». После такой подготовительной работы науки, по мнению Иловайского, должна следовать творческая работа искусства, заключающаяся в том, чтобы «изобразить события, обстоятельства и лица такими, какими они представляются воображению самого историка,... дать каждой части свое место; найти всему соответствующее выражение в языке; усвоить своему изложению достойный высокой задачи благородный стиль и согреть это изложение своим собственным теплым участием, своею любовью к предмету»¹.

В подобном изложении Иловайский видел идеал, «к которому должен стремиться» историк. В данном случае, как и во

¹ Д. Иловайский. История России, часть первая, М., 1876, стр. V—VI.

многих других, он дословно повторял Бестужева-Рюмина, а оба они — Карамзина. Политические идеалы их также совпадали. «История прошлого, — в представлении этого дворянского историка, — великая наставница и поучительница новых поколений», поэтому ее ближайшая цель «заключается в том, чтобы, воссоздавая в слове прошедшие века,... способствовать развитию народного самопознания»¹ в духе незыблемости монархической власти, православной веры и великорусской народности.

В то же время, отдавая дань утвердившимся в науке буржуазным принципам, Иловайский считал, что историк должен стремиться раскрыть «законы и основания» общественного развития. Однако единственной формой такого развития он считал «государственный быт», причем «историческими народами», в его представлении, были только те, «которые усвоили себе эту форму». «Отсюда, — писал Иловайский в духе государственной школы, — естественная и неразрывная связь истории какого-либо народа с движениями его государственного быта»². Развитие этого государственного быта проявляется в деятельности его представителей. Следовательно, «народная масса есть ничто иное, как этнографическая почва, которая выделяет из себя действующие лица»³. Историк же имеет дело не с народом, а с его представителями, деятелями государственной власти.

В основе схемы русской истории у Иловайского лежала смена властей, смена государственных столиц — Киева, Москвы, Петербурга. По столицам давалась периодизация, а освещение каждого периода было сведено к деятельности выдающихся государственных и исторических лиц. Так, например, определяя содержание последней, пятой части своей «Истории», автор указывает, что «доводит историческое повествование до единодержавия Петра Великого и достигает пределов Московского — царского периода»⁴.

Наиболее характерны для второй половины XVII в., по убеждению Иловайского, конечно, не Степан Разин, а Богдан Хмельницкий и Никон. «Эти две крупные исторические личности, — отмечает он, — занимают весьма видное место в русской истории второй половины XVII столетия и стоят непосредственно за главным ее представителем, тишайшим царем Алексеем I, который своей правительственной деятельностью продвинул Московское государство на степень великой европейской державы и подготовил эпоху великих реформ»⁵.

¹ Д. Иловайский. История России, часть первая, М., 1876, стр. VI.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Д. Иловайский. История России, т. V, М., 1905, стр. VII.

⁵ Там же.

В данном случае мы видим общую антинародную основу, которая роднила представителей дворянской и буржуазной исторической науки.

В предисловии к первой части своей работы Иловайский, говоря о том идеале, к которому он стремится приблизиться, объединяет «великие труды Карамзина, Соловьева и... замечательное начало Русской истории Бестужева-Рюмина»¹.

Игнорируя роль народа и его историю, эклектически соединяя монархические принципы Карамзина с элементами соловьевско-кавелинской буржуазной концепции, Иловайский не мог создать новой обобщающей работы по русской истории. Прimitивный прагматический рассказ Иловайского о древнерусских князьях и московских царях был в дворянской историографии последней попыткой создания общего труда по русской истории. Методологическая беспомощность этой попытки, ее научная несостоятельность особенно отчетливо видны при сравнении с подлинно научными марксистско-ленинскими принципами изучения истории, которые в то время уже пробивали себе дорогу в русской историографии.

В заключение остановимся на деятельности тех дворянских историков, которые в последней четверти XIX в. окончательно отказались от создания общих работ по русской истории и перешли к описанию отдельных царствований или сторон внешней и внутренней политики царизма.

Такое ограничение научных интересов было связано с усилением политического консерватизма, обусловленного ростом социально-экономических противоречий и революционной борьбы против самодержавной власти.

В канун империализма дворянские историки уже не могли защищать самодержавную власть на широком фронте исторических обобщений. Бессильные справиться с новым историческим материалом и объяснить новые сложные процессы, происходившие в капиталистической России, они фактически отступили и отчаянно старались оправдать существующий строй на более узких участках исторической науки.

Именно такой характер носила деятельность Николая Федоровича Дубровина (1837—1904), генерал-лейтенанта, занимавшегося, по преимуществу, изучением русской военной истории. Ему принадлежат работы и документальные публикации о присоединении Крыма, Кавказа, по Отечественной войне 1812 г. и Крымской войне.

Для Дубровина характерен археографический подход к источникам, при котором главной задачей является не критика источника, а его публикация. Такой подход, по словам Н. Л. Рубинштейна, «является одной из характерных черт всей офици-

альной историографии»¹ и постепенно превращается в самостоятельное направление в дореволюционной науке. Отличительной особенностью дубровинских работ и была насыщенность документальными материалами, в которых часто тонуло авторское описание.

Наиболее ценной работой по военной истории является его «История войны и владычества русских на Кавказе» в пяти томах (1871—1887). Детальному обзору военных действий на Кавказе Дубровин предпослал краткий очерк жизни и быта кавказских народов. Конечно, все это освещалось в официальном правительственном духе. Автор всячески стремился обелить колониальную политику царизма, оправдать «владычество» русских помещиков и буржуазии на Кавказе.

Дубровин был первым русским историком, получившим доступ к следственному делу Емельяна Пугачева и его сподвижников. На основании использования этого и других материалов государственного и частных архивов Дубровин опубликовал трехтомную монографию «Пугачев и его сообщники» (1884).

Этой работе, представлявшей большую ценность благодаря обширному документальному материалу, автор дал подзаголовок — «Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773—1774 годы». Стремлением свести мощную крестьянскую войну, потрясшую дворянскую империю, к незначительному эпизоду царствования Екатерины II автор определил свое отношение к народному восстанию. Основной причиной его Дубровин считал злоупотребления помещиков своей властью, «порочность» и «слабость» администрации. Возмущенные всем этим народные массы нашли себе вождей среди казаков, издавна привыкших к разбоям и неповиновению. Успех восставших дворянский историк объяснял рознью среди помещиков, которая мешала им объединить свои силы. Он старается преувеличить роль яицких казаков в движении и соответственно умалить роль крестьянских масс.

Основное внимание Дубровин обращал на показ организующей роли царизма в сплочении дворянского класса для разгрома восстания. В книге подробно описываются действия карательных отрядов, превозносятся заслуги их командиров, преувеличиваются данные о потерях восставших. Официальная правительственная оценка восстания ярко просвечивает в тех эпитетах, которыми награждает автор восставших: «мятежники», «возмутители», «злодеи». Пугачев у него — авантюрист и обманщик, а его ставка в Берде — «вертеп разврата, пьянства и буйства всякого рода»².

¹ Н. Л. Рубинштейн, Русская историография, стр. 418.

² Н. Дубровин, Пугачев и его сообщники, т. III, СПб., 1884, стр. 182, 145.

¹ Д. Иловайский, История России, часть первая, стр. VII.

Однако, несмотря на очевидную тенденциозность историка, сам факт появления подобной работы, которая содержала большой и ценный архивный материал, был положительным явлением.

Значение работы усиливалось также тем, что яркий и убедительный фактический материал часто вопреки воле автора-монархиста вступал в противоречие с его общими выводами и приводил читателей к убеждению в неизбежности и социальной обусловленности восстания.

Значительно «целеустремленнее» в охранительном смысле и по форме и по содержанию были работы другого дворянского историка, начальника Инженерной академии, генерал-лейтенанта Николая Карловича Шильдера (1842—1902). Он избрал одну тему — жизнь и царствование русских монархов Павла, Александра I и Николая I и посвятил им семь объемистых томов, напечатанных на роскошной бумаге, обильно иллюстрированных портретами самодержцев и царских сановников.

За внешней роскошью этих апологетических изданий конца XIX — начала XX века скрывался совершенно оторванный от исторической действительности панегирик самодержавной власти. Безграничное восхваление царствования Екатерины II, которое тридцать три года «изливало славу и блеск на Россию», фантастические дифирамбы Александру I, представлявшему «вообще явление необычайное в русской истории»¹, отличали верноподданические работы Шильдера. Все явления русской истории первой четверти XIX в. он склонен объяснять «исключительно одной личностью императора Александра I», чувства же народной любви к нему «не могут быть выражены обычным понятием человеческой преданности: его любили, — пишет он, — страстно, как любят обожаемую женщину»².

Обстоятельная документальность изложения, отдельные критические замечания в адрес «жестокого тирана» Павла I, «который... не ведал, что творит, мучил богом вверенное ему царство»³, создавали видимость научной объективности, прикрывавшей реакционно-монархическое содержание. Недаром автор с особым удовольствием цитировал известное изречение Карамзина: «Самодержавие есть палладиум России, целость его необходима для ее счастья»⁴. Притягательная сила этих слов, которые могли быть эпиграфом к работам Шильдера, возрастала для правящего класса по мере того, как приближалась его неминуемая гибель.

В еще более откровенном тоне безудержного восхваления монархической власти написана работа Сергея Сергеевича Та-

¹ Н. К. Шильдер. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1897, стр. 123, 30.

² Там же, стр. 1, 31.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Н. К. Шильдер. Указ. раб., т. III, стр. 31.

тищева (1846—1906) «Император Александр II», как бы продолжавшая работы Шильдера, которому автор выражал «глубокую признательность» в предисловии. Посвященная более позднему периоду русской истории, она уже не содержала критических строк по адресу представителей монархической власти, все более компрометировавшей себя в глазах народа. Значительную часть своего казенного оптимизма и верноподданического пыла автор был вынужден тратить на попытки развенчивания революционной борьбы и ее героических представителей. Умалчивать о революционном движении было невозможно, и историки официального охранительного направления делают все, чтобы уменьшить его размах, представить его в виде кучки заговорщиков, оторванных от народа.

«Казенный, чиновнический взгляд на общественные явления...», — писал В. И. Ленин, — сказывается в игнорировании революционного движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство защищалось от натиска революционной «партии»¹.

Ленинские слова полностью приложимы к работе Татищева. Ее автор не жалеет ни слов, ни красок для того, чтобы внушить читателю представление об Александре II «Вешателе», «как об одном из величайших монархов, благодетелей человечества»², имеющим «щедрую руку» и «доброе сердце... полное жалости и сострадания к несчастным и обездоленным...» обнимающим «отеческой царской любовью всех своих верноподданных»³.

Откровенно фальсифицируя русскую историю середины XIX в., Татищев характеризовал резкое обострение экономических и социально-политических противоречий накануне реформы 1861 г. как «общий подъем духа, радостное возбуждение русского общества, повсеместное пламенное сочувствие благим начинаниям великодушного и милосердного государя»⁴. Превозносил заботу «царя-освободителя» о народе, автор старательно затушевывал крепостнический характер реформы и вопреки очевидным фактам утверждал, что «бывшие крепостные, исполненные беспредельной преданности и признательности к царю, мирно и спокойно вступили в пользование высочайше дарованными им правами свободных сельских обывателей»⁵.

Наиболее отчетливо контрреволюционный, антинародный смысл дворянской интерпретации русской истории показывает

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 28.

² С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 385.

³ Там же, стр. 222, 223, 611.

⁴ Там же, стр. 225.

⁵ Там же, стр. 388.

татищевская глава с весьма прозрачным названием — «Крамола»¹. Это фактически злобный пасквиль на историю революционного движения в России 1861—1880 годов.

В соответствии со своим утверждением о «чувствах благоговейной и умиленной благодарности», крестьян за «дарованную волю»², Татищев стремился доказать, что до польского восстания 1863 г. в стране царил глубокий внутренний мир, а после его подавления «совершенно прекратились острые проявления революционного брожения»³.

В ходе последующего изложения автор игнорировала острые противоречия между крестьянами и помещиками и углубляющий антагонизм между новыми классами — пролетариатом и буржуазией. Он писал о «преступных действиях шайки злоумышленников, не отступавших ни перед какими преступлениями». Вследствие того, что «было совершенно упущено из виду воспитательное воздействие на развитие образа мыслей и чувств, на утверждение в преданиях родной истории, в началах веры и нравственности подрастающих поколений»; началось невольное заражение русской учащейся молодежи «язвою социализма»⁴.

Пытаясь свести глубокие, органические причины революционного движения народных масс к недостаткам воспитания и обучения молодежи, реакционный историк, с одной стороны, все время ратовал за «принятие мер более целесообразных и действительных», а с другой — считал необходимым усилить воспитательное воздействие на молодежь «в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка»⁵.

К безнадежной защите православной веры, частной собственности и самодержавной власти сводился политический смысл исторических писаний дворянских историков конца XIX века. Заключительные слова татищевского реквиема Александру II, под которыми мог подписаться любой из них, приобретали все более антиисторическое звучание по мере того, как приближалась первая русская революция. «Великими внутренними преобразованиями, вдохнувшими в Россию новую жизнь, — писал в «Послесловии» Татищев, — Александр Николаевич оправдал историческое миросозерцание русского народа, исконную веру его в самодержавие»⁶.

¹ См. С. С. Татищев. Император Александр II..., т. II, СПб., 1903, стр. 579—620.

² См.: С. С. Татищев. Император Александр II..., т. I, стр. 387.

³ С. С. Татищев. Император Александр II..., т. II, стр. 583.

⁴ Там же, стр. 585, 583.

⁵ Там же, стр. 585.

⁶ Там же, стр. 662.

Глубокие революционные сдвиги, которые произошли в мировоззрении трудящихся в период от убийства народовольцами Александра II до первой народной революции, вопреки антиисторическим выводам охранительной историографии, убедительно свидетельствовали о том, каковы были истинные «плоды царственных трудов и подвигов»¹. Не «исконная вера» в царя, а жгучая классовая ненависть к нему определяла дальнейшее развитие русской истории.

Никакими многотомными трудами апологетов монархии невозможно было исторически обелить и оправдать темные антинародные дела русского самодержавия, обреченного на гибель. Когда в 1905 г. вышла последняя, пятая часть «Истории России» Иловайского, события первой русской революции перечеркнули основную охранительную идею автора о «несокрушимом самодержавном строе и железной общественной дисциплине»² в России.

Тем самым русская история подвела итоговую черту усердной верноподданнической деятельности дворянских историков, которые в течение двух столетий передавали, как эстафету, от Щербатова и Карамзина к Иловайскому и С. Татищеву реакционную легенду о спасительной роли самодержавной власти. Зашатавшийся под ударами революции царский трон показал слабость и историческую обреченность монархии, а вместе с этой обреченностью обнаружилась полная непригодность и дутый характер охранительной историографии как одной из идеологических опор царизма.

Таким образом, в пореформенных условиях, когда в основу политических группировок легли капиталистические отношения, «старый правящий класс, помещики-последыши, — как писал В. И. Ленин, — оставаясь правящим»³ классом, сохранили в своих руках средства духовного воздействия на массы и стремились с помощью охранительной официальной историографии отсрочить гибель самодержавного строя.

Сквозь все основные отличительные особенности дворянской историографии этого периода (приумножение погодинско-устряловских традиций, сближение с буржуазной исторической наукой и использование ее достижений с целью создания промонархических контрреволюционных пасквилей на русскую историю) просвечивала слепая верность ветхому карамзинскому завету о незыблемости «мудрого самодержавия и святой веры». Защита ставших теперь историческим анахронизмом начал — монархии и православия — объединяла всех дворянских историков, отличавшихся индивидуальными особенностями,

¹ С. С. Татищев. Император Александр II..., т. II, стр. 662.

² Д. Иловайский. История России, т. V, стр. 81.

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 21, стр. 279.

своеобразием проблематики, уровнем и значением своих исследований.

Утратив еще в первой половине столетия ведущую роль, дворянские историки во второй, в условиях наметившегося кризиса буржуазной историографии, представляли в целом загнивающее архиреакционное направление и находились на крайнем правом фланге исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872. Введение, стр. 1—246.

Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II, 1773—1774, т. I, СПб., 1884.

С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903. Предисловие, стр. XVII—XVIII; т. II, СПб., 1903. Последействие, стр. 661—662.

Историография истории СССР, стр. 274—286.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 81—103.

ЛЕКЦИЯ 6

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Социально-политическая обусловленность господства государственной школы в буржуазной историографии пореформенного периода. Ее ведущие представители К. Д. Кавелин и Б. Д. Чичерин. Их последователи и ученики — В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, Ф. И. Леонтович. Значение государственной школы в русской историографии.

В первые десятилетия после отмены крепостного права господствующим направлением в русской буржуазной историографии была так называемая государственная школа. Окончательно сложившись в конце 50-х годов XIX в., она отражала соглашательскую природу буржуазного либерализма и своим основным острием была направлена против революционно-демократического, а затем марксистского понимания истории.

Идеологически обслуживая развивающуюся русскую буржуазию, государственная школа не могла не отразить особенностей этого нового класса пореформенной России.

Усиление экономического могущества буржуазии в результате реформы сочеталось с ростом ее политической дряблости и реакционной роли, обусловленных своеобразным положением в самодержавной стране в период утверждения капитализма. Справа буржуазии противостояли крепостники и самодержавная власть, слева — пролетариат и солидарные с ним слои населения.

При такой расстановке классовых сил резкое обострение социально-экономических противоречий во второй половине столетия привело к идейно-политической эволюции буржуазии в направлении вынужденного сближения с реакционно-монархическим лагерем. «Буржуазия боится народной активности больше, чем реакции»,¹ — писал В. И. Ленин, вскрывая главную причину подобной эволюции русского либерализма. Боясь массового революционного движения и, особенно, обострения классовой борьбы пролетариата, угрожавшей капиталистическому строю, либералы все более правели, кокетни-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 78.

чали с лагерем реакции, а затем заключили с ним позорную сделку.

В основе этого вынужденного соглашения был страх перед народной революцией и настойчивые поиски сильной государственной власти, способной предотвратить ее. В откровенном тяготении к такой власти все более совпадали классовые воззрения «секретаря дворянского общественного мнения» Каткова и буржуазного либерала Чичерина.

Их идейный противник — представитель противоположно-го, революционно-демократического лагеря А. И. Герцен — уже в середине 60-х годов видел совпадение политических идеалов крепостников и либералов.

В 1866 г. в статье «Катков и государь», напечатанной в «Колоколе», Герцен привел типичные промонархические рассуждения этого идеолога реакции и, заклеив их, как «подлейшую выходку византийского раболепия», показал сходство между ними и аналогичными высказываниями Чичерина. «Государство и династия не есть у нас дело партии, — утверждал редактор «Московских ведомостей», — государь у нас прирожденный вождь всего своего народа. А потому не только официальные деятели..., но и каждый честный гражданин должен... видеть в себе слугу государя и радеть его государеву делу, которое для всякого должно быть своим кровным делом»¹. Назвав подобные советы «поэзией рабства», Герцен сравнивал ее с «доктриной слепого повиновения»² Чичерина. Последнего, который, по его словам, «...в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним»³, он метко назвал автором «философии рабства».

К подобной «философии», созвучной катковской «поэзии», сводилась политическая сущность государственной школы, в которой как в зеркале отразилась основная особенность буржуазной идеологии пореформенного периода — ее постепенное сближение с помещичье-охранительной идеологией.

Таким образом, если возникновение и развитие государственной школы в первой половине XIX в. было закономерным явлением, связанным с соглашательской природой русской буржуазии, то ее господство в буржуазной исторической науке 60—70-х годов определялось растущей политической зависимостью буржуазного класса от самодержавной власти и его объединением с реакционным дворянством на почве совместного противодействия революционному движению.

В подобной социально-политической обусловленности господства государственной школы корни ее идеалистической огра-

ниченности, реакционной направленности и неспособности понять действительные законы истории.

Как уже отмечалось в лекции, посвященной буржуазной историографии дореформенного периода, первым представителем государственной школы в русской историографии был Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885)¹. Он создал довольно цельную либерально-буржуазную концепцию русской истории, в которой идея внутреннего органического развития воплощалась в развитии государственного начала².

Кавелинская схема закономерности государственного развития России получила дальнейшую разработку в трудах Чичерина. Сам же основоположник государственной школы, по мере эволюции его политических убеждений в пореформенный период, развивал идею самобытности русской истории, которая вступила в противоречие с его общей схемой.

Началом резкого изменения политических позиций Кавелина была брошюра «Дворянство и освобождение крестьян», опубликованная в Берлине в 1862 году. Герцен характеризовал ее как «тощий», нелепый, вредный памфлет, писанный для негласного руководства либеральничающему правительству». Позднее В. И. Ленин, называя Кавелина одним «из отвратительнейших типов либерального хамства», приволил эту уничтожающую оценку в статье «Памяти Герцена»³.

Совершив поворот к признанию и одобрению действий полицейско-самодержавного правительства, Кавелин стремился связать государственные начала русской истории с народной самобытностью, с этнографическими особенностями великорусского характера. По его мнению, народ, который создал государство и вынес на плечах многочисленные исторические невзгоды, «представляет небывалую социальную формацию» и свой политический и общественный идеал видит в созданной им царской власти. «В царской власти, — писал Кавелин в «Мыслях и заметках о русской истории», — русскому народу представилась, в идеальном, преображенном виде, та же самая власть, которую он коротко знал из ежедневного быта, с которой жил и умирал. Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства»⁴.

Олицетворяя идеальное, благотворное и вместе с тем грозное государство, русский царь «превыше всех поставлен вне всяких сомнений и споров, и потому неприкосновенен; потому же он и беспристрастен ко всем; все перед ним равны, — утвер-

¹ См.: В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. I, стр. 199.

² Там же, стр. 198—199.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 259.

⁴ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, СПб., 1897, стб. 637.

¹ См. А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIX, стр. 120.

² Там же.

³ А. И. Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 249.

ждал Кавелин, — хотя и неравны между собой»¹. В данном случае подлинный либерализм Кавелина трудно отличить от «византийского раболепия» Каткова.

В 80-е годы Кавелин окончательно закрепил свой идейный союз с реакционными силами, заявив, что «кроме сильной монархической власти, никакой иной власти в России быть не может». Он не только видел внутренний смысл русской истории в том, что «установление ее государственного единства, а следовательно и политического бытия, совпадает с судьбами царской власти»². В интересах защиты самодержавной власти, положение которой становилось все более шатким, он ставит очень острый и актуальный для правящих классов вопрос: «Каким чудом она одна остается неподвижной и несокрушимой в русской жизни в течение столетий, несмотря на внутренние потрясения и внешние замешательства, и когда все вокруг нее, по ее же инициативе, движется и изменяется?»³.

Нужный ему ответ Кавелин ищет в подчеркнутом противопоставлении России Западной Европе, в мнимой способности русского народа «поддерживать и сохранять, как зеницу ока, царскую власть»⁴, в которой якобы нашел воплощение народный идеал государства. Пытаясь, вопреки очевидным фактам русской действительности, доказать, что «народ и царская власть сжились у нас, как Англия с своим парламентом»⁵, идеолог русского либерализма, в угоду интересам правящих классов, клеветал на русский народ. «Народный характер царской власти и ее «несокрушимость» он связывал с «нравственной и духовной неразвитостью» народных масс, с их безликостью, серостью и пассивностью. Называя народ «этнографической протоплазмой, калужским тестом», Кавелин делал из этого типичный для государственной школы вывод о слабости народа и силе государства. На основании такого ложного вывода он стремился внушить читателю мысль о невозможности революции в России, где «преобразование пойдет неизбежно сверху вниз, а не снизу вверх»⁶.

Выдавая монархические иллюзии крестьян за чувства всего народа, идеализируя взаимоотношения между крестьянами и помещиками, а главное, изображая царскую монархию в качестве внеисторического национального самобытного начала, которое должно существовать вечно и нерушимо, Кавелин не мог связать все эти положения со своей теорией органического развития русской истории. «Обоснование государственно-

го начала,—писал Н. Л. Рубинштейн,—получилось чисто отрицательное, государство выступало как самодовлеющая сила, как действующее начало исторического развития, само создающее свою историю»¹. Очевидно, не случайно сам Кавелин расписался в своей научной несостоятельности, заявив, что «дальнейший ход нашей истории и внутреннего развития есть тайна для нас самих».²

Научное значение трудов Кавелина невелико. Изучение их представляет главным образом историографический интерес, в том смысле что показывает истоки государственной школы и облегчает рассмотрение исторических взглядов Чичерина и Соловьева.

Наиболее типичным представителем государственной школы был Борис Николаевич Чичерин (1828—1904) — идеолог русского буржуазно-помещичьего либерализма. Крупный тамбовский помещик, земский деятель, Чичерин написал немало работ, в которых выступал как государствовед, правовед, историк политических учений, один из наиболее видных пропагандистов идеалистической философии в России. В 1861—1868 гг. он был профессором истории русского права на юридическом факультете Московского университета, в 1882—1883 гг. — московским городским головою. Эволюция его политических убеждений в пореформенный период типична для представителя буржуазной идеологии.

В 40-х годах, говоря о борьбе охранительного и прогрессивных начал в русском обществе, Чичерин отдавал предпочтение первому, связывая его с дворянским классом. «Дворянство, — писал он, — может оказаться весьма полезным, именно как наиболее охранительная часть общества, всех более способная служить связью расшатавшегося здания»³.

Идеал исторического прогресса Чичерин видел в существовании принципа «охранять, улучшая». «Я,—подчеркивал он,—приверженец охранительных начал в том смысле, что я глубоко и живо чувствую потребность власти и порядка... Поэтому я всегда буду готов идти рука об руку с властью... Не покидая... почвы права, мы должны стараться соблюсти счастливую середину между старыми привычками безусловной покорности и новыми стремлениями к безотчетной оппозиции»⁴.

От стремления занять промежуточную позицию между крайними точками реакции и радикализма, характерного для него в дореформенный период, Чичерин после реформы 1861 года

¹ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, стб. 637.

² Там же, стб. 638.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стб. 654.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 300.

² К. Д. Кавелин, Соч., т. I, стб. 584.

³ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума, М., 1934, стр. 128.

⁴ Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, стр. XIV—XV.

постепенно перешел к откровенной защите самодержавно-помещичьего строя в интересах капитализировавшегося дворянства.

В этом отношении показательна его вступительная лекция к курсу государственного права, прочитанная в Московском университете 28 октября 1861 г. «Я стою за форму неограниченного монархического правления»¹, — заявил лектор. После этой лекции министр просвещения граф Путятин приехал благодарить начинающего профессора от имени Александра II, который дал указание цензуре не пропускать никаких критических замечаний против чичеринских лекций.

Герцен, выступив в «Колоколе» против верноподданнических реверансов Чичерина, писал: «Реакция завоевывала позиции так быстро и с такой дерзостью, что один молодой профессор — юрист (Чичерин — В. А.) открыл чтение своего курса изложением философии пассивного повиновения. Он пугал своих слушателей, что еще нет никакой заслуги в том, чтоб исполнять и почитать справедливые законы, но что великий долг человека — это безусловное повиновение всякому закону, даже несправедливому и нелепому, потому только, что это закон»².

От проповеди подобной «философии рабства» и выражения безграничной благодарности государю, «открывшему свободное поприще» русской общественной мысли³, Чичерин в 80-х годах перешел к откровенной защите реакции и предложил целую систему охранительных мер по предотвращению народной революции. «Не мутите умы мнимо либеральными мерами, которые теперь совершенно несвоевременны, — поучал он К. П. Победоносцева, одного из вдохновителей реакции 80-х годов, — и не бойтесь проявлений власти, которые одни могут успокоить взволнованное общество»⁴. Чичерин предлагал правительству резко усилить полицейские и цензурные репрессии, решительно пресекать студенческие выступления, категорически возражал против возвращения Чернышевского из ссылки. «Это не противник, а враг, — говорил о нем Герцен, называя Чичерина «либеральным консерватором».

Главной задачей Чичерин считал борьбу с марксистской теорией и был одним из первых и самых злобных критиков Карла Маркса в России.

Противопоставляя теории научного социализма свою государственную теорию и бога, как «единственную деятельную силу», Чичерин не гнушался никакими самыми вздорными и

нелепыми выпадами против марксизма. Когда в 1878 г. он опубликовал направленную против Маркса статью «Немецкие социалисты. Карл Маркс», последний дал уничтожающий отзыв о своем «критике». «Он, очевидно, не знаком, — писал Маркс. — с элементарными понятиями политической экономии и воображает, что пошлости Бастиа и его школы, будучи высказаны от его собственного имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины»¹.

Особое беспокойство и ненависть вызывало у Чичерина растущее рабочее движение. Он был яростным противником стачек, каких-либо улучшений в условиях труда, чернил Парижскую коммуны и упорно отрицал ее значение. Достаточно умный и дальновидный защитник интересов отживающих классов, он видел «впереди... невежественные массы, которые дружными фалангами сплочаются под знаменем демагогов и грозным натиском идут на завоевание государственной власти с тем, чтобы сделать ее орудием для ограбления зажиточных и образованных классов...»².

Чичерин, готовый любой ценой отсрочить подобную развязку, не мог противопоставить марксистской теории классовой борьбы, революции и диктатуры пролетариата что-либо более серьезное, чем теорию классового мира, призывы к покорности, терпению и «управляющий миром божественный разум»³.

Философской основой реакционной государственной теории Чичерина была система объективного идеализма, заимствованная у Гегеля, с примесью кантианского дуализма, заменившего диалектику. Признавая наличие двух начал — духовного и материального, Чичерин отказывался от подчинения одного другому. Считая такое подчинение ошибкой «крайних» учений «идеализма и материализма», он претендовал на преодоление подобных крайностей и, вслед за Гегелем, вводил третье начало — абсолютный дух как первооснову всех материальных и духовных явлений.

Чичерин признавал «несостоятельность» гегелевского понимания религии как низшей ступени философского сознания. По его представлению, «философия... входит, как составной элемент в религию», отсюда «философские начала, заключающиеся в религиозном мирозерцании, служат победоносным орудием» против материалистического учения. «Вооруженный этими началами верующий, — писал ярый враг материализма, — может разоблачить все внутренние противоречия материализма»⁴.

¹ «Московские ведомости от 31 октября 1861 г., № 238.

² А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 205.

³ См. Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1866. Предисловие, стр. XI.

⁴ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина..., стр. 131.

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Л., 1951, стр. 99.

² Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина, стр. 300.

³ Б. Чичерин. Наука и религия, М., 1879, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 231.

В интересах борьбы с передовой идеологией Чичерин выхолащивал диалектический метод Гегеля, стремясь уберечь от диалектического отрицания «самое главное» — самодержавную власть и православную веру. В связи с этим он утверждал, что «диалектика Гегеля требует восполнения и поправки»¹, ибо нельзя все прошедшее считать преходящими моментами действительности.

Главное, что интересовало Чичерина, — это не борьба, а примирение противоположностей. «Идея гармонического соглашения элементов всегда лежит посредине между крайностями»², — заявлял он, отбрасывая самое существенное — революционное отрицание старого новым.

Таким образом, в угоду своим политическим идеалам Чичерин признавал противоположности вне движения, вне борьбы, отвергая наиболее ценный элемент гегелевской теории — борьбу противоположностей как источник развития.

На подобных реакционных политических убеждениях и выхолащенной в соответствии с ними гегелевской философской системе построил Чичерин свою государственную теорию.

Развивая историко-юридическую схему Кавелина, он поставил во главу угла исторического процесса государственную власть как надклассовую силу, осуществляющую всеобщее благо. По мнению Чичерина, государство — это «органический союз народа» и примиряющее начало в классовой борьбе. «Государство, — писал он, — есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом»³.

В своем стремлении представить государство в качестве основной движущей силы, творца истории, а его главную цель «в удовлетворении народных потребностей»⁴, Чичерин выполнял определенный социальный заказ. Он стремился затушевать эксплуататорскую сущность буржуазно-дворянского государства, оправдать его реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Той же самой политической задаче служило введение в чичеринскую схему бога как вершителя исторических судеб народов. «В истории земное сочетается с небесным..., поэтому на каждой ступени исторического движения мы встречаем божество. Бог есть начало, середина и конец истории...»⁵, — так заканчивает он большое сочинение о науке и религии.

¹ Б. Чичерин. Наука и религия, стр. 72.

² Б. Чичерин. Вопросы философии, М., 1904, стр. 163.

³ Б. Н. Чичерин. Опыт по истории русского права, М., 1866, стр. 309.

⁴ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 387.

⁵ Б. Чичерин. Наука и религия, стр. 519.

Эта важная сторона общеисторических воззрений Чичерина, отличавшая его от Кавелина и Соловьева, осталась незамеченной в работах советских историков, посвященных государственной школе¹. Между тем настойчивые поиски «откровения бога в истории, которая движется духом божьим к конечному совершенству», отличали Чичерина и были одним из показателей сближения с окрашенной мистицизмом, загнивающей дворянской наукой. «Духом божьим» хотел он заменить утраченное представление об органическом начале в развитии истории, то, что было наиболее ценным у Соловьева и Кавелина. «История, как положительная наука, — писал Чичерин, — приводит нас к богу..., вникая в смысл и связь явлений, мы открываем в них действие высших начал»².

Обращаясь к изучению русской истории, Чичерин искал в ней подтверждения своим реакционно-охранительным идеям. Его теория государственного развития русской истории была изложена в диссертации «Областные учреждения России в XVII в.» (1856), в статьях «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», «Холопы и крестьяне в России до XVI в.», «Обзор истории развития сельской общины в России», в монографии «О народном представительстве» (1866).

В отличие от Кавелина, который стремился найти внутреннюю связь между отдельными периодами русской истории, и соловьевского принципа историзма, Чичерин противопоставлял государство обществу и его развитию и тем самым, разрывав связь и преемственность исторических эпох, превратил самодержавие в творца русской истории. В России, утверждал Чичерин, «государство организовалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан»³. Считая монархию исходным началом исторического развития русского народа, Чичерин пытался вывести из самодержавного государства всю русскую историю, объяснить ее основные явления и особенности.

В результате такого антиисторического превращения государства из продукта истории народа и классовой борьбы в надклассовую, самодовлеющую силу, все объявлялось созданием государственной власти, которая своими «правительственными мерами и распоряжениями» устанавливала с немалым трудом, а иногда насилем те или иные порядки. Русская община, институт холопства, крепостное право, организация сословий, обособление города от села, земские соборы — все стало про-

¹ См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, гл. 18. Государственная школа. Кавелин. Чичерин; Историография истории СССР, гл. 21. Государственная школа в русской историографии.

² Б. Чичерин. Наука и религия, стр. 519.

³ Б. Н. Чичерин. Опыт по истории русского права, стр. 381—382.

дуктом деятельности самодержавной власти; причем всеобъемлющей созидательной деятельности государства Чичерин противопоставлял анархические, беспомощные инертные массы русского народа.

До создания государства, указывал Чичерин, в русской истории не было народа, было лишь «одиоchnое блуждающее лицо». Природные условия способствовали разобщенности и броженю. «Затерянное в необозримом, едва заселенном пространстве, оно, — писал Чичерин, — более подлежало влиянию природных стихий, нежели общественных начал». Степь, по его утверждению, «способствовала кочеванию народонаселения, препятствовала образованию прочных союзов между людьми..., все предавалось разгулу, все расплывалось в этом необъятном просторе»¹.

«Поворотной точкой русской истории» стало образование государства, но поскольку внутренних оснований для этого Чичерин не видел, он связывал образование государства с призыванием варяжских князей, а его дальнейшее развитие — с татаро-монгольским завоеванием. Считая княжескую власть «единственным двигателем народной жизни», Чичерин видел в этом своеобразии русской истории. Его государственная концепция русской истории была выражена в следующих словах: «Князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретенное ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно тело разрозненные части»².

Русскому народу, объявленному по своей природе «негосударственным» народом, места в чичеринской схеме не было. «Недостаток самодеятельности в народе, — писал Чичерин, — должен... восполниться избытком деятельности правительства»³. Никакого активного участия ни в решении собственной судьбы, ни в создании и укреплении государства народ не принимал. Больше того, в то время, как государственная власть, по Чичерину, неустанно трудилась над возведением самобытного здания русского государства, народ мешал этому, уклонялся от «государева тягла», «брел разنو», бежал в казаки и без конца кочевал.

Связанная с этим, по убеждению Чичерина, неустойчивость хозяйственных отношений заставила вначале княжескую, а затем царскую власть во имя создания прочной основы закрепить служилое и крестьянское сословия. «Все равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских;

тяглые люди — посадские и крестьяне, отправлением разных служб, податей и повинностей, наконец, вотчинные крестьяне... службой своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству»¹.

Выводя закрепощение крестьян из деятельности государственной власти, Чичерин повторил карамзинскую теорию «указного происхождения крепостного права». Он писал о возможном существовании утерянного указа 1592 года, а завершающий этап закрепощения датировал указом Василия Шуйского 1610 года.

Чичерин стремился эту старую «указную» теорию подвести под такое современное ему событие, как реформа 1861 года. В период рассеяния народа, отмечал он, государство путем закрепощения собрало его, оно же, и только оно могло начать и начало процесс раскрепощения.

Государство, по утверждению Чичерина, создало в фискальных целях сельскую общину, которая в XVII—XVIII вв. сменила вотчинную. При этом сам процесс развития общинной организации разрывался у него, благодаря действию государственного начала, на три различные части: родовая община, вотчинная, государственная или фискальная. Община превращалась у Чичерина в формальную юридическую категорию, подменявшую реально существующие отношения.

Чичеринская схема русской истории, по которой «кровный» союз в XII в. сменился «гражданским», а последний при Петре I — «государственным», в целом совпадала с концепцией русской истории Соловьева и Кавелина, но в ней значительно заметнее сказалась тенденция упразднения единой закономерности исторического процесса, определившаяся в пореформенный период. В самом деле, один период у него не вытекает из другого, а является продолжением определенного политического начала, причем противопоставлением его народной жизни Чичерин лишил себя возможности найти какое-либо внутреннее обоснование развитию государственного начала и тем самым упразднил принцип органического развития.

В основе перехода от одного периода к другому, полагал Чичерин, лежало действие внешних сил. Варяжское завоевание определило переход от родового строя к вотчинному, татарское владычество, «подчиняя народ внешнему игу, приучило его к покорности»² и способствовало замене вотчинного порядка государственным, а влияние западноевропейской культуры вызвало к жизни петровские преобразования, с которыми Чичерин связывал начало третьего периода русской истории.

¹ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 379—380.

² Там же, стр. 285.

³ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 361.

¹ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 175.

² Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 360.

Второй особенностью чичеринской интерпретации русского исторического процесса было резкое противопоставление истории России и Западной Европы, означавшее все тот же отказ от принципа единства закономерности. Считая, что «нет в мире ужаснее явления, как взбунтовавшиеся холопы»¹, Чичерин противопоставлял инертность и терпение русского народа политической активности и стремлению к свободе западноевропейского пролетариата. «Те великие достоинства русского народа, — писал он, — которые сделали Россию одною из первенствующих европейских держав, несокрушимое терпение, безропотное перенесение всевозможных лишений и тяжестей, готовность всем жертвовать для царя и отечества — прямо противоположны духу личной свободы»². Поэтому в России все было иначе, чем на Западе. Если там политическое устройство создавалось деятельностью общества, говорил он, то у нас оно «получило бытие от государства».

Сформулированное в наиболее законченном виде Чичериным положение о решающей роли надклассового русского государства и политической инертности русского народа содержало основной политический заряд государственной школы и, очевидно, поэтому, несмотря на то, что оно все менее соответствовало исторической действительности, было наиболее живучей и долговечной частью государственной теории. В этом секрет того значительного влияния, которое оказал Чичерин и его взгляды на последующее поколение буржуазных историков, воспринявших основные стороны его государственной теории.

Значение Чичерина в русской историографии определяется тем, что он на основе тщательного анализа обширного документального материала, главным образом юридических памятников, исследовал историю государственных учреждений России.

В историю науки он вошел как виднейший теоретик государственной школы, сформулировавший ее основные принципы. Непосредственными продолжателями Чичерина были его младшие современники и ученики — В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, Ф. И. Леонтович. Деятельность их изучена еще очень слабо, а «между тем их взгляды, — как правильно отмечает В. Е. Иллерицкий, — дают возможность проследить эволюцию государственной школы в пореформенный период и определить черты, характеризующие эту школу на новом этапе ее развития»³.

Общие либерально-буржуазные политические позиции роднили различных представителей государственной школы. Все

они признавали руководящую роль самодержавной власти, способной, по их мнению, при некоторых уступках растущей буржуазии устранить опасность революционно-демократического переворота. Поэтому в центре их исторических интересов стоял «вопрос о причинах постоянного роста и усиления у нас царской власти»¹.

Решение вопроса о незыблемости русской монархии было осложнено социально-экономическими изменениями, происходившими в стране в канун империализма. Они накладывали соответствующий отпечаток на труды младших представителей государственной школы.

По мере того, как царизм все более определенно выражал классовые интересы буржуазии, а в стране нарастало революционное недовольство буржуазно-помещичьим гнетом, представители государственного направления уходили все дальше от попыток исторического синтеза в область изучения отдельных явлений и фактов русской истории. Этому в немалой степени, как уже отмечалось, способствовало распространение в России модных позитивистских теорий Огюста Конта, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера.

Для работ В. И. Сергеевича и А. Д. Градовского как раз весьма характерен повышенный интерес к таким историческим проблемам, которые позволяли трактовать, с угодных буржуазно-помещичьим кругам позиций, взаимоотношения между народом и государством в прошлом и настоящем. В то же время сложный комплекс явлений общественной жизни рассматривался в узко правовом выражении. «В результате, — отмечает Н. Л. Рубинштейн, — получилась, с одной стороны, законченная и неизменная на значительном протяжении времени юридическая формула, с другой — хаос меняющихся и неупорядоченных, случайных исторических явлений»².

Подобное противоречивое, одностороннее освещение русской истории получилось у Сергеевича, превратившего историю права в источник решения всех вопросов русской истории.

Василий Иванович Сергеевич (1835—1911), развив наиболее существенные стороны чичеринской теории, возглавил так называемое юридическое направление в русской исторической науке. Заслуженный профессор Петербургского университета, почетный член Харьковского, Киевского и Юрьевского, он оставил видный след в науке тщательным и тонким анализом конкретного историко-юридического материала. Однако правовая норма у него превращалась в основной источник политической организации общества.

¹ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина, стр. 119.

² Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 412—413.

³ Историография истории СССР, стр. 297.

¹ В. Сергеевич. Древности Русского права, т. II — Вече и князь. Советники князя, СПб., 1908, стр. 655.

² Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 364.

В своей первой крупной работе «Вече и князь» (1867) Сергеевич в противовес родовой теории Соловьева (по которой взаимоотношения между древнерусскими князьями определялись принципом старшинства в роде) развивал теорию договорных отношений, выдвинутую Чичериным в работе «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей». Все стороны государственной и общественной жизни в древней Руси он связывал с договорными отношениями, а само возникновение Древнерусского государства считал следствием договора между князем и вече.

Сергеевич отрицал наличие классовых противоречий в Древней Руси. «Древняя Русь не знала сословий, — писал он. — До образования единого Московского государства все население русских княжеств, с точки зрения права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались один от другого достоинством, а не правами и обязанностями»¹.

Искажая таким образом древнерусскую историю и подменяя развитие социально-экономических отношений договорными началами, Сергеевич в духе государственной школы решал вопросы, связанные с образованием единого централизованного государства. Если в Древней Руси ведущим началом объявлялась княжеская власть, то становление Русского централизованного государства связывалось с утверждением единодержавия. Древнерусское государство возникло в результате договора между князем и общенародным органом — вече, а «прекращение династии Рюриковичей и всенародное избрание новой положило конец уделам и навсегда закрепило мысль о едином государстве и едином царе»².

Считая основным вопросом русской истории «вопрос о причинах постоянного роста и усиления у нас царской власти»³, Сергеевич выдвигал ряд причин этого «своеобразного» явления. На первое место он ставил «две самые древние» — «учение духовенства о божественном происхождении власти» и его «проповедь о повинности и покорении властям»⁴. Третьей причиной был, по его мнению, «перенос метрополии в Москву, сделавший этот город религиозным центром России»⁵.

Кроме этих трех чисто религиозных, Сергеевич в качестве четвертой причины дословно повторял карамзинскую формулу: «Москва обязана своим величием ханам»; пятой считал «гений и дальзоркость» Дмитрия Донского и Ивана III, благодаря которым «возникает идея неделимости великого княже-

ства, княжеская казна наполняется деньгами, границы Московского государства расширяются, получается возможность установить обязательную службу помещиков и вотчинников»¹. Шестая причина — византийское влияние, связанное с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог и придавшее власти величие «в глазах народа».

Среди всех перечисленных религиозных и чисто внешних влияний Сергеевич как основную причину прочности царской власти выделял «всенародного» избрания, поднимавший власть Романовых «на высоту недостижимую для царей династии Рюриковичей»². Но и у него, как и у Чичерина, «народ не считал избрание царя актом своей воли», а видел в этом «изволение бога, наставившего людей на эту мысль». Народу как активному началу нет места в узких рамках юридической схемы Сергеевича.

Александр Дмитриевич Градовский (1841—1889) в соответствии с основными принципами государственной школы начал изучение истории местного управления в России, что имело актуальное значение в связи с проведением земской реформы. В своей докторской диссертации «История местного управления в России», опубликованной в 1868 г., он в чисто формальном юридическом плане характеризовал административное и уездное управление в Московском государстве XVI—XVII веков.

Полностью разделяя чичеринское утверждение о том, что «в России самодержавная власть была сильнее, нежели в других государствах, а представительные элементы, напротив, были слишком слабы»³, Градовский стремился исторически обосновать популярную в либерально-буржуазных кругах идею «земского царя». Если на Западе, по его мнению, общины признали себя королевскими подданными только после длительной и кровавой борьбы, то «в России роль земского князя и царя не только жила в сознании всех и каждого, но и была живою практической действительностью»⁴.

Градовский продолжил начатое Чичериным изучение истории государственных учреждений в России. В своем исследовании «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры» (1866) он выдвигал идею необходимости преобразования высших государственных учреждений в новых условиях пореформенного периода.

Характеризуя деятельность Сената, Верховного тайного совета и других высших учреждений XVIII века, Градовский

¹ В. Сергеевич. Древности русского права, т. I — Территория и население, изд. 3, СПб., 1909, стр. 198.

² В. Сергеевич. Древности русского права, т. II, стр. 656.

³ Там же, стр. 655.

⁴ Там же,

⁵ Там же.

¹ В. Сергеевич. Древности русского права, т. II, стр. 655.

² Там же, стр. 656.

³ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 380.

⁴ А. Д. Градовский. История местного управления в России, т. I. СПб., 1868, стр. 132.

останавливался на административных преобразованиях Екатерины II и Александра I, попутно высказывая ряд общих мыслей о значении петровских преобразований, закреплении крестьян, отличии русской истории от западноевропейской.

Градовский идеализировал деятельность Петра I, видел в нем образ государственного преобразователя, который заблуждался «о благе своего народа». Вслед за Чичериным, он придерживался теории закрепощения и раскрепощения сословий, считая, что закрепление дворянства на службу государству совершилось при условии закрепощения крестьян тем же государством, но в пользу служилого сословия. В могуществе русского самодержавия и его «творческой роли» Градовский, подобно Чичерину, видел главное отличие истории России от истории Западной Европы.

С чисто правовой, юридической стороны подошел к изучению общественного строя Литовско-Русского государства и процесса закрепощения крестьян Юго-Западной Руси Ф. И. Леонтович (1833—1911). Признавая решающую роль государства в закрепощении, он, в отличие от Чичерина и Градовского, говорил о постепенности этого процесса. «Крестьяне мало-помалу, — писал Леонтович, — окутывались сетью зависимых отношений, которые вытекали из разнообразных источников и дали начало не менее разнообразным разрядам крестьянства». По поводу этих слов В. Е. Иллерицкий справедливо отмечает, что в целом Леонтович «рассматривал отношения между крестьянами и помещиками как преимущественно правовые, выраженные и закрепленные в законодательстве»¹.

В юридической трактовке закрепостительного процесса и отведении государству решающей роли в нем видна принадлежность Леонтовича к государственной школе.

Подводя итоги всему сказанному о развитии государственного направления в буржуазной науке пореформенного периода, необходимо выделить те основные черты, которые объединяли ее многочисленных представителей.

Важнейшей из них была идея внутреннего органического развития русской истории, воплощенная в становлении и укреплении государства как надклассовой силы, обеспечивающей всеобщее благо.

С этим характерным положением о государстве как решающей силе исторического процесса были связаны все другие особенности государственной школы. Отсюда вытекало ложное утверждение государственников о силе царской власти и слабости народных масс, противопоставление русской истории западноевропейской, отрицание возможности революционного

преобразования страны и обоснование закономерности правительственных реформ, теория закрепощения и раскрепощения сословий и т. д.

Противопоставляя творческим началам революционно-демократической концепции, а затем марксистско-ленинскому, подлинно научному пониманию истории свою обветшалую догму о государстве как основной движущей силе общественного развития, представители государственной школы, по мере обострения социально-экономических противоречий в России, обнаруживали все более отчетливо свою политическую и научную несостоятельность.

Утвердившись в буржуазной науке в годы первой революционной ситуации, государственная школа после второй революционной ситуации 1879—1880 гг. фактически исчерпала свои полржительные возможности и несла в себе все более заметные черты приближающегося кризиса буржуазной историографии.

Правда, влияние этого ведущего направления буржуазной исторической науки сохранялось и в эпоху империализма, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Причем, говоря в целом об идеалистической ограниченности и реакционной направленности государственной школы, нельзя отрицать того определенного вклада, который внесли в изучение отдельных сторон отечественной истории ее представители.

В заключение нужно подчеркнуть, что при изучении такого сложного направления в исторической науке, каким была государственная школа, просуществовавшая более полувека и объединявшая внешне очень непохожих между собой историков, надо помнить известное ленинское требование о необходимости «брать за основу не лица и не группы, а именно анализ *классового* содержания общественных *течений* и идейно-политическое исследование их главных, существенных принципов»¹.

Только при соблюдении этого требования можно правильно решить все основные вопросы данной темы, а также важный вопрос следующей лекции — о принадлежности С. М. Соловьева к государственной школе и его научной деятельности в пореформенную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 26—33, 55—56.

В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256, 257, 259—260.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 151.

¹ Историография истории СССР, стр. 301.

- В. И. Ленин. Спорные вопросы. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 78—88.
К. Д. Кавелин. Краткий взгляд на русскую историю. Собр. соч., т. I, СПб., 1897, стб. 569—584.
К. Д. Кавелин. Мысли и заметки о русской истории. Собр. соч., т. I, стб. 583—675.
Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1866. Предисловие, стр. V—XI; кн. III, стр. 355—382; кн. IV, стр. 412—417.
Б. Чичерин. Наука и религия, М., 1879, кн. III, гл. IV, стр. 512—519.
В. Е. Иллерицкий. О государственной школе в русской историографии. Ж. «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 141—159.
Историография истории СССР, стр. 287—305.

ЛЕКЦИЯ 7

С. М. СОЛОВЬЕВ ПОСЛЕ 1861 года

Влияние отмены крепостного права на развитие общественно-политических и исторических взглядов С. М. Соловьева. Отношение к государственной школе. Основные проблемы русской истории. Вопросы народной борьбы и истории народов. Источниковедческая база трудов Соловьева. С. М. Соловьев и русская историческая наука.

При рассмотрении буржуазной историографии в дореформенной России мы уже касались некоторых сторон научной деятельности ее основоположника — С. М. Соловьева¹.

В программе курса, в учебной и академической литературе Соловьев и его творчество отнесены к первой половине XIX столетия². Против этого нельзя не возразить. Сама характеристика исторической концепции Соловьева, как правило, почти не учитывает тех изменений общественно-политических и исторических взглядов крупнейшего буржуазного историка, которые произошли после 1861 года.

В этом отношении выгодно отличается вступительная статья Л. В. Черепнина к советскому изданию «Истории России с древнейших времен»³. В ней деятельность С. М. Соловьева впервые рассматривается в тесной связи с эволюцией его политических убеждений в пореформенный период. Автор выделяет «исторические труды Соловьева 60—70-х годов XIX века» и рассматривает их сквозь призму изменений политической идеологии буржуазного либерализма после отмены крепостного права. Подчеркивая усиление антидемократических тенденций в работах Соловьева, он пишет, что «подобная позиция в исторической науке, теоретически сформулированная Соло-

¹ См. В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. I, стр. 201—210.

² См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография; Историография истории СССР; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I.

³ См. Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк. В кн.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, М., Соцэктгиз, 1959, стр. 5—51.

вьевым в конце его жизни, была результатом политической эволюции буржуазного либерализма в России вправо»¹.

Учитывая эту эволюцию и то, что сам по себе почти двадцатилетний пореформенный период деятельности крупнейшего буржуазного историка заслуживает серьезного внимания, необходимо посвятить ему специальную лекцию. Тем более, что в 60—70-е годы творчество Соловьева было наиболее зрелым и плодотворным. В это время он создал ценные монографии по истории XVIII и XIX веков, такие как «История падения Польши» (1863), «Публичные чтения о Петре Великом» (1872), «Император Александр I. Политика. Дипломатия» (1887), «Начала русской земли» (1877—1879). Из двадцати девяти томов его капитального труда по отечественной истории девятнадцать вышло в пореформенный период.

В пользу выделения его творчества из общей темы о государственной школе говорит то, что при всей близости к этому направлению и общности некоторых основных принципов подхода к объяснению исторического развития, Соловьев столь крупная фигура в историографии, а его исторические взгляды настолько многогранны, что их нельзя полностью втиснуть в формально-юридические рамки государственного направления. Научная деятельность крупнейшего русского буржуазного историка была значительно шире, многообразнее и прогрессивнее, чем деятельность любого из представителей государственной школы.

Исторические взгляды Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879) сложились в середине 50-х годов и получили дальнейшее развитие в третьей четверти XIX века. Для того чтобы можно было говорить об этом развитии, происшедшем в капиталистической России, остановимся кратко на политико-философской основе и особенностях исторической концепции Соловьева.

По своим политическим взглядам он был типичным либералом, убежденным сторонником буржуазной монархии, постепенных реформ и мирного урегулирования социальных конфликтов.

Критическое отношение Соловьева к николаевскому режиму во время Крымской войны было столь определенным, что переросло в резкое осуждение «нового Навуходоносора» Николая I и его «казарменной системы». Противник крепостного права, считавший его «позором, лежавшим на России», Соловьев писал, «что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение»².

¹ Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк, стр. 25.

² Записки С. М. Соловьева, Пг., изд. «Прометей», б. г., стр. 150.

Но страх перед крестьянской революцией пересиливал недовольство крепостничеством и «николаевской тюрьмой». «Крестьяне, — предупреждал Соловьев, — не будут долго сносить своего положения, станут сами отыскивать свободу, и тогда дело может кончиться страшной революцией»¹. Осуждая крестьянские выступления, историк в общественном движении 60-х годов видел лишь бессмысленное отрицание существующего строя без каких-либо элементов созидания и положительной деятельности. Очевидно, не случайно в работах Соловьева нет ни одного упоминания о Белинском, Чернышевском, Добролюбове или Щапове, а в «Записках» о них говорится вскользь, как о людях, обладавших такими качествами, «которые в обществе благоустроенном ведут к виселице»².

Политическим идеалом Соловьева была сильная государственная власть, способная установить буржуазный правопорядок.

Наиболее созвучной таким политическим позициям была философская теория Гегеля. Прочитав в 40-х годах «Философию истории», Соловьев не только восторженно отнесся к ней, но и принял на вооружение гегелевскую идею закономерности исторического развития как диалектического процесса раскрытия мирового разума.

Как идеологу либеральной буржуазии, Соловьеву импонировало утверждение Гегеля о противостественности революционного общественного преобразования Германии, о том, что для высших ступеней общественного развития единственно закономерный путь — путь постепенного реформирования.

Как известно, Гегель, признавая закономерность революции, не считал ее наиболее радикальным средством решения назревших исторических задач. Так, положительно оценив французскую революцию, он в то же время отдавал предпочтение немецкой реформации, которая избавила Германию от аналогичной революции. Стремясь все свести к вопросам самосознания и даже религиозного сознания, Гегель писал: «Принцип, исходящий из того, что оковы могут быть сброшены с права и свободы без освобождения совести, что революция возможна без реформации, ошибочен»³.

Глубокие диалектические догадки Гегеля об истории как непрерывном процессе изменения и поступательного развития на каждом шагу искажались его исходными идеалистическими предпосылками. Соловьев воспринял наиболее существенные стороны гегелевской теории с их противоречиями. Так, идеалистическую диалектику Гегеля он положил в основу своей

¹ Записки С. М. Соловьева, стр. 159.

² Там же, стр. 172.

³ Гегель. Философия истории. Соч., т. VIII, М., 1935, стр. 419.

теории борьбы родового и государственного начал как важнейшим факторе, определившем ход русской истории.

Соловьев разделял мысли Гегеля о влиянии географической среды, о разъединяющей роли гор и соединяющей роли рек, о влиянии умеренного климата на развитие свободы.

Совершенно очевидным было влияние на русского историка гегелевской идеи народного духа, воплощающегося в государстве, нравах, праве, искусстве, религии и науке, а также глубокой догадки Гегеля о взаимоотношениях между народом и великими личностями, по которой последние, как «доверенные лица всемирного духа», творят историю, исходя не из себя, а из запросов исторической необходимости.

Круг исторических интересов Соловьева сложился в переломную эпоху смены феодального способа производства капиталистическим. Под влиянием общественно-политического развития России ведущей в его исторической концепции стала проблема буржуазных реформ. В центре исторических интересов Соловьева стояла эпоха Петра I; петровские преобразования, по его мнению, определяли главный рубеж русской истории, в связи с ним решались ее основные вопросы. «Интерес Соловьева к преобразовательной деятельности Петра I как явлению, подготовленному всем ходом предшествующей истории России, — пишет Л. В. Черепнин, — может быть объяснен политическими чаяниями русской либеральной интеллигенции середины XIX века, желавшей умеренных реформ без революционных потрясений»¹.

Какие же изменения произошли во взглядах Соловьева на историю после 1861 года?

Недовольный прежде крепостничеством либеральный историк, стоявший, говоря словами В. И. Ленина, «на почве признания собственности и власти помещиков»², наблюдая за развитием пореформенной экономики, был встревожен растущим расслоением деревни и усилением народного возмущения. Соловьев, не понимавший действительных причин пореформенных явлений в экономике и социальных отношениях, связывал их с падением нравственности крестьян после «освобождения».

Правительство и прежде всего Александр II, по мнению историка, не сумели, подобно Петру Великому, управлять ходом реформы и направлять ее по своему усмотрению, поэтому крепостническое зло сменилось «злом свободы», вследствие чего упала дисциплина, ослабли устои семейной и общественной нравственности. С тревогой отмечая опасные симптомы ослабления «уважения к власти в самодержавном государстве» и приближение «смуты», Соловьев в итоговой оценке резуль-

татов реформы приходил к выводу о необходимости сильной власти, способной предотвратить революцию.

Не случайным было участие Соловьева в составлении «верноподданнического адреса» Александру II по поводу подавления польского восстания»¹.

В 1863 г. в статье «История падения Польши», написанной под влиянием польского восстания, Соловьев на большом фактическом материале пытался доказать, что успех преобразования зависит от того, сумеет ли правительство направить его и удержать в своих руках, а также от того, насколько различные общественные силы могут поступиться своими частными интересами в интересах общегосударственных. Проводя параллель между восстанием Костюшко и Французской буржуазной революцией, он считал ее «страшным переворотом, взволновавшим всю Европу», по той причине, что правительство не сумело возглавить «преобразовательной деятельности» подобно тому, как это сделал Петр I.

Основной причиной падения Польши историк считал разложение польской шляхты, отрыв ее от народа и нежелание сочетать свои частные интересы с государственными. «Крайнее развитие личности, стремление к необузданной свободе, неумение сторониться со своим я перед требованиями общего блага»², — вот что, по мнению Соловьева, привело в сочетании с национальными противоречиями к гибели польское государство.

Правильно вскрыв основные тенденции внутреннего развития Польши, высказав верную мысль о разрыве между шляхетским правительством и интересами польского народа, Соловьев стремился оправдать реакционный смысл внешней политики царизма, участвовавшего в ликвидации Польши. Политический смысл второго и третьего разделов Польши он видел в необходимости создания плацдарма для борьбы с французской революцией и не случайно прошел мимо народного выступления 1794 года в Варшаве, которое отражало влияние идей этой революции.

Соловьев считал идеалом государства сочетание частных интересов с осуществлением общего блага и сомневался в способности русского правительства сохранить твердый реакционный курс во все более сложной обстановке роста общественного движения.

В пореформенный период идея исторической обусловленности петровской политики, ее внутренней органичности окончательно подчиняет себе все понимание русской истории у Соловьева. В своем тяготении к сильной государственной

¹ Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк, стр. 17.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

¹ История Москвы, т. IV, стр. 320.

² С. М. Соловьев. Собр. соч., Спб., изд. «Общ. польза», 6 г., стр. 7.

власти, вызванном результатами реформы 1861 г., либеральный историк ищет в образе Петра I идеал государя, способного повести за собой народ в «надклассовом» общенародном государстве к общему благу, минуя революцию.

В связи с двухсотлетием со дня рождения Петра I, Соловьев написал в 1872 г. одну из своих лучших работ — «Публичные чтения о Петре Великом». Статья была пределом приближения буржуазной исторической науки к правильному пониманию внутренней обусловленности петровских преобразований.

Соловьев здесь говорит об истории народа, которая «развивается сама из себя по известным законам, при влиянии особенных условий, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого»¹. Роль великого человека, по Соловьеву, в том, что он улавливает назревшие потребности своего народа и возглавляет борьбу за их осуществление.

Именно таким гениальным реформатором, сумевшим не только понять назревшие задачи своей эпохи, но и блестяще разрешить их, был в представлении Соловьева Петр I. «Необходимость движения на новый путь была признана, — указывал он, — обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»². В четырнадцатом томе «Истории России» Соловьев резко и определеннее подчеркивает подчинение личного начала общей закономерности развития народной жизни и в то же время оттеняет государственное происхождение преобразований.

Сравнивая «нашу революцию начала XVIII в.» (так он именует реформы Петра I) с Французской революцией 1789 г. и делая вывод в пользу первой, Соловьев писал: «В России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства», но здесь же спешил объяснить, что Петр I «является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру»³.

Исторический смысл петровских преобразований Соловьев видел в том, что они разрешили назревшие задачи русского народа при его переходе «из одного возраста в другой, из древней истории в новую».

Объясняя, почему Россия совершила такой переход на два века позже Западной Европы, историк не связывал это с от-

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 973.

² Там же, стб. 1001.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII, М., 1962, стр. 440.

сталостью русского народа, который в его представлении обладал такими же возможностями, как и другие народы, но жил в значительно более сложной внешней обстановке. Отсутствие моря, разбросанность населения на огромной равнине обусловили земледельческий характер страны, отмечал он, а постоянная борьба с кочевниками вынуждала тратить значительную часть народного труда на содержание вооруженного сословия.

В таких условиях государство было вынуждено закрепить крестьян. Закрепощение, по его словам, было «воплем отчаяния, испущенного государством... в безвыходном экономическом положении». Чтобы выйти из него, необходимо было пробиться к морю, развить промышленность и науку. Если последующие поколения буржуазных историков, постепенно развенчивая Петра I и историческое значение его преобразований, выводили их из потребностей войны, то Соловьев разрешал этот вопрос со всей последовательностью органического понимания преобразований. «Война, — отмечал Соловьев, — входила в общий план преобразования, как средство для достижения ясно сознанных, определенных целей этого преобразования, входила в общий план, как школа, дававшая известное приготовление народу, приготовление, необходимое в его новой жизни, новых отношениях к другим народам»¹.

Освещение предпосылок и значения петровских преобразований с точки зрения их исторической обусловленности было большим достижением буржуазной науки в лице Соловьева.

Но понятие закономерности исторического развития вступало в противоречие с соловьевским отрицанием революции, с оценкой революционных переворотов как противоестественного нарушения органического развития истории. В пореформенный период историк все настойчивее подчеркивал, что направлять и возглавлять это развитие должна сильная государственная власть. «Перемены в правительственных формах, — писал он в статье «Александр I», — должны исходить от самих правительств, а не должны вымогаться народами у правительств путем возмущения...»².

Рассматривая внешнеполитическую деятельность Александра I, так же как и Петра I, на основе «страшной борьбы между старым и новым», Соловьев указывал, что в петровскую эпоху «новое было связано с прогрессивным переходом народа» из одного возраста в другой, «из древней истории в новую» и предполагало развитие хороших начал, заложенных в «старом». Иное содержание носила эта борьба при Александре I, когда «новое» стало тем «разрушением», от которого следовало беречь «старое».

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 1060.

² Там же, стб. 678.

По мнению Соловьева, такие новые разрушительные начала России и другим странам нес «гений войны, гений революции» — Наполеон. Свой страшный характер Французская революция приобрела потому, считал историк, что правительство выпустило из своих рук бразды правления, «отказалось от своей направительной деятельности». Отсюда основную задачу внешнеполитической деятельности Александра I Соловьев видел в «свержении» Наполеона, в установлении мира и порядка в Европе «после революционных бурь и военных погромов»¹.

Либерально-буржуазное представление о государственной власти как высшей форме народной деятельности, защитнице существующего порядка характерно для Соловьева после 1861 года на фоне общей эволюции русского либерализма. «Либерал, — подчеркивал В. И. Ленин, — боится движения масс, тормозит его и сознательно защищает известные, притом главные, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих»².

Проблема взаимоотношения государства и народа приобрела для Соловьева все большую остроту по мере углубления социальных противоречий в капиталистической России.

Ему было чуждо революционно-демократическое понимание народа как угнетенной массы трудящихся, противостоящей господствующим классам. Отрицая наличие классово-борьбы, Соловьев в то же время стремился преодолеть противопоставление народа государству, характерное для славянофилов, или его подмену государством, как это было у Погодина, а затем у Чичерина. Только в государстве, считал он, народ заявляет свое историческое существование, свою способность исторической жизни, но «правительство в той или другой форме своей есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая проверка этой жизни»³.

Еще в «Исторических письмах» Соловьев ставил задачу изучения того, как «складывался внизу фундамент, на котором построилось здание Московского государства»⁴. Однако такое понимание русской истории сохранялось у Соловьева до тех пор, пока развитие государства соответствовало прогрессивному развитию исторического процесса. Там же, где он сталкивался с конфликтом между народом и государством, он был не в силах объяснить его закономерность. Тогда он попросту отбрасывал все, что находилось в конфликте с государственным началом, и делал это все чаще по мере того, как правели его политические убеждения.

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 758.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 282.

³ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 1122.

⁴ Там же, стб. 894.

В этом отношении характерен отказ Соловьева от изучения истории народных масс в одной из последних статей «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868—1876). В ней он сделал попытку проследить закономерности во взаимоотношениях народов и государств на примерах древней истории Китая, Египта, Ассирии, Индии, Ирана, Греции, Рима и средневековой истории Франции, Англии и Германии.

Основной тезис этой интересной статьи, написанной под заметным влиянием гегелевской «философии истории», сводился к утверждению о необходимости для историка любого народа изучать прежде всего деятельность правительственных лиц, так как в ней содержится самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни. «Правительство, — заявлял автор, — какая бы ни была его форма, представляет свой народ; в нем народ олицетворяется, и потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка. История имеет дело только с тем, что движется, видно, действует, заявляет о себе, и потому для истории нет возможности иметь дело с народными массами, она имеет дело только с представителями народа»¹, историческими деятелями.

Историк, утверждал Соловьев, сталкивается не с народными массами, а с «представителями народа» в лице монархов, их фаворитов, министров, вождей партий, полководцев. В тех же случаях, когда народные массы приходят в движение, историка интересуют его вожди, руководители.

Так постепенно Соловьев подходил к растворению истории народа в истории государства, которое у него, как и у представителей государственной школы, выходило на первый план.

В еще большей степени отказ от изучения истории народа и призыв к изучению деятельности правительственных лиц проявились в статье «Начала русской земли», написанной в 1876 году. Содержавшая важное положение Соловьевской концепции о трех решающих факторах исторического процесса (природе страны, природе племени и внешних влияниях), статья носила следы чичеринской схемы в той части, где автор доказывал, как в силу сочетания природных и этнографических особенностей, а также необходимости борьбы с кочевниками «исторически сложилась» в нашей стране «слабость развития органов народного тела» и «чрезмерное напряжение правительственного органа для внешней централизации народных сил». Правительство здесь выступало как объединяющая сила, которая собрала рассеянное по необозримой равнине население, сплотила его в едином государстве.

Если сопоставить такое максимальное приближение к государственному направлению с усилением религиозных мотивов (о чем свидетельствовала одна из последних статей Соловье-

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 1123.

ва — «Прогресс и религия», в которой прогресс связывался со «стремлением человека к идеалу, выставленному христианством»¹, то вполне правомерно говорить о наличии консервативных тенденций в творчестве историка 60—70-х годов, сближавших его не только с государственной школой, но в определенной степени и с дворянской историографией. Такую тенденцию, обусловленную общей эволюцией либерально-буржуазной идеологии, можно заметить и в содержании его «Истории России с древнейших времен», особенно в тех томах, которые вышли после 1861 года.

Свой общий взгляд на основные проблемы русской истории Соловьев высказал дважды — в предисловии к первому тому и в начале тринадцатого тома «Истории России»... При совпадении этих общетеоретических высказываний, различие их заключается в том, что в первом случае историк отмечает единство закономерностей в развитии России и Западной Европы, проводит параллель между родовым строем в русской истории и феодализмом в западноевропейской, а во втором случае (тринадцатый том; глава, характеризующая Россию перед эпохой преобразований) он если прямо и не противопоставляет, то уже говорит об известном отличии России. Здесь значительно сильнее чувствуется влияние государственной схемы Чичерина.

В соответствии с поставленной в предисловии к первому тому задачей освещения русской истории в ее внутренней обусловленности, с точки зрения раскрытия связей между отдельными периодами и событиями, Соловьев считал «предметом первой важности... смену старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего, — по его убеждению, — зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка...»².

Теория борьбы родового и государственных начал, лежавшая в основе органического закономерного развития русской истории, была значительным достижением Соловьева и отличала его историческую концепцию не только от дворянской историографии, но и от государственной школы.

Конечно, само представление о закономерности исторического развития носило у Соловьева чисто внешний характер и сводилось к идеалистической теории прогресса как развития цивилизации, нравственного просвещения и самопознания. Здесь не могло быть, в силу ограниченности буржуазной идеологии, подлинно научного объяснения истории и ее закономерностей с точки зрения развития производительных сил и классовой борьбы.

Поскольку же политическая надстройка приобретала самодовлеющее значение, а ее действительная социально-экономическая обусловленность и классовое содержание оставались в тени, теория органического развития сочеталась у Соловьева с принципами государственной школы, причем их влияние на освещение отдельных сторон русской истории стало более заметным в 60—70-е годы.

В отличие от типичных государственников Кавелина и Чичерина, Соловьев подчеркивал значение борьбы с кочевыми народами Востока и роль колонизации восточноевропейской равнины в историческом развитии русского народа.

По Чичерину, географические условия обусловили разрыв между обществом и государством, устраняли народ как действующую силу и выдвигали на первый план государство.

Соловьев тоже преувеличивал значение географического фактора в русской истории, подменив им социально-экономические предпосылки, но само обращение его к изучению этого фактора было значительным шагом вперед.

Влияние географической среды не подменяет у него действия народных сил и их развития, не определяет непосредственно становление государства, а само осуществляется с их помощью; источником развития государственной организации, по Соловьеву, является рост народных сил в связи с географическими условиями. Так, например, касаясь роли географических условий в перемещении центра русской государственности с юго-запада на северо-восток, он связывал эту роль с влиянием на размещение населения и образованием экономических ресурсов.

В тринадцатом томе, возвращаясь к общим принципам своего понимания русской истории, Соловьев вновь говорит об определяющем значении географического фактора «в распространении европейской цивилизации с запада на восток». В связи с тем, что на западе, в представлении Соловьева, сосредотачиваются самые благоприятные природные условия для успехов цивилизации, он считал, что история Восточной Европы началась позднее Западной.

«Важное значение в нашей истории», по мнению Соловьева, имела колонизация. Он прямо писал, что «древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»¹. Направление колонизации, в котором Соловьев видел «направление общего исторического движения»², он связывал с расположением речных систем, упрощенно полагая, что они влияли на «распространение русской государственности».

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. II, стр. 648.

² Там же.

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 958.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. кн. I, М., 1959, стр. 57.

Основными принципами периодизации истории России Соловьев считал развитие государства и степень европеизации, как пути к «народному самопознанию».

Изображая государство в идеалистическом, либерально-буржуазном духе не как аппарат классового насилия, а как надклассовый орган просвещения и воспитания народа, Соловьев в основу своей периодизации положил тезис о государстве, которое помогает народу осознать себя как нацию и идти вперед по пути прогресса через просвещение плодами европейской цивилизации. В центре такой схемы стоял Петр I и его реформы.

В предисловии к первому тому «Истории России...» Соловьев намечал такие переломные вехи:

С IX до второй половины XII века, когда между членами княжеской семьи «начинают господствовать родовые отношения».

Со второй половины XII до конца XVI века, когда происходит «постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные» и «родовые отношения уступают место государственным».

Начало XVII века, когда происходила страшная смута, грозившая «юному государству разрушением..., нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных направлениях».

XVII — первая половина XVIII века, когда «государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всею землею» и положено «начало важнейших преобразований», знаменовавших «государственную жизнь России среди европейских держав».

Со второй половины XVIII до середины XIX века, когда появилась потребность в заимствовании плодов европейской цивилизации не только с целью материального благосостояния, но и духовного, нравственного просвещения, «потребность вложить душу в приготовленное прежде тело».

С середины XIX века начинается новая эпоха, когда «просвещение принесло свой необходимый плод — познание вообще к самопознанию»¹.

Если сравнить данную периодизацию с той, которую дает Соловьев в тринадцатом томе, то последняя отличается двумя новыми моментами. Во-первых, в качестве основы для выделения этапов русской истории взято сочетание трех факторов: природной среды, формирования народа, складывания государства, подчиненных общей идее развития влияния «европейской цивилизации» с запада на восток. Во-вторых, в этой пе-

риодизации, как и в самом изложении русской истории, отразился процесс формирования русской буржуазной нации, что сказалось в усилении внимания историка к вопросам национального развития, борьбы с захватчиками, истории культуры и языка. Конечно, все эти вопросы Соловьев решал в либерально-буржуазном духе, русский народ в его изображении — прежде всего носитель монархических православных начал.

Начальным периодом русской истории Соловьев здесь считает «богатырский», или «героический», период — с IX до конца XII века, который у него делится смертью Ярослава Мудрого на два этапа: первый, когда славянские племена сменяются княжениями, формируется русский народ, объединяемый политически под властью князя и религиозно принятием христианства; второй, когда, благодаря «отливу исторической жизни на восток», русский человек попадает в мир варваров, в самый дальний участок «европейски-христианской семьи». В ходе дальнейшего развития русской истории в области Верхней Волги родовые отношения при Иване IV сменяются единовластием, которое, заколебавшись в «смутное время», получает дальнейшее развитие в XVII в., подготавливая условия для петровских реформ.

Сам характер изложения и распределения материала подчинены основному принципу соловьевской концепции о ведущей роли государства и привилегированных классов в просвещении народа.

Деление на отдельные тома и главы отражало влияние дворянской историографии и было произведено по княжениям и царствованиям. Например, второй том, освещающий период от времени Ярослава (1054) до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкого (1228), делится на главы: I — «О княжеских отношениях вообще»; II — «События при жизни сыновей Ярослава I (1054—1093)»; III — «События при внуках Ярослава I (1093—1125)»; IV — «События при правнуках Ярослава I, борьба дядей с племянниками в роде Мономаха и борьба Святославичей с Мономаховичами до смерти Юрия Владимировича Долгорукого (1125—1157)» и т. д. В том случае, если деятельность князя или царя заслуживала, по мнению историка, особого внимания, ему отводилось несколько глав. Например, Ивану III посвящено пять глав¹, Василию III — три главы², Ивану Грозному — семь³ и т. д.

Как правило, помимо основных глав, характеризующих политическую историю и внешнеполитические события, Соловьев посвящал отдельные главы «внутреннему состоянию русского

¹ См. С. М. Соловьев. История России..., кн. III, гл. I—V, стр. 7—217.

² Там же, гл. I—III, стр. 218—352.

³ Там же, гл. II—VII, стр. 422—724; кн. IV, гл. I, стр. 7—189.

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. I, стр. 55—59.

общества» за определенный период или в правление отдельных князей и царей.

Весьма показательна структура этих глав.

Вначале историк описывает политический строй и положение господствующих сословий, затем экономику, состояние производящего класса и в конце церковь, законодательство, просвещение. Вот, например, о чем говорится в пятой главе девятого тома — «Внутреннее состояние Московского государства в царствование Михаила Романова»: значение нового царя; следствия смутного времени для вельможества московского; местничество; судьба Годуновых, Шуйского, Ляпуновых, Пожарского, Мининных; устройство военное; состояние городов; торговля и промышленность; состояние сельского народонаселения; распространение русских владений в северной Азии; состояние церкви; законодательство, состояние правосудия, народное право; просвещение и литература. При такой структуре вряд ли можно ожидать объективного и всестороннего освещения общественного развития страны.

И все же именно эти главы, насыщенные огромным фактическим материалом и дающие последовательную характеристику политической, социально-экономической и культурной жизни России на разных этапах истории, представляли большой интерес и научную ценность. «В многотомном исследовании Соловьева, — отмечает Л. В. Черепнин, — впервые в русской исторической науке были даны целостные картины экономической жизни, социального строя, государственного аппарата, внутренней и внешней политики, материальной и духовной культуры русского общества со времени образования Древнерусского государства до второй половины XVIII в.»¹

В решении ряда основных проблем русской истории Соловьеву принадлежит новое и подчас последнее слово в буржуазной историографии.

Изучая вопрос о зарождении государственности на Руси, Соловьев справедливо отрицал «вредные следствия того одностороннего взгляда, по которому варяги были исключительными действителями в начальном периоде нашей истории»². Он убедительно показал, что влияние норманской народности было незначительно, что они не составляли «господствующего народонаселения относительно славян» и не стояли выше их «на ступенях общественной жизни»³.

Критикой «норманского завоевания и господства» Соловьев в сильной степени подорвал корни антинаучной «норманской теории».

Но идеалистические представления о родовом, лишенном сословности славянском быте вынуждали его доказывать, что государственное начало к нам принесли норманы. Вера в государство как надклассовую силу, олицетворяющую всеобщее благо, привела Соловьева к такому ошибочному выводу: «Роды, — писал он, — столкнувшиеся на одном месте и потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, *третьего судью*, а таким мог быть только князь из чужого рода»¹.

И в итоге, в полном противоречии с собственным утверждением о «незначительном влиянии» норманов, Соловьев пишет о том, что «призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен через появление среди них сосредоточивающего начала, власти»².

Следовательно, Соловьев в конечном счете признавал основное положение «норманской теории» о возникновении Древнерусского государства.

При объяснении того, каким образом в родовом быту возникли сословия, историк вновь обращался к варягам. Он утверждал, что варяжская «дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему, родовому»³.

Ошибочно отрицая наличие феодализма в Древней Руси, в противоположность древнегерманскому феодализму, Соловьев, однако, внес крупный вклад в изучение отечественной истории. В отличие от Карамзина и его последователей, считавших, что «битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны»⁴ для историка, он уделил серьезное внимание изучению событий первого этапа феодальной раздробленности. Если до Соловьева в науке еще бытовало утверждение Карамзина о том, что подлинная история России начинается с Ивана III, то он обратился к изучению истории России XI—XIV вв.

Рассматривая, как в дальнейшем «начинается борьба нового порядка вещей со старым, государственных отношений с ро-

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. I, стр. 128.

² Там же, стр. 130.

³ Там же, стр. 226.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. I, СПб., 1842, стр. X.

¹ Л. В. Черепнин. Указ. ст., стр. 39.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. I, стр. 275.

³ Там же, стр. 272, 273.

довыми и оканчивается торжеством первых над последними»¹, Соловьев рисовал «особную жизнь», в Северо-Восточной Руси, где не было «разделения труда», «больших городов», связи между отдельными областями, а главное, немногочисленное население, разбросанное по громадной равнине, не имело «сознания общих интересов».

В таких условиях единственной силой, способной стянуть «раздробленные таким образом части», оказалась, по Соловьеву, «правительственная централизация». «Она, — по словам историка, — восполняет недостаток внутренней связи, обуславливается этим недостатком и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбредлось; это хирургическая повязка на больном теле, страдающем потерей внутренней связи, внутренней сплоченности»².

Под очевидным влиянием гегелевской теории Соловьев освещал борьбу родового и государственного начал в русской истории прежде всего в плане саморазвития идеи государственности. Он внимательно следил за ходом политической истории, за тем самым «ходом событий», которому он приписывал значение важнейшего объективного фактора исторического процесса. Во многих случаях он правильно улавливал связь между явлениями, которые происходили в разных частях Русской земли, стремился показать процесс образования единого государства как общерусский.

Сравнивая историю Юго-Западной и Северо-Восточной Руси, Соловьев правильно отмечал, что центр исторической жизни переместился в XIII—XIV веках в Северо-Восточную Русь, где вокруг Москвы «вследствие внутренних движений» складывается единое русское государство. Вопреки укоренившемуся в дворянской науке карамзинскому утверждению о том, что «Москва обязана своим величием ханам», Соловьев отрицал влияние татаро-монгольской власти на формирование русской государственности. Вместе с тем он недооценил отрицательное значение татаро-монгольского ига в развитии экономики русских земель, а также значение борьбы с ним как ускоряющего фактора объединительного процесса. Правда, само падение татаро-монгольского владычества Соловьев правильно связал с образованием мощного Русского централизованного государства.

Не видя экономических и социальных предпосылок объединения русских земель, историк сделал тем не менее немало интересных наблюдений и выводов, касающихся возвышения Москвы и образования Московского государства. Так, в оценке деятельности Ивана III он подчеркивал, в противовес Карамзину, что объединение русских земель под властью великого

князя московского было не столько результатом его личной деятельности, сколько итогом всего предшествующего развития русской истории. Наряду с внутренними причинами объединения русских земель Соловьев обращал внимание на благоприятные внешнеполитические обстоятельства.

Конечно, его выводы и замечания носили односторонний характер, ибо он изучал преимущественно политические процессы.

В соответствии с теорией борьбы «родового» и «государственного» начал, Соловьев одним из первых в русской исторической науке уловил закономерный характер мероприятий Ивана IV по укреплению самодержавной власти. XVI столетие, в его представлении, было временем, когда «старое с новым начало сводить последние счеты»¹.

Соловьев писал о влиянии личных качеств Ивана IV на ход исторических событий, но в то же время отмечал историческую обусловленность борьбы с боярством, которая, по его мнению, способствовала упрочению государственного начала. Видя в опричнине орудие борьбы крепнущей самодержавной власти с боярской знатью, Соловьев не мог вскрыть классовую сущность политики Ивана IV и роль опричнины в развитии крепостничества.

В царствование Федора, считал Соловьев, произошло «одно из самых важных в истории русских сословий явление»² — законодательное оформление крепостного права. Связывая прикрепление крестьян к земле со специальным указом правительства Федора Ивановича, Соловьев видел в этом вынужденную меру, вызванную природными условиями и государственными потребностями.

Ввиду слабой заселенности огромных земельных пространств, между землевладельцами шла борьба за рабочие руки. Стремясь предотвратить запустение поместий, получаемых дворянами и детьми боярскими за службу, правительство прикрепило крестьян к земле. «Государство, — писал историк, — давши служилому человеку землю, обязано было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог»³.

Поставив прикрепление крестьян к земле в зависимость от усиления государственной централизации, Соловьев сделал заметный шаг вперед в изучении проблемы возникновения крепостного права. В то же время, обусловив закрепощение нуждами государства (понимаемого как общенародное), он затушевывал классовый характер закрепостительного процесса и солидаризировался с Чичериным, который с целью историче-

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. II, стр. 656.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стр. 645.

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стр. 707.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. IV, стр. 296.

³ Там же.

ского оправдания крепостничества выдвинул теорию закрепощения всех сословий в общегосударственных интересах.

Внутренние противоречия общеисторической концепции Соловьева отчетливо обнаруживаются в характеристике «смутного времени». Признавая закономерность образования крепостнического государства, либерально-буржуазный историк отрицал закономерность классовой борьбы крестьянских масс. Бурные события «смуты», в основе которых лежали глубокие социальные конфликты, рассматривались им с точки зрения борьбы государственных начал с анархическими, как «разрушение» и восстановление государственного порядка. В крестьянской войне, польско-шведской интервенции и ожесточенной борьбе внутри господствующего класса за власть Соловьев видел насильственный перерыв в органическом ходе русской истории. История пошла «по пути незаконному» и поэтому лишилась какого-либо смысла. После «смуты» законное движение возобновилось, но с той точки, на которой в конце XVI в. остановились Рюриковичи.

Говоря о бесплодности «смуты» XVII века, историк как бы подводил читателя к мысли о бесперспективности и обреченности революционной борьбы с самодержавием и крепостничеством в XIX в. Так он стремился исторически оправдать свои либерально-монархические убеждения.

Значительным вкладом в буржуазную историческую науку была та всесторонняя характеристика, которую дал Соловьев политической, социально-экономической и культурной истории России XVII века после «восстановления государственного порядка», периода зарождения новых элементов, получивших развитие в петровскую эпоху.

Конечно, Соловьев не мог правильно оценить тех глубоких социально-экономических сдвигов, которые произошли в XVII в., тем более грозного размаха классовой борьбы, вылившейся в крестьянскую войну под руководством Ст. Разина.

Он все настойчивее проводил мысль об исключительном значении государственной власти в русской истории. «Апология самодержавия, которую создал С. М. Соловьев в девятом томе своей «Истории России», — пишет А. М. Сахаров в комментариях к этому тому, — мало чем отличалась от положений официально-монархической историографии»¹.

Как указывалось выше, в истории XVIII века Соловьев подчинил все изложение показу петровских преобразований и их последствий. Сокровенные политические идеалы либеральный историк, постепенно правящий в своих политических убеждениях, воплотил в шести томах «Истории», посвященных пре-

образовательной деятельности Петра I. Говоря об оценке Соловьевым петровских преобразований, необходимо отметить, что постепенно историк, в угоду своим политическим взглядам, все больше подчеркивал эволюционный, а не революционный характер реформ Петра I.

Дальнейший ход русской истории Соловьев рассматривал преимущественно в плане изучения судьбы петровских преобразований. Считая, что с Екатерины I начались отступления от «программы преобразователя» и в стране утвердилось засилие иностранцев, историк возражал против примитивного представления о второй четверти XVIII века, как времени регресса. По его мнению, это был существенный этап в развитии русской истории от Петра I к Екатерине II. В связи с этим он несколько идеализировал правление Елизаветы Петровны, называя ее продолжательницей славных дел Петра I, освободившей Россию от «ига Запада», более опасного, «чем прежде иго татарское».

Вторая и третья четверти XVIII века до Соловьева почти не исследовались, поэтому, вводя в научный оборот громадное количество новых документальных материалов, он не всегда успевал достаточно глубоко и всесторонне обобщить их. Так, например, один том у него соответствует двум-трем годам царствования Екатерины II.

Несмотря на слабый показ социально-экономической истории, заслуги Соловьева в привлечении и систематизации огромной массы ранее нетронутого исторического материала несомненны.

В «Истории России...» Соловьев не дошел до освещения восстания крестьян под руководством Пугачева, но в «Учебной книге по русской истории» он резко отрицательно оценил это крупнейшее событие второй половины XVIII века.

Это были тяжелые времена, по мнению историка, когда «чернь везде волновалась и злодействовала», Пугачев собрал вокруг себя «всякий сброд», который бахвалился взять Москву, в которой «чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ждала Пугачева»¹.

В этих словах нетрудно уловить самую реакционную сторону исторической концепции Соловьева — отрицательную оценку борьбы закрепощенного крестьянства против феодального гнета. Вынужденный иногда признавать тяжелое положение крестьянских масс или то, что они спасались бегством «от многих податей и от великих немерных правей, от солдатских кормов, от запасных денег, от ямских отпусков»², Соловьев не только уклонялся от оценки самой эксплуатации кре-

¹ С. М. Соловьев. Учебная книга по русской истории, М., 1905, стр. 318—320.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. V, стр. 310—311.

¹ А. М. Сахаров. Комментарии к девятому и десятому томам «История России с древнейших времен». В кн. С. М. Соловьев. История России..., кн. IV, стр. 700.

стьян, но все более настойчиво старался показать «местный» характер крестьянских выступлений против помещиков и то, что они якобы никогда не поднимались под знаменем самозванцев «в защиту своих сословных прав». Крестьянское восстание в его изображении — вредное антигосударственное «противообщественное начало», вызванное подстрекательскими действиями «разгульного казачества»; таковы крестьянские войны, возглавляемые Болотниковым и Разиным. Участник их, в тенденциозном освещении Соловьева, — человек, «которому все нипочем, который не сдерживался ничем, никакими привязанностями, никакими отношениями» и лишь «озадачивал... дикими выходками своего произвола»¹.

Расценивая со все более усиливающимися великодержавно-шовинистических позиций воссоединение Украины с Россией как следствие стремления «русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к единой Восточной России»², Соловьев считал решающей силой освободительного движения на Украине церковь. Казачеству он отводил второстепенную роль, а борьбы крестьян и горожан за воссоединение почти совершенно не касался.

В «Истории России...» напрасно искать характеристику исторического развития нерусских народов, вошедших в состав Русского государства. Так, история Крыма и Кавказа интересовала историка лишь в качестве объекта внешнеполитической деятельности Московского государства, освоение Сибири он показывал, явно переоценивая значение Строгановых и недооценивая решающую роль народной колонизации. Ермак у него — простой исполнитель воли Строгановых, представитель казачьей анархической «вольницы», враждебной государству.

Тенденции великодержавного шовинизма и антидемократизма в творчестве Соловьева усиливались по мере того, как возрастало его враждебное отношение к классовой борьбе и укреплялось представление о государстве как основе гармонического развития общества.

Отрицание классового характера общественного развития, изображение государства в качестве надклассового органа, примиряющего социальные противоречия, обусловили теоретическую слабость Соловьева в оценке источников.

Наиболее обстоятельная характеристика источниковедческой базы соловьевских трудов и его методов использования источников содержится в неоднократно упоминавшейся статье Л. В. Черепнина³. Говоря о громадном фундаменте исторических источников, подведенном под капитальный труд историка, Л. В.

Черепнин пишет: «Можно только удивляться тому обилию материала, относящегося к разным эпохам русского исторического прошлого, который обработан силами одного человека. Среди предшественников Соловьева нельзя назвать никого из ученых, кто ввел бы в научный оборот такую массу новых источников и фактов»¹.

Летописные своды, данные сравнительной этнографии и языкознания, литературные и законодательные памятники, иностранные хроники, огромный, в преобладающем большинстве нетронутый материал архивных фондов Кабинета, Сената, Верховного тайного совета, Преображенского приказа, тайной канцелярии, многочисленные печатные публикации — так далеко не полный перечень источников, которыми пользовался Соловьев при изучении разных периодов русской истории. Причем, если в освещении ее до конца XV в. преобладали печатные источники, главным образом летописные, то события XVI—XVIII веков изучались историком во все возрастающей степени на основе архивных материалов.

Отмечая новые положительные методы в работе Соловьева над источниками, нужно подчеркнуть, что многие приемы источниковедческого анализа мешали ему правильно осветить историческое прошлое. Так, исследуя ранние события, он иногда некритически использовал значительно более поздние летописные своды, не замечал в напластованиях и редакциях летописных памятников отражения острой общественно-политической борьбы, а главное, не мог вскрыть классовую сущность источников.

Стремясь к освещению преимущественно политической истории, Соловьев привлекал соответствующие памятники и проходил мимо таких ценных источников, позволяющих показать сложные социально-экономические процессы; как писцовые и таможенные книги, статистические материалы и др.

Основным недостатком источниковедческого анализа Соловьева было то, что он не видел, да и не хотел видеть в источнике отражения классовых противоречий.

Оценка трудов С. М. Соловьева в русской историографии помогает определить его место в ней, показать сильные и слабые стороны крупнейшего буржуазного историка.

Систематическое появление тома за томом «История России...» вызывало многочисленные отзывы.

Реакционные представители дворянской науки встретили ее в штыки. Им было чуждо стремление историка к отысканию закономерности общественного развития.

Зато такой либерально-буржуазный историк, как Кавелин, весьма одобрительно отнесся к труду Соловьева, видя в нем

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стр. 30.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. V, стр. 375.

³ См. Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк, стр. 27—34.

¹ Л. В. Черепнин. Указ. ст., стр. 28.

прежде всего подтверждение государственной концепции русской истории.

Последующее поколение буржуазных историков акцентировало внимание именно на этой стороне наследия Соловьева, и если его преемник по кафедре В. О. Ключевский пытался наполнить старую государственную схему русской истории новым социально-экономическим содержанием, то эпигон буржуазной науки Милюков поднимал на щит и развивал наиболее ошибочные или просто реакционные стороны концепции Соловьева.

Показательно, что еще представитель славянофильского лагеря К. С. Аксаков увидел наиболее существенный недостаток трудов Соловьева — отсутствие народа. «В «Истории России», — писал он, — автор не заметил одного: русского народа, — поэтому его труд может быть назван так же, как и Карамзина, историею Российского государства не более»¹.

Этот же недостаток, но с противоположных политических позиций отмечали революционные демократы, которые в целом более объективно отнеслись к оценке творчества крупнейшего буржуазного историка.

Н. Г. Чернышевский в рецензии на четвертый том «Истории России...» писал о ней, как о важнейшем приобретении «нашей исторической науки в течение последних пятнадцати лет»², а в другой статье связывал с именем Соловьева «строгий ученый взгляд новой исторической школы»³.

Одновременно с признанием серьезных заслуг историка, революционные демократы говорили о его переоценке государственных начал в истории и антидемократической тенденциозности. Н. Г. Чернышевский называл его сторонником «бюрократической централизации», а разделявший его убеждения Г. З. Елисеев в рецензии на седьмой и восьмой тома соловьевской истории, опубликованной в «Современнике» за 1860 год (под псевдонимом Грыцько), писал: «Читатель не выносит из чтения, не говорим уже резкого, живого впечатления о положении народа, даже представления об этом. Внутренняя жизнь народа для него исчезает совершенно при блестящей картине действий централизации, нарисованной мастерскою рукою». Считая, что история народа и его борьба заслуживают большего внимания, чем упоминания о них «в тех же клеточках, в которых говорилось о пушках, о монетах, о войске», Г. З. Елисеев делал справедливый вывод о том, что Соловьев в ряде случаев выступает «таким же панегиристом в своей истории, каким был Карамзин»⁴.

¹ К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I — Сочинения исторические, М., 1861, стр. 253—254.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 399.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 181.

⁴ «Современник», 1860, т. 84, стр. 65—66, 69, 71.

В советской исторической науке в основе оценки взглядов Соловьева лежит ленинская оценка буржуазной историографии, в которой В. И. Ленин, отдавая должное отдельным достижениям буржуазных ученых и их специальным трудам, показал два основных методологических порока буржуазных исторических теорий. «Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения»¹, т. е. не изучали истории народных масс.

Первым, кто пытался с марксистско-ленинских позиций подойти к разбору концепции С. М. Соловьева, был М. Н. Покровский. Он показал ошибочность теории «внеклассового» происхождения российского государства и самодержавной власти, идеалистический характер теории «закрепощения и закрепощения сословий», преувеличение роли географического фактора в русской истории. Считая Соловьева историком, отразившим в своих трудах интересы промышленного капитала, Покровский, по существу, прошел мимо прогрессивных сторон его исторических взглядов².

Примерно в таком же одностороннем, негативном плане охарактеризовал Соловьева З. Лозинский в статье «Историк великодержавной России С. М. Соловьев»³.

Серьезные заслуги в изучении наследия Соловьева принадлежат Н. Л. Рубинштейну, который в ряде статей, в книге «Русская историография», отдельных главах в «Очерках истории исторической науки в СССР» и учебном пособии «Историография истории СССР» дал всестороннюю оценку Соловьеву, правильно отметил положительные стороны, недостатки и значение его исторической концепции⁴. Н. Л. Рубинштейн, в частности, заметил, что полное отождествление взглядов Соловьева с государственной школой «только заслонило от последующих историков его наиболее прогрессивные и ценные стороны», обратил внимание на «выяснение особенностей взгля-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57.

² М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, М.-Л., 1933, стр. 127.

³ Сб. «Русская историческая литература в классовом освещении», т. I, 1927, стр. 205—275.

⁴ См. Н. Л. Рубинштейн. Сергей Михайлович Соловьев, 1820—1879. Ж. «Историк-марксист», 1940, кн. 3, стр. 92—113; Его же. Русская историография, стр. 312—342; Его же. С. М. Соловьев и русская историческая наука. Ж. «Вопросы истории», 1945, № 3—4, стр. 7—71; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 347—366; Историография истории СССР, стр. 175—187.

дов Соловьева, отделяющих его от государственной школы»¹.

Значительным шагом вперед в изучении исторических взглядов Соловьева явилась вступительная статья Л. В. Черепнина, предпосланная советскому изданию «Истории России с древнейших времен». Сам факт переиздания основного соловьевского труда с прекрасными комментариями и превосходной статьей ответственного редактора издания Л. В. Черепнина — свидетельство той объективной оценки, которую получил крупнейший историк дореволюционной России в советское время.

Л. В. Черепнин в этой статье, отметив, что «значение трудов С. М. Соловьева для развития русской исторической науки очень велико», справедливо говорит о том, что советские люди, которые подходят к историческим явлениям с других методологических позиций, встретят с интересом новое издание «Истории России...», так как этот труд «сохраняет и доныне свое научное значение благодаря имеющемуся в нем богатому историческому материалу, интересным и ценным, живо преподнесенным наблюдениям по ряду вопросов прошлого нашей Родины»².

Будучи вершиной в развитии русской буржуазной историографии, крупным явлением в мировой исторической науке, творчество С. М. Соловьева составляет важный этап в дореволюционной отечественной историографии.

С историческими взглядами Соловьева, сложившимися в своих основных чертах в 40—50-х годах, связано утверждение буржуазной исторической науки в России в эпоху поднимающегося капитализма.

Поиски закономерностей исторического процесса, стремление раскрыть общие пути и особенности развития народов в мировой истории, приложение идеалистической диалектики к анализу общественного развития отличали методологию Соловьева как буржуазного историка эпохи расцвета буржуазной историографии.

Дальнейшее развитие исторической концепции Соловьева после 1861 года, упрочившее ее основные особенности, вместе с тем усилило принципы государственной школы, характерные для этого крупнейшего буржуазного историка, углубило его антидемократизм и великодержавный шовинизм.

В намечившемся противопоставлении истории России и Западной Европы, более заметном выпячивании роли государственного начала в общественном развитии и отрицании исторического значения народной борьбы, в настойчивом стремлении исторически обосновать возможность примирения классовых противоречий с помощью сильной государственной власти бы-

ли заложены первые признаки приближавшегося кризиса буржуазной науки.

Общий прогрессивный вклад С. М. Соловьева в русскую историческую науку и выдающееся место в ее истории определяются тем, что он, хотя и с идеалистических позиций, не касаясь классовой сущности исторических событий, стремился объяснить развитие общественной жизни, определить ее внутренние закономерности и зависимость от внешних влияний.

Внушительным итогом настойчивых научных поисков и титанического трудолюбия буржуазного историка стал монументальный историографический памятник — двадцать девять томов его «Истории России с древнейших времен».

ЛИТЕРАТУРА

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. I, М., 1959. Предисловие, стр. 55—59.

С. М. Соловьев. История России..., кн. VII, т. XIII, гл. I, М., 1962, стр. 7—178.

С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. Собр. соч., СПб., 6 г., стб. 969—1116.

Историография истории СССР, стр. 289—298.

Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 312—348.

Л. В. Черепнин. Соловьев как историк. В кн.: С. М. Соловьев. История России..., кн. I, М., 1959, стр. 5—51.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 314.

² Л. В. Черепнин. Указ. ст., стр. 48, 50.

ЛЕКЦИЯ 8

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Формирование мировоззрения Ключевского и основные этапы его научной деятельности. Особенности исторических взглядов. Периодизация истории России и характеристика отдельных периодов. Значение Ключевского в русской историографии.

Творческий путь выдающегося представителя русской буржуазной историографии Василия Осиповича Ключевского (1841—1911) начался в период утверждения и победы капитализма, а завершился в эпоху империализма, за несколько лет до Великой Октябрьской социалистической революции.

Время его жизни и деятельности было насыщено яркими событиями буржуазно-демократического и пролетарского этапов освободительного движения, связанных с дальнейшим социально-экономическим развитием пореформенной России.

Две выдающиеся вехи русской истории — 1861 и 1905 годы — определяют начало и закат сложного и противоречивого творчества Ключевского. Половинчатость и незавершенность крепостнической реформы, острая общественно-политическая борьба вокруг нее наложили неизгладимый отпечаток на складывающуюся систему исторических взглядов Ключевского, обусловили ее сильные и слабые стороны. Бурные события первой русской революции, обнажив всю непримиримость классовых противоречий, подвели своеобразную черту под научно-педагогической деятельностью историка, показали несостоятельность его исторической концепции с ее тщетным стремлением к мирному урегулированию социальных конфликтов.

Типичный разночинец, сын сельского священника, получивший начальное образование в пензенских церковно-приходском и уездном училищах, Ключевский отказался от духовной карьеры и в 1861 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Здесь он испытал определенное влияние революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова.

В письмах к своему другу П. П. Гвоздеву Ключевский одобрительно отзывался о Чернышевском и Шаповале, хвалил «Современник», скорбел по поводу смерти Добролюбова. Он восторженно встретил роман Тургенева «Отцы и дети», видя в Базарове героя своего времени; глубоко интересовался крестьянским вопросом, критиковал царское самодержавие¹. В своем дневнике Ключевский записал: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время»².

Осуждая самодержавный произвол, разделяя настроение разночинной интеллигенции того времени, Ключевский, однако, был далек от признания необходимости революционного преобразования существующего строя.

Боязливая осторожность казеннокоштного студента, семинарское воспитание, а главное, опасение потерять с трудом добытое право учебы в университете мешали Ключевскому принять участие в студенческом движении и выработать последовательные демократические убеждения. «Письма молодого Ключевского, — пишет М. В. Нечкина, — с несомненностью показывают, что революционность своей эпохи он осознал, но результатом этого осознания был страх перед революцией, солидаризация с противореволюционными кругами и полное отрицание революционного метода действия. Этот страх и это отрицание Ключевский пронес через всю жизнь и глубоко отпечатлел в своем научном мировоззрении»³.

Его политические идеалы постепенно вырисовывались в форме правового буржуазного государства, с идеальным представительным правлением, свободой и мирным сотрудничеством всех классов на основе признания «общего блага». Такое иллюзорное государство должно было устранить опасность надвигающейся революции и в то же время уничтожить крайности самодержавного деспотизма.

Либерально-буржуазной сущности политических взглядов Ключевского не противоречили его многочисленные выпады против властителей прошлого и скептические замечания в адрес современных ему монархов. Это был скептицизм либерально-буржуазного толка.

От осознания революционности 60-х годов, осуждения самодержавия и понимания тяжелых условий народной жизни Ключевский не перешел к активной борьбе, а сразу же после спада первой революционной ситуации обнаружил стремление

¹ См. Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву (1861—1870), М., 1924, стр. 70—71, 73, 103, 107.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 147.

³ М. Нечкина. В. О. Ключевский. В сб. «Русская историческая литература в классовом освещении», под ред. М. Н. Покровского, т. II, М., Изд-во ком. академии, 1930, стр. 222.

к уходу от противоречивой действительности в академическую науку. «В студенческом кружке пензяков, — вспоминает А. И. Яковлев, — к которому естественно примкнул Ключевский, он пришел в соприкосновение с будущими террористами каракозовцами... Брат Каракозова... был даже пензенским учеником В. О. Ключевского по латинскому языку. Но попытка втянуть Ключевского в ряды каракозовцев... была пресечена одним из виднейших участников кружка — Ишутиним, ближайшим приятелем Каракозова. Ишутин, волосатый силач в красной рубахе, ходивший, как истый студент-нигилист 60-х годов, с огромной палкой-дубинкой, положил мощную длань на жиденькое плечо В. О. и твердо заявил: «Вы его оставьте! У него другая дорога. Он будет ученым»¹.

И Ключевский в своем стремлении к академической карьере последовательно уходил от участия в активной общественной жизни вплоть до 1905 года, хотя все важные события этой карьеры проходили на фоне растущего русского революционного движения. «Год издания первой его работы...», — пишет М. В. Нечкина, — был годом выстрела Каракозова... первые годы его преподавательской деятельности — это время «хождение в народ»,... первая лекция в Московском университете прочтена через несколько месяцев после покушения В. Засулич на Трепова и в год образования «Народной воли» и «Черного передела», а защита им докторской диссертации была через год после казни Александра II»².

Совпадение было чисто внешним — ни эти, ни последующие вспышки революционной борьбы в России не портили «формулярного списка о службе почетного члена и заслуженного ординарного профессора императорского Московского университета тайного советника Ключевского»³.

Ордена святой Анны всех трех степеней, Станислава I—II степени и святого Владимира, полученные историком в 1873—1906 гг. за «отлично усердную службу и особые труды», свидетельствовали о том, что его умеренные политические идеалы не противоречили основам буржуазно-помещичьего строя.

Больше того, в 90-е годы, когда обозначилось соединение марксизма с растущим рабочим движением и возникли предпосылки к созданию революционной марксистской партии, Ключевский стал политическим наставником наследника престола, а затем откровенно выступил в защиту монархии. 16 октября 1893 г. «государь император соизволил поручить ему занятия

с великим князем Георгием Александровичем по политической истории»⁴, считая, очевидно, в тех сложных политических условиях его кандидатуру наиболее благонадежной.

Ключевский не только оправдал доверие престола, но 28 октября 1894 г. на заседании Общества истории и древностей российских выступил с речью «памяти в бозе почившего государя императора Александра III», в которой безудержно славословил последнего и его дела. «Александр III, — говорил он, — покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества...». И дальше, вопреки исторической правде и гнусной роли предпоследнего русского самодержца, утверждал, якобы «Европа признала, что царь русского народа был и государем международного мира и порядка, и этим подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации в воле царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его царя»⁵.

Неудивительно, что после такой речи студенты освистали профессора на лекции, а в появившихся вскоре листовках поведение Ключевского, названного «приверженцем регресса и застоя», получило резкое осуждение. «Он напустил в свою речь такого чувства, — писали студенты, — что и не продохнешь, и стал приписывать представителю свинцового реакционного царствования благодетельную роль... Нас... тошнит от подобной льстивой лжи, да еще произносимой от лица науки одним из ее представителей»⁶.

Совершив такой резкий и очевидный поворот в сторону реакции, Ключевский в 1905 г. вполне закономерно пришел в ряды кадетской партии, представители которой в то время, по словам В. И. Ленина, не выходили «в своих стремлениях за пределы упорядоченного буржуазного общества, защищенного монархией и двухпалатной системой от посягательства пролетариата»⁴.

Напуганный грозным размахом первой русской революции, историк после кровавой расправы Николая II с безоружной толпой заявил: «Это последний царь. Алексей царствовать не будет»⁵.

Летом 1905 года Ключевский в качестве ученого эксперта участвовал в Петергофском совещании, на котором обсуждались принципы организации совещательной Булыгинской думы. В своих выступлениях он развивал идею «общего блага» как

¹ А. И. Яковлев. В. О. Ключевский (1841—1911). «Зап. науч.-исследоват. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 6, Саранск, 1946, стр. 100.

² М. В. Нечкина. Указ. раб., стр. 229.

³ См. Сб. «Василий Осипович Ключевский», изд. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1914, стр. 405—413.

⁴ Сб. «Василий Осипович Ключевский», стр. 411.

⁵ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1894, кн. IV, стр. 3—7.

⁶ М. В. Нечкина. Указ. раб., стр. 244.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 233.

⁸ М. В. Нечкина. Указ. раб., стр. 247.

основы государственного устройства и выражал надежду, что через Думу правительство поймет «душу народа» и тем самым обретет «почву для законодательства»¹.

Когда проект Булыгинской думы 1905 года был сметен революционным натиском пролетарских масс, Ключевский критиковал правительство и деятелей либерально-буржуазных партий за их беспомощность в борьбе с революционным движением и неумение осуществить идею «конституционного представительства». Государственную думу он считал «самым надежным органом законодательной власти...», настроение авторитетного в народе учреждения, — писал Ключевский А. Ф. Кони 21 июля 1906 г., — неизмеримо умереннее той революционной волны, которая начинает нас заливать, и существование Думы — это самое меньшее, ценою чего может быть достигнуто бескровное успокоение страны»².

Последним шагом кратковременной политической деятельности историка в годы первой революции была его неудачная баллотировка в первую Государственную думу по кадетско-октябристскому списку. После этого и до конца жизни Ключевский не только отказался от какой-либо политической деятельности, но фактически не создал ничего нового и в исторической науке. Как справедливо отметила М. В. Нечкина, «основная политическая его идея — избежание революции через классовое соглашательство и мирный путь реформ была осмеяна историей. 1905 год был годом кризиса не только его политических мечтаний, но и его исторической концепции...»³.

Таким образом, процесс формирования политических взглядов Ключевского отразил эволюцию русского буржуазно-помещичьего либерализма на протяжении 1861—1905 годов.

Испытав в 60-е годы определенный интерес к широко распространенной тогда демократической идеологии, Ключевский затем в 70—80-х годах утвердился на либерально-соглашательских позициях буржуазного конституционализма.

В 90-е годы с распространением марксизма и развитием рабочего движения в политическом мировоззрении буржуазного историка обозначился поворот к реакции, а первую русскую революцию он встретил в рядах кадетской партии. «...Все зигзаги политической эволюции Ключевского, — пишет М. В. Нечкина, — не вышли из границ буржуазного либерализма: начав с близости к земскому движению, он кончил формальным вступлением в партию кадетов»⁴.

Политические убеждения либерально-буржуазного историка, его соглашательские иллюзии, страх перед революционным

движением и пресмыкательство перед царской властью нашли яркое отражение в творческой деятельности Ключевского. В то же время в ней как в зеркале отразилось состояние буржуазной историографии, которая в середине 90-х годов, в связи с развитием марксистско-ленинской науки, вступила в полосу кризиса.

В течение пятидесяти лет своей жизни Ключевский был связан с русской исторической наукой. Полувековой период его деятельности в области историографии можно условно разделить на три этапа:

Первый этап охватывает десять лет, с 1861 по 1870 год, в течение которых в основном сформировались исторические взгляды Ключевского, определился характерный для него интерес к социально-экономической проблематике.

Второй этап составляет около двадцати пяти лет, с 1871 до начала 90-х годов. Это расцвет научно-педагогической деятельности Ключевского, время создания его лучших работ, в том числе «Курса русской истории».

Третий — последние пятнадцать лет жизни и деятельности историка, начиная от середины 90-х годов, когда в его творчестве обнаруживаются симптомы упадка (обусловленные общими причинами начавшегося кризиса буржуазной науки), а первая русская революция показывает несостоятельность его исторической концепции.

Вопросы, связанные с формированием Ключевского как ученого, до недавнего времени решались несколько односторонне.

Буржуазные историки М. М. Богословский, М. К. Любавский, П. Н. Милюков и другие, упрощая сложный процесс формирования исторических взглядов Ключевского, выводили их из школы Соловьева и Чичерина¹. В этом отношении для буржуазной историографии характерны слова Милюкова о том, что «Ключевский является учеником С. М. Соловьева», а «История» Соловьева была общей канвой, по которой он работал².

М. Н. Покровский, по существу, повторил эту формулировку, но добавил к ней слова о некотором влиянии Лаврова и Шапова³.

По-новому, с марксистско-ленинских позиций подошла к анализу творчества выдающегося буржуазного историка М. В. Нечкина. Показав сложную эволюцию его политических взглядов, она отметила влияние на Ключевского в период его

¹ См. М. Богословский. В. О. Ключевский как ученый. В сб. «Василий Осипович Ключевский. Характеристики и воспоминания», М., «Научное слово», 1912, стр. 31—35; М. Любавский, Соловьев и Ключевский, там же, стр. 45—58; П. Милюков. В. О. Ключевский, там же, стр. 197.

² П. Милюков. В. О. Ключевский. В сб.: «Василий Осипович Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 197.

³ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. 1, М.—Л., 1933, стр. 51—54, 61—63.

учебы в университете журналистики 60-х годов, и прежде всего Чернышевского¹.

Однако и после этого в советской историографической литературе сохранилось старое, упрощенное представление об истоках концепции Ключевского и ее стабильности. Н. Л. Рубинштейн считал, что Ключевский как ученый сложился под непосредственным воздействием Соловьева и Чичерина, влияние которых было решающим². Буквально то же самое сказано в «Историографии истории СССР»³, вышедшей двадцать лет спустя.

Между тем во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» автор раздела о Ключевском — Л. В. Черепнин говорит о различных факторах, влиявших на молодого историка⁴, а А. А. Зимин в статье о формировании мировоззрения В. О. Ключевского в 60-е годы убедительно показывает, что этот процесс «не был столь прямолинейным и неизменным, как принято считать до сих пор. Ключевский-историк 80—90-х годов значительно отличался по своим взглядам и научным интересам от Ключевского-студента и начинающего историка»⁵.

На формирование исторических взглядов Ключевского в 60-е годы, помимо объективных факторов, связанных прежде всего с отменой крепостного права, определенное влияние оказали идеи революционно-демократической историографии. Интерес к изучению истории народа и экономики, проблема колонизации, представление о решающей роли географического фактора и роста народонаселения возникли у него скорее под влиянием Шапова, чем Соловьева и Чичерина.

Истоки нового в исторических взглядах и трудах Ключевского следует искать не у буржуазных предшественников, а в пореформенных условиях русской действительности и передовой общественно-политической и исторической мысли. Об этом свидетельствуют не только благожелательные отзывы Ключевского о Чернышевском и Добролюбова и его положительная рецензия на одну из работ Шапова⁶, но и отношение к университетским профессорам, тематика и направленность первых исторических исследований.

Как показывает А. А. Зимин, в 60-е годы Ключевский далеко не так восторженно, как в юбилейных статьях 80-х годов, от-

¹ М. В. Нечкина. Указ. раб., стр. 223.

² Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 446.

³ Историография истории СССР, стр. 306.

⁴ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 149.

⁵ А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. «Исторические записки», 1961, т. 69, стр. 181.

⁶ В. О. Ключевский. Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси. Разбор соч. А. Шапова. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. В кн. «Отзывы и ответы», сб. третий, М., 1914, стр. 133—169.

носился к своему учителю С. М. Соловьеву. Он критиковал его «государственную» схему, а ее основного защитника Б. Н. Чичерина называл «великим софистом», чтение трудов которого считал «большим подвигом»¹. Если дополнить эти факты ярким рассказом А. И. Яковлева о более чем сдержанном отношении Соловьева к Ключевскому и ссорах последнего с учителем², то нетрудно сделать вывод, что исторические интересы молодого историка складывались первоначально не в русле соловьевской школы.

Содержание первых работ Ключевского свидетельствует о его стремлении идти иным путем.

Будучи студентом второго курса, Ключевский написал реферат «Сравнительный очерк народно-религиозных воззрений», в котором стремился подчеркнуть влияние природы на выработку религиозных представлений человека. По свидетельству А. А. Зиминой, сохранившиеся в архиве Института истории другие студенческие работы Ключевского показывают большой интерес его к истории народа и народного быта³. Во введении к первой печатной работе, кандидатскому сочинению «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866), Ключевский определял ценность записок иностранцев для изучения отечественной истории тем, какие «географические сведения» или «известия о материальных средствах страны» они давали.

Интерес к экономической истории виден в его дополнениях к книге П. Кирхмана «История общественного и частного быта» (1867), которые он написал после окончания университета и в которых на основании справочной литературы характеризовал земледелие, горное дело, металлообрабатывающую промышленность, текстильное производство и торговлю. Здесь, в отличие от своей более поздней ошибочной точки зрения, Ключевский, опираясь на данные археологии, писал, что славяне уже в VI в. занимались земледелием и скотоводством, а «хлебопашество издавна было у них лучшим занятием мужчин»⁴.

В течение пяти лет после окончания университета Ключевский занимался изучением монастырского землевладения и колонизации по житиям святых и актовым материалам. В 1866 г. под влиянием С. И. Ешевского, А. П. Шапова и отчасти Ф. И. Буслаева, а не С. М. Соловьева, как принято считать⁵, он приступил к работе над житиями святых — основным источником своей магистерской диссертации «Жития русских святых как исторический источник». Обращая внимание на общую на-

¹ А. А. Зимин. Указ. ст., стр. 185, 186.

² См. А. И. Яковлев. Указ. ст., стр. 102—103.

³ См. А. А. Зимин. Указ. ст., стр. 188.

⁴ Там же, стр. 190.

⁵ Там же, стр. 190—191.

правленность работы Ключевского над житиями святых и, особенно, его первоначальный план, А. А. Зимин пришел к вполне обоснованному выводу о том, что «отправные пункты первоначального варианта работы о житиях святых... противоречат всем догмам государственной школы, основным идейным положениям концепции С. М. Соловьева. Народ, а не государство является творцом колонизации, а самый процесс обуславливался, по мысли автора, природными (географическими) условиями и ростом народонаселения»¹.

В данном случае молодой Ключевский значительно ближе к А. П. Шапову, который в работе «Историко-географическое распределение русского народонаселения» также говорил о влиянии на характер земледельческой колонизации природных и географических условий².

Изучив около 160 житий в 250 редакциях и в 5 тысячах списков, Ключевский как историк обнаружил одну из своих характерных особенностей — талант источниковеда. «Небольшая книжечка Ключевского, — пишет М. Н. Тихомиров, — пожалуй, не имеет себе равных во всей мировой историографии, изучающей такие виды источников, как жития святых, по своей полноте и исчерпывающей точности»³.

Посвященные этой же теме работы «О церковных земельных имуществях в древней Руси» (1865), «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» (1867), а также лекции по всеобщей и новейшей истории, прочитанные в Александровском военном училище, свидетельствуют о глубоком интересе начинающего историка к вопросам экономического развития и народным массам как активному началу исторического процесса.

Такой интерес в 60-е годы объяснялся не только новыми социально-экономическими явлениями, но и влиянием передовой демократической мысли, близкой и понятной разночинцу Ключевскому.

Правда, на следующем этапе, в 70—80-е годы, приват-доцент Московской духовной академии, а затем профессор университета, скованный либерально-буржуазными политическими убеждениями, в монографических исследованиях не смог выйти за пределы буржуазного экономизма, а в своих общих курсах по русской истории, обеспокоенный ростом революционного движения и слабостью самодержавной власти, вынужден был вернуться к соловьевско-чичеринской государственной схеме.

Началом нового этапа научно-педагогической деятельности Ключевского можно считать избрание его на должность при-

ват-доцента по русской истории Московской духовной академии 3 июня 1871 года. В связи с этим он приступил к созданию общего курса русской истории, который принес ему славу крупнейшего русского историка буржуазной России. В 1879 г. он начал читать лекции по русской истории в Московском университете, где преподавал более тридцати лет, поднявшись на вершину лекторского искусства.

В этот период интерес Ключевского к социально-экономическим вопросам выразился в разработке двух основных проблем — истории классов и происхождения крепостного права. Постановка этих проблем диктовалась сложным процессом развития капитализма, отягощенного крепостническими пережитками, тяжелым положением крестьянства, ограбленного реформой, становлением двух новых классов — буржуазии и пролетариата, резким обострением классовой борьбы, расцветом народнической идеологии и ее отражением в исторической науке.

В докторской диссертации «Боярская дума древней Руси» (1882) историк попыток исследовать отдельные стороны русской истории и заложил основы своей концепции русского исторического процесса в целом. Монография о боярской думе, неразрывно связанной с общественно-политическим развитием России в X—XVIII вв., явилась важным отправным моментом в дальнейшей работе Ключевского над общим курсом русской истории.

К изучению боярской думы, которую Ключевский считал «маховым колесом, приводившим в движение весь правительственный механизм»¹, историк подошел с иных позиций, нежели представители государственной школы. «В истории наших древних учреждений, — отмечал он в первом варианте работы, — остаются в тени общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали. Рассмотрев внимательно лицевую сторону старого государственного здания, ...мы не изучили достаточно ни его оснований, ни строительного материала, ни скрытых внутренних связей, которыми скреплены были его части, а когда мы изучим все это, тогда, может быть, и процесс образования нашего государственного порядка и значение его правительственных учреждений предстанут перед нами несколько в ином виде, чем представляются теперь»².

В приведенных словах нетрудно уловить не только критическое отношение к Чичерину, но и отчетливое стремление связать изучение истории боярской думы с процессом образования «общественных классов».

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, Пб., 1919, стр. 1.

² В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Ж. «Русская мысль», 1880, кн. I, стр. 48.

¹ А. А. Зимин. Указ. ст., стр. 193.

² См. А. П. Шапов. Соч., т. II, СПб., 1906, стр. 201—202, 217—218.

³ М. Н. Тихомиров. К выходу первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского. Ж. «Вопросы истории», 1958, № 8, стр. 155.

Утверждение Ключевского о классах было связано с его представлением о материальной основе общества, его делении «по роду занятий, по свойству капитала». Но связывая классовое деление общества с характером капитала, вкладываемого в экономику, с различием прав и обязанностей в политике, он тем самым уже тогда стремился уйти от самой неприятной для буржуазного историка той эпохи проблемы — классовых противоречий и классовой борьбы.

Правильная оценка классовой борьбы в прошлом и настоящем, а главное, признание неизбежности революции в ближайшем будущем стали для русской либерально-буржуазной историографии пореформенной поры непреодолимым препятствием. Оно же было тем порогом, у которого остановился Ключевский с его прогрессивным стремлением к изучению экономики и социальных отношений. Подменяя реальную классовую борьбу вымышленной теорией мирного содружества классов, историк неизбежно должен был возвратиться к государственной схеме русской истории, влияние которой так настойчиво стремился преодолеть.

В этом отношении интересно отметить, что одна из лучших монографий Ключевского «Боярская дума древней Руси», созданная в период творческого расцвета историка, уже отражала внутреннюю противоречивость его методологических позиций. Приблизившись к признанию первенства экономики над политикой и правом, Ключевский утверждал, что «политические факты вытекают из экономических, как их последствия», и в этой же монографии писал об «обратном порядке», когда «политические факты шли впереди, давая направление хозяйственной жизни народа»¹.

Рассматривая классовую основу и практическую деятельность боярской думы, Ключевский, вопреки схемам историков-государственников, превратил историю думы в историю боярского класса с точки зрения его экономического положения, социального состава и политической роли.

В X—XI веках в городах Киевской Руси, по его мнению, существовали два класса: торгово-промышленная аристократия и княжеская дружина. Органами власти этих классов были вече и княжеский совет, или боярская дума. После перемещения в XII в. центра развития Руси из Киева во Владимир торговля уступила свою первенствующую роль сельскому хозяйству, что привело к ликвидации «промышленного класса». Село стало преобладать над городом. Князь из вотчика всей древнерусской земли превратился в вотчинника своего удела. «Господствующим интересом» боярства стало «землевладельческое

хозяйство». Основной причиной образования удельного строя автор считал географические и экономические условия, под действием которых сложилось удельное общество. Они же определили систему политического управления в удельных княжествах, которая являлась «довольно точной копией устройства древнерусской боярской вотчины», а княжеская боярская дума превратилась в «совет главных дворцовых приказчиков»¹ при князе.

Ключевский показал постепенный процесс возникновения из первоначального неустойчивого состава княжеского совета удельной Руси новой боярской думы как постоянного учреждения государственного типа. Раньше всего такой боярский совет сложился в Москве, где он в процессе образования единого Русского государства в XVI в. становится политическим оплотом растущих притязаний правительственной аристократии. С XVIII в. руководящая роль переходит от боярской корпорации к отдельным приближенным царя. По мере падения «правительственного класса», подорванного экономическим кризисом XVI века, дума из «участницы верховной власти» превращается в «ее орудие» и к началу XVIII в. прекращает свое существование. Место родовой боярской аристократии занимает московское дворянство. Так, заключает Ключевский, в течение X—XVIII вв. социальный состав боярской думы показывал, какие общественные классы руководили народным трудом. «В социально-политическом значении московской боярской думы отразился основной факт истории Московского государства»², — таков конечный вывод историка.

Если Чичерин «единственным двигателем народной жизни» в русской истории считал «княжескую власть», то у Ключевского князь, «явившись в Русскую землю, вошел в готовый уже общественный строй, до него сложившийся», а Московское государство было создано великорусской народностью.

Военное по происхождению Московское государство было «народным лагерем», который вел борьбу на три фронта: восточный, западный и южный. «В основании его социального строя лежало деление общества на служилых и несслужилых людей, т. е. на строевые и нестроевые части населения»³, — писал Ключевский.

Руководивший народной обороной московский князь советовался с боярской думой, которая была своеобразным военным советом. «Из сочетания власти такого военачальника с правительственными понятиями и привычками хозяина-вотчинника удельных веков, — считал Ключевский, — и вышел

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума..., изд. 5, стр. 111, 116.

² Там же, стр. 520.

³ Там же, стр. 521, 522.

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, Пб., 1919, стр. 5, 7.

своеобразный политический авторитет московских государей»¹. Явно идеализируя их деятельность, историк полагал, что вплоть до XVII в. дума «...оставалась деятельностью народного военачальника с военными товарищами...»².

Сосредоточив внимание на истории боярства и крупного землевладения, Ключевский внес целый ряд новых и важных положений для понимания развития русской истории XVI—XVII веков. Он впервые показал экономический кризис конца XVI в. и его социальные последствия, вскрыл изменения, которые произошли в составе боярства в результате опричнины и «смуты».

Считая «древнерусскую боярскую вотчину» экономической основой классового деления и политического устройства, Ключевский вплотную подошел к признанию феодальных отношений в русской истории. Поставив во главу угла социально-экономическую историю, он был близок к идее единства закономерности истории, когда видел в «истории наших общественных классов... действие условий, похожих на те, какими создавались общественные классы в других странах Европы...»³.

Однако, без проблемы классовой борьбы, как движущей силы истории, государство у Ключевского превращалось из органа насилия в примиряющее общенациональное начало.

История боярства и его внутренних противоречий заслонила сложные экономические и социальные противоречия допетровской Руси, а боярская дума, как правящий орган этого класса, превратилась в «маховое колесо» ее политической истории. В конечном счете боярская дума у Ключевского стала «творцом сложного и во многих отношениях величественного государственного порядка..., который только и сделал возможными смелые внешние и внутренние предприятия Петра, дал необходимые для того средства, людей и самые идеи...»⁴.

Так либерально-буржуазные позиции и идеалистический подход к истории исказили первоначальные намерения автора.

Внутренняя противоречивость исторических взглядов Ключевского, углублявшаяся по мере обострения классовой борьбы в стране, проявилась в решении другого узлового вопроса — истории русского крестьянства.

Реформа 1861 года не только приковала внимание историка, но и создала определенные условия для изучения истории крепостительного процесса.

В период подготовки и, особенно, в годы проведения реформы для всех стало очевидным, что «исторический веред, каким

¹ В. О. Ключевский Боярская дума..., изд. 5, стр. 522.

² Там же, стр. 524.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 1.

было крепостное право на теле русского общества, созрел и готов был прорваться социальной катастрофой»¹.

В рецензии на сочинения Ю. Ф. Самарина «Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения» (1879), в статьях «Право и факт в истории крестьянского вопроса» (1881), «Происхождение крепостного права в России» (1885), «Подушная подать и отмена холопства в России» (1885), в отзыве об исследовании В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половины XIX в.» (1889) и в статье, написанной уже накануне смерти в связи с пятидесятилетием реформы (1911), Ключевский по-новому, с позиций буржуазного экономизма подошел к решению проблемы происхождения крепостного права.

До него в буржуазной историографии господствовала «указная» теория, ярким представителем которой был Чичерин. Связывая происхождение крепостного права с деятельностью самодержавной власти, этот типичный представитель государственной школы не видел «ничего исключительного и несправедливого» в такой форме «государственного тягла», какой была, по его мнению, крепостная зависимость крестьян. «Крепостное право, — писал Чичерин, — вышло из потребности государства устроиться и укрепиться»² и было подтверждением того, «что княжеская власть растет и развивается»³.

Отвергая подобную точку зрения, Ключевский утверждал, что истоки крепостничества следует искать в области экономических отношений, так как «крепостное право в России было создано не государством»⁴.

По его мнению, «бродячесть, безземелье и недостаток земледельческого капитала привели к тому, что уже в XVI в. большинство крестьян на землях крупных землевладельцев было без шума, незаметно закрепощено путем долгового обязательства...»⁵. Экономические предпосылки закрепощения он связывал с ростом долговой зависимости крестьян от землевладельцев, а толчком к массовому закрепощению считал разорение крестьянства в результате экономического кризиса XVI века. «Вопрос о происхождении крепостного права, — указывал историк, — есть вопрос о том, что такое было крепостное холопское право в древней Руси, как это право привито было к крестьянству и как переродилось вследствие этой пересадки на новую, чуждую ему почву»⁶.

¹ В. О. Ключевский. Соч. в восьми томах, т. VII, М., 1959, стр. 107.

² Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 227.

³ Там же, стр. 230.

⁴ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, стр. 317.

⁵ Там же, стр. 155.

⁶ Там же, стр. 246.

Используя такой новый источник, как крестьянские порядные записи, Ключевский показал, как, независимо от государственной власти и тех или иных правительственных указов, крестьянин, работавший на владельческой, вотчинной или помещичьей земле, постепенно попадал под власть землевладельца и переходил на положение древнерусского холопа, являвшегося собственностью своего господина. На основе «свободного договора» между арендатором земли — крестьянином и ее собственником утвердилась «власть землевладельца над личностью крестьянина и власть над его имуществом», а затем «власть землевладельцев над потомством его крестьянства»¹.

Задача государственного законодательства заключалась лишь в оформлении сложившихся реальных отношений между помещиками и крестьянами и сочетании их интересов с общегосударственными. Верный своему идеалу «общенационального государства», историк старательно затушевывал классовую, эксплуататорскую сущность закрепощения. «Законодательству, — писал он, — приходилось оберегать три интереса, имевшие политическую важность, — владельческий, крестьянский и казенный; первый состоял в упрочении личной крепости крестьян, второй — в поддержке их хозяйственной и податной состоятельности, третий — в прикреплении их к государственному тяглу...»². Таким образом, государство, в представлении Ключевского, в равной мере заботилось о крестьянах и помещиках.

Возникновение барщины, которая лежала в основе закрепощения, он ошибочно связывал с долговыми обязательствами крестьян.

Основной недостаток его работ по истории закрепощения русского крестьянства сводился, по словам Н. Л. Рубинштейна, к смешению «крепостного строя как социально-экономической системы отношений с крепостной зависимостью как системой правовых отношений»³.

Отказавшись от теории законодательного закрепощения крестьян, Ключевский в поисках экономических причин остановился на полдороге, заменив действие закона частной сделкой — свободным договором между крестьянином и землевладельцем. Противоречивость и непоследовательность буржуазного экономизма и здесь привела его теорию закрепощения к сближению с юридической школой. Он, как и ее представители, считал крестьян до XVI в. свободными в правовом отношении. Смешивая социальные отношения с правовыми, он относил возникновение крепостного строя к XVI в. и связывал его с оформлением крепостной зависимости. При этом, явно

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, стр. 309.

² Там же, стр. 293.

³ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 458.

модернизируя историю, Ключевский подменял внеэкономическую форму принуждения феодального строя экономическими формами эксплуатации трудящихся при капитализме.

Кроме отмеченных проблем, Ключевский интересовался историей культуры, просвещения и общественной мысли. Заслуживают упоминания его статьи «Евгений Онегин и его предки» (1887), «Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени» (1895), «О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица» (1897), «Памяти А. С. Пушкина» (1899), «Недоросль» Фонвизина» (1896).

Особое место в творческом наследии историка занимают его многочисленные лекционные курсы, посвященные методологии истории, обзору истории России, историографии и источниковедению. Составленные в 80-е годы, они достаточно полно характеризуют философские и социологические взгляды Ключевского, которые отличались недостаточной четкостью и были весьма эклектичны, хотя и отражали определенное движение вперед буржуазной исторической науки.

Ключевский был далек от того, чтобы отрицать актуальное политическое значение исторической науки. «Без истории теперь, как и во всякое переходное время, — писал он, — нет спасения»¹. Стремясь в условиях резкого обострения классовой борьбы примирить с помощью исторических примеров и аналогий интересы антагонистических классов, и прежде всего интересы буржуазии и пролетариата, Ключевский понимал зависимость историка от злободневных политических вопросов и течений. «Историческое изучение, — утверждал он, — объективно цепляется за сильное движение, обнаруживающееся в обществе, и стремится иллюстрировать то, что становится насущным интересом минуты, дать ответ на вопрос, составляющий злобу текущего дня»².

Философские взгляды историка были расплывчаты и противоречивы. В них можно уловить постепенную эволюцию от элементов широко распространенного позитивизма к неокантианству. Считая, что без историко-философской основы «история становится забавой праздного любопытства», что в исторической науке «есть своя таблица умножения, свое непререкаемое *дважды два*»³, Ключевский позже приходит к противопоставлению науки о природе, изучающей определенные закономерности, исторической науке, описывающей индивидуальные явления.

Во введении к «Курсу русской истории» Ключевский выражал надежду, что «из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем — и это будет торже-

¹ Письма В. О. Ключевского П. П. Гвоздеву, стр. 75.

² В. О. Ключевский. Соч., т. VI, стр. 303.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. VIII, стр. 354, 358.

ством исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ее — наука об *общих* законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий»¹.

Называя себя историком-социологом, мечтая об открытии общего социологического закона «независимо от местных условий», Ключевский при изучении конкретной исторической действительности фактически отрицал наличие общих закономерностей, когда писал, что «научный интерес того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общежития. В этом отношении история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имевших место в других странах, если только в истории возможен подобный случай, представляла бы для наблюдателя немного научного интереса»².

Таким образом, под общими рассуждениями о социологических законах скрывалось типично неокантианское отрицание закономерностей исторического развития.

Предметом исторической науки Ключевский считал «происхождение, развитие и свойства людских союзов», которые он делил на два вида: «первичные», или «естественные», и «вторичные», или «искусственные». В основе возникновения «первичных союзов» — семьи, рода, племени — лежит человеческий инстинкт, а в основе «вторичных» — государства и церкви — сознательные действия. Связующим «элементом» является язык, родство, власть, труд, капитал, а «историческими силами», регулирующими их, — природа страны, человеческая личность и общество.

Противопоставляя исторический процесс развитию природы, Ключевский усматривал отличие их в «бесконечном видоизменении» исторических явлений, а главное, в наличии осознанных целей. Различая местную и общую историю, он видел в развитии всемирной истории три пути: мирное «общение» или враждебное «столкновение» союзов; «поглощение» или «слияние» их; путь «исторической передачи», сводящийся к «географическому перемещению» и «историческому движению».

Л. В. Черепнин, впервые охарактеризовавший философские и социологические взгляды Ключевского на основании неопубликованного «Курса методологии истории»³, подчеркивая их эклектичность, обратил внимание на то, что Ключевский различал два метода исследования: субъективный и объективный. Такое деление основывалось на субъективно-идеалистическом представлении, по которому «историческая действительность

как таковая и она же как результат познания ее историком-исследователем — явления совершенно различные»¹. Отсюда для Ключевского, как и других буржуазных историков-идеалистов, на первый план выдвигалась не подлинная история как объект исследования, а собственное мировоззрение и политические убеждения, окрашивающие в соответствующие тона изучаемые события.

Эта особенность общеисторических взглядов историка, по мере усложнения социально-экономических и политических противоречий в стране, накладывала все более заметный отпечаток на его труды по русской истории.

Кроме того, сама попытка перехода от постановки отдельных проблем к историческому синтезу нового социально-экономического материала и созданию цельной концепции русской истории таила для него неразрешимые противоречия.

Вершина научного творчества Ключевского — пятитомный «Курс русской истории» — в буржуазной историографии был первым обобщающим трудом, в котором освещалась экономическая, общественная и культурная жизнь России². Вместе с тем он определил ту предельную черту, дальше которой не могла пойти идеалистическая буржуазная историография в обобщении нового материала. В 90-е годы XIX в., когда развитие новых начал в исторической науке было связано с марксистским направлением, буржуазная наука, столкнувшись с непреодолимыми препятствиями, повернула назад. И Ключевский совершенно закономерно, будучи крупнейшим представителем этой науки, в общей схеме «Курса русской истории» вернулся к государственной школе, отказавшись от многих положений, высказанных в работах 70—80-х годов.

Первые две лекции «Курса...» содержат методологическое введение, в котором автор определяет задачу изучения русской истории, излагает свою схему социально-исторического процесса «в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время»³. Видя в этих сочетаниях «основной предмет исторической социологии», автор выдвигал на первый план особенности русской истории, основанные на «своеобразном сочетании действовавших в нашей истории условий народной жизни»⁴.

Три исторические силы, по Ключевскому, создают «людское общежитие»: личность, общество, природа. Каждая из этих сил вносит в «людское общежитие» свои элементы или связи, с по-

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 19.

² Там же, стр. 26.

³ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 158—159.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 160.

² См. М. Н. Тихомиров. Указ. ст., стр. 156.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 19.

⁴ Там же, стр. 26.

мощью которых осуществляется ее деятельность, складываются и держатся людские союзы. Элементы общегития могут быть либо свойствами и потребностями человека, либо стремлениями и целями его деятельности, либо отношениями между людьми, возникающими в процессе этой деятельности. В соответствии с основными свойствами и потребностями человека, Ключевский делил элементы общегития на физиологические — пол, возраст, кровное родство; экономические — труд, капитал, кредит; юридические — власть, закон, право, обязанности; духовные — религия, наука, искусство, нравственность.

Складывающиеся из этих элементов «людское общегитие» поддерживается общением и преемством. Из отдельных лиц, понимающих друг друга с помощью разума и чувствующих нужду «один в другом», на основании общности действий «для удовлетворения потребностей» составлялись постоянные союзы. «Преемственной связью поколений вырабатывалась цепь союзов», образующих «сложные исторические типы»¹.

Такими историческими типами Ключевский считал семью, род, племя, народ, государство. «Начавшись кровной связью тесной семьи, процесс завершался сложным государственным союзом»². В своей схеме социально-экономического развития Ключевский полностью отсждествлял интересы народа и государства. «Народ становится *государством*, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона. В государстве, — подчеркивал историк, — народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения»³.

Вводя различные элементы для объяснения исторического развития, Ключевский стремился показать его с новой, социально-экономической стороны. В этом было то новое, что он внес в познание русской истории сравнительно с Чичериным, Соловьевым, Костомаровым. Но за множественностью различных элементов скрывалось главное — материальные основы общественной жизни, которые в своих ранних работах стремился показать Ключевский. На первый план выдвигались «умственный труд и нравственный подвиг» ...самые мощные двигатели человеческого развития, которые «кладут наиболее прочные основы житейского порядка»⁴.

По такой идеалистической схеме, отражавшей влияние позитивистских социологических теорий, строил Ключевский периодизацию русской истории. Ее стержневой основой были

этапы колонизации русским народом восточноевропейской равнины. «Я делю нашу историю, — писал он, — на отдели или периоды по наблюдаемым в ней народным передвижениям... Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общегитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке»¹.

В соответствии с этим принципом Ключевский и говорит о четырех периодах истории как главных моментах колонизации, характеризуя каждый из них с политической и экономической стороны².

Первый период — Русь днепровская, городская, торговая, с VIII по XIII век; второй — Русь верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая, с XIII до середины XV века; третий — Русь великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая, с половины XV до второго десятилетия XVII века; четвертый — всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского, с начала XVII до половины XIX века. Кратко те же периоды Ключевский обозначает как «днепровский, верхневолжский, великорусский, всероссийский».

В такой периодизации напрасно искать отражение роли народных масс как активного начала русской истории или классовой борьбы как ее движущей силы. Определяющее начало — колонизация, конечный результат — государственная власть, экономика — дополнительный момент. Однако уже само введение экономического признака было шагом вперед по сравнению с Соловьевым и другими предшественниками.

Характеристика каждого из периодов подтверждает это.

Начало русской истории, или ее первый — «днепровский» период, Ключевский связывал не с призванием варягов, а с военным союзом восточных славян, существовавшим на Карпатах в VI в. под предводительством князя дулебов. «Этот военный союз, — пишет историк, — и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она... началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат»³.

В процессе последующего расселения военный союз распался на племена, племена в свою очередь разложились на роды, а последние стали дробиться на мелкие дворы, или семейные хозяйства. В связи с этим автор фиксирует внимание «прежде всего на последствиях юридических, какими сопровождалось расселение восточных славян»⁴.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 22.

² Там же, стр. 23.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 40.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 32.

² Там же.

³ Там же, стр. 110—111.

⁴ Там же, стр. 114.

Затем экономический интерес, обусловленный свойствами страны и внешними обстоятельствами, «вызвал обратный процесс постепенного взаимного сцепления»¹. Ошибочно считая основным занятием славян не земледелие, а торговлю, Ключевский связывал с ней все дальнейшее развитие. Оживленная внешняя «торговля стянула разбросанные одинокие дворы в сельские торговые средоточия, погосты, потом в большие торговые города с их областями»². Под влиянием внешней опасности торговые города вооружились. Возникла городская область — торговый округ, управляемый укрепленным городом. Это была, по мнению Ключевского, «первая местная политическая форма, образовавшаяся на Руси»³.

Вторую он связывал с появлением варяжских князей. «В тех промышленных пунктах, куда с особенной силой приливали вооруженные пришельцы из-за моря, они легко покидали значительные торговые товарищеские или наемных охранителей торговых путей и превращались во властителей»⁴. Так возникла вторичная политическая форма — варяжские княжества.

В результате объединения варяжских княжеств и городских областей «вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси... великое княжество Киевское»⁵. В нем Ключевский видел «древнейшую форму русского государства». Причиной возникновения этого государства он считал общие торговые интересы всех областей и княжеств, а также вооруженную силу варяжского князя, который, «став носителем и охранителем общего интереса, подчинившего ему торговые города страны,... из вооруженной силы превращается в политическую власть»⁶. Этому способствовало географическое положение Киева, бывшего главным оборонительным форпостом страны против степных кочевников и «центральной вывозной факторией» древнерусской торговли⁷.

Таким образом, на место действительных предпосылок образования Древнерусского государства, связанных с развитием феодальных отношений, Ключевский поставил торговлю, значение и удельный вес которой непомерно преувеличил, и варяжских князей, которым ошибочно отводил ведущую роль.

Начало второго — «верхневолжского» периода Ключевский связывал с перемещением населения с Приднепровья в район Верхней Волги. Причинами запустения Киевской Руси и последующего «колониационного перелета» он считал « юриди-

ческое и экономическое принижение низших классов, княжеские усобицы и половецкие нападения»¹.

Новый период, по утверждению Ключевского, принес коренные перемены в русскую жизнь. «Русь днепровская сменяется Русью верхневолжской; волостной город уступает место князю»². Территориальные и политические изменения определяют новое экономическое и политическое устройство: вместо городских областей — княжеские уделы, «вместо внешней торговли — сельскохозяйственная эксплуатация земли с помощью вольного труда крестьянина-арендатора»³.

Подменяя и здесь действительное развитие производственных феодальных отношений географическими условиями и организующей деятельностью княжеской власти⁴, Ключевский видел в колонизации Северо-Восточной Руси этнографические и политические последствия. Первые выразились в формировании двух народностей: русской и украинской. Процесс этот Ключевский рисовал в откровенно шовинистическом плане. «Русская народность, завязавшаяся в первый период, — писал он, — в продолжение второго разорвалась надвое. Главная масса русского народа, отступив перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго-запада к Оке и Верхней Волге, там собрала свои разбитые силы, окрепла в лесах центральной России, спасла свою народность и, вооружив ее силой сплоченного государства, опять пришла на днепровский юго-запад, чтобы спасти остававшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния»⁵.

Лекция XVII, посвященная образованию великорусского племени, одна из наиболее ярких по силе и образности изложения. Но многие верные замечания и наблюдения сочетаются здесь с преувеличением роли географической среды, с чисто психологической трактовкой великорусской народности. Политическим следствием колонизации, по утверждению Ключевского, было образование удельного порядка княжеского владения. И здесь главным основанием нового удельного строя являлось не развитие феодальных отношений, а географические особенности. «При содействии физических особенностей верхневолжской Руси, — писал Ключевский, — колонизация вывела здесь мелкие речные округа, уединенные друг от друга, которые и служили основанием политического деления страны, т. е. удельного ее дробления»⁶.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 149.

² Там же,

³ Там же, стр. 136.

⁴ Там же, стр. 138.

⁵ Там же, стр. 144.

⁶ Там же, стр. 148.

⁷ Там же, стр. 146.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 282.

² Там же, стр. 271.

³ Там же, стр. 272.

⁴ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 166.

⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 231.

⁶ Там же, стр. 349.

Другим основанием удельного порядка было понятие о князе как личном собственнике удела, его заселителе и строителе. Отсюда логически вытекало преувеличенное представление о князе и его власти как единственном организующем начале.

Здесь Ключевский противоречил сам себе. Признавая народный характер колонизации, он в то же время говорил о князьях как главных строителях и заселителях Северо-Восточной Руси. Все население княжеств у него — лишь временные съемщики княжеской земли; крестьяне не были прикреплены и могли передвигаться по всей территории Северо-Восточной Руси, странствуя из удела в удел в качестве свободных арендаторов княжеской или боярской земли.

Бояре и военные слуги свободно переходили от одного князя на службу к другому, будучи связаны с ними отношениями договора, а не политического подданства. Если в «Боярской думе...» Ключевский был близок к признанию феодализма, то теперь удельно-вотчинную систему с ее частновладельческими княжескими отношениями он противопоставил западноевропейскому феодализму, отрицая его наличие на Руси в XIII—XIV веках. «В удельном порядке, — указывал он, — можно найти немало черт, сходных с феодальными отношениями, юридическими и экономическими; но имея под собою иную социальную почву, подвижное сельское население, эти сходные отношения образуют иные сочетания и являются моментами совсем различных процессов»¹.

Удельную систему Ключевский считал не определенным этапом русской истории, а «переходной политической формой, посредством которой Русская земля от единства национально-го перешла к единству политическому»². Отмечая, что в отношениях между удельными князьями «нельзя было усмотреть никакого порядка», что они «в большинстве... были свободны от чувства родства и общественного долга»³, буржуазный историк не видел внутренних сил, способных противодействовать «инстинктам самосохранения и захвата». Почти не касаясь таттаро-монгольского ига, он писал, что власть «хана давала хотя призрак единства мельчайшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей»⁴.

Наибольший интерес Ключевского вызывал третий — «великорусский» период русской истории. Московскому государству были посвящены крупнейшие монографические исследования историка. Видя в нем воплощение «политического единства на народной основе»⁵, Ключевский старался объяснить про-

цесс его возникновения целым рядом факторов — географических, этнографических, внешнеполитических, экономических и социальных.

Ключевский утверждал, что благоприятное сочетание всех этих условий, среди которых на первое место он ставил географический фактор и внешнюю опасность, было основой возвышения Московского княжества. Стремление великорусской народности найти свой политический центр и объединить вокруг него силы для борьбы с внешним врагом — такова главная причина объединительного процесса, по Ключевскому. В его схеме образования Московского государства нет места социально-экономическому развитию русских земель, росту производительных сил, общественному разделению труда и, конечно, полностью игнорируется классовая борьба как основная движущая сила.

Процесс создания великорусского государства он сводил к превращению Московской великокняжеской «вотчины» в «государство». «Можно так выразить этот факт, — писал Ключевский, — *завершение территориального собирания Северо-Восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство* и таким образом сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя»¹.

Основным стимулом развития складывающегося государства Ключевский считал внешнеполитическую опасность.

Экономическое развитие определялось, по его мнению, господством сельского хозяйства, основанного уже не на вольном, а на крепостном труде. В конце XVI — начале XVII века крестьянин, «малоземельный и малоусидчивый хлебопашец, весьма задолженный, в хозяйстве которого все, и двор, и инвентарь, и участок было наемное или заемное...»², под давлением экономической зависимости от землевладельца «сам отказывался в порядной записи навсегда от права каким-либо способом прекратить принимаемые на себя обязательства»³ и становился крепостным. Как уже отмечалось, такая теория закрепощения, выдвигавшая на первое место экономический фактор, была шагом вперед, хотя Ключевский сводил все лишь к крестьянской задолженности и не касался развития барщины как одного из путей закрепощения.

Считая уровень товарного хозяйства в XVI в. крайне примитивным, Ключевский не затрагивал развития русского города, ремесла и торговли.

Подробно рассматривая создание поместного землевладения в связи с укреплением самодержавной власти, буржуазный

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 362.

² Там же, стр. 369.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 43.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 115.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 114.

² Там же, стр. 307—308.

³ Там же, стр. 328.

историк не видел ее классовой направленности, ничего не говорил об усилении господства феодалов. Отсюда социальная структура Русского государства изображалась им не в соответствии с классовыми противоречиями феодального строя, а в соответствии с разделением государственных обязанностей между сословиями: «Были командиры, солдаты и работники, не было граждан, т. е. гражданин превратился в солдата или работника, чтобы под руководством командира оборонять отечество или на него работать»¹.

«Общепризнанное» государство представлялось ему в качестве надклассовой силы, создавшей новый «класс» помещичьего дворянства и вступившей на путь борьбы с другим «классом» — боярством, в среде которого зрело недовольство крепнущей самодержавной властью. «Источником этих столкновений, — писал Ключевский, — были не противоречивые политические стремления обоих государственных сил..., а несообразность в установившемся уже государственном порядке»². Бояре возомнили себя «властными советниками государя всея Руси», а последний считал их «холопами государевыми». Выход был в том, чтобы «устранить боярство как правительственный класс и заменить его другими, более гибкими и послушными орудиями управления»³.

Ключевский не понял истинных причин центробежного реакционного смысла боярской оппозиции и не сумел правильно оценить значение опричнины как реформы, направленной на укрепление централизованного государства. «Опричнина, — в его представлении, — выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготавливала действительную»⁴. Ключевский прямо пишет о беспечности опричнины и ставит под сомнение смысл всей деятельности Ивана IV. Его исключительно яркая характеристика «первого из московских государей, который живо почувствовал в себе царя в настоящем... смысле помазанника божия», грешит односторонностью.

Конечно, вряд ли можно сближать точку зрения Ключевского на царствование Грозного с карамзинской⁵, но тем не менее он был далек от правильной оценки его политической деятельности, когда отмечал в чисто психологическом плане, что «царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого и рядом с этим наделал еще больше поступков, ко-

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 397.

² Там же, стр. 180.

³ Там же, стр. 181.

⁴ Там же, стр. 185.

⁵ См. Историография истории СССР, стр. 313.

торые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений»¹.

Вопреки своему утверждению о разделении государственных обязанностей между сословиями, Ключевский приблизился к признанию классового характера бурных событий русской истории в начале XVII в.: «По мере того как оборонительная борьба превращалась в наступательную, с верхних общественных классов снимались их специальные повинности, заменяясь специальными сословными правами, и сгущивались на низших классах... росло чувство народного недовольства»².

Разумеется, истинные социальные причины «смутного времени» были заслонены у Ключевского политическими и прежде всего династическим конфликтом, в котором он видел первопричину «смуты». «Смуту» начало боярство, а затем в нее последовательно втягиваются все классы русского общества, «в том самом порядке, в каком они... были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице чинов»³. Конец «смуты» столь же произвольно связывался с объединением всех сил общества, почувствовавшего свою страну и государство на краю гибели.

Несмотря на явную надуманность схемы Ключевского, его лекции, посвященные началу XVII в., были одной из первых в буржуазной историографии попыток анализа сложнейших экономических и социально-политических явлений, в котором, помимо своей воли, автор касался классовых противоречий и классовой борьбы.

Последний, четвертый — «всероссийский» период русской истории Ключевский считал «новой историей», представлявшей «особенный интерес»⁴. «Это не просто исторический период, — говорил он, — а целая цепь эпох, сквозь которую проходит ряд важных фактов, составляющих глубокую основу современного склада нашей жизни, — основу, правда, разлагающуюся, но еще не замененную»⁵.

Три противоречивых процесса определяли, по мнению Ключевского, содержание этого периода: 1) по мере расширения территории государства и роста его внешнеполитической силы все более стеснялась внутренняя свобода народа; 2) по мере сокращения свободы трудящихся классов увеличивалась производительность народного труда; 3) по мере демократизации управления (в смысле передвижения власти от боярства к дворянству) усиливалось социальное неравенство и дифференциация.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 190.

² В. О. Ключевский. Соч., т. III, стр. 15.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Там же.

Все эти «три процесса, — пишет Ключевский, — полные та-ких противоречий и захватывающие все главные явления пе-риода, не были аномалиями, отрицанием исторической законо-мерности: назовем их лучше историческими *антиномиями*, ис-ключениями из правил исторической жизни, произведениями своеобразного местного склада условий, который, однако, раз образовавшись, в дальнейшем своем действии повинется уже общим законам человеческой жизни, как организм, с расстро-енной нервной системой, функционирует по общим нормам ор-ганической жизни, только производит соответствующие своему расстройству ненормальные явления»¹.

Источником столь серьезных ненормальностей историк счита-ет «неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа»². Следовательно, и здесь, в соот-ветствии со своими политическими и общеисторическими убеж-дениями, ответ на вопрос, почему «государство пухло, а народ хирел»³, Ключевский искал не в области феодально-крепостни-ческих противоречий, а в области внешней политики Русского государства.

Основными задачами Русского государства, по Ключевско-му, было завершение политического объединения русской на-родности и расширение территории до пределов русской рав-нины. Затем оборонительные войны, отмечал он, превратились в наступательные, «в борьбу за такие части Русской земли, ко-торыми Московское государство еще не владело дотол»⁴.

Подробно рассматривая такие внешнеполитические задачи, как воссоединение Украины и завоевание выхода к Балтийско-му морю, Ключевский указывал, что решение их путем дея-тельных войн привело к перенапряжению народных сил и, как следствие, к «расширению государственной власти за счет общественной свободы»⁵.

В связи с освещением внешней политики историк касался положения народных масс, обилия народных мятежей в XVII веке, их социальной окраски в XVIII веке. Правда, упомина-я о «пугачевщине», Ключевский подчеркивал, что она «высту-пала под легальным знаменем, несла с собой идею законной власти против екатерининской узурпации с ее пособниками-дворянами»⁶.

Отношение Ключевского к деятельности Петра I и его ре-формам было двойственным. «Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа»⁷, — утверждал он, —

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. III, стр. 30.

² Там же, стр. 12.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 92.

⁵ Там же, стр. 129.

⁶ Там же, стр. 14.

⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. IV, стр. 220.

«...преобразовательная программа Петра... была вся готова еще до начала деятельности преобразователя»¹. В то же время все реформы Ключевский связывал с деятельностью Петра как преобразователя, а главной причиной их считал Северную вой-ну. «Война является обстановкой реформы, даже более — име-ла органическую связь с его преобразовательной деятельно-стью, вызвала и направляла ее»², — писал он.

Изменения в социально-экономической жизни страны Ключевский выводил из правительственных преобразований, опро-кидывая таким образом исторический процесс вверх дном.

Далекий от безудержного восхваления Петра I и его дея-тельности, он ценил в ней прогрессивные начала, сравнивал ее «с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посе-ва»³. Ключевский настойчиво подчеркивал стремление Пете-ра I к «общему благу». Он не видел классовых основ петров-ской политики, а все народные движения начала XVIII века объяснял не усилением феодальной эксплуатации, а грубым введением бытовых новшеств, злоупотреблениями власти, воз-растанием налогов.

Усилившиеся реакционно-идеалистические тенденции исто-рика проявились в характеристике второй четверти XVIII века. Абстрагируясь от социально-экономических предпосылок ро-ста политической роли дворянского класса, Ключевский ут-верждал, что поскольку «почти все правительства, сменявшие-ся со смерти Петра I до воцарения Екатерины II, были делом гвардии»⁴, а гвардия состояла из дворян, у последних разрабо-талось представление о своем особом положении. «При содей-ствии этого взгляда и обстоятельств его установивших, — пи-сал Ключевский, — изменялись и положение дворянства в го-сударстве и его отношения к другим классам общества»⁵.

Столь упрощенное представление о причинах установления «дворяновласти» усугублялось неверной оценкой второй чет-верти XVIII века как периода общего упадка в стране, связан-ного с отрицательной реакцией дворянства на петровские пре-образования.

Все события, происходившие в России в 1762—1855 гг., Ключевский рассматривал исключительно в связи с правительст-венной политикой. Тем не менее он был одним из первых бур-жуазных историков, опровергших ошибочный взгляд на прав-ление Екатерины II как на время расцвета Российской импе-рии.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. III, стр. 364.

² В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 207.

³ Там же, стр. 222.

⁴ В. О. Ключевский. Соч., т. IV, стр. 266.

⁵ Там же, стр. 267.

Ключевский подчеркнул, что дворянское господство пагубно отразилось на экономическом и политическом развитии, а достигшее апогея крепостное право стало основным тормозом в жизни страны. Приближаясь к правильной характеристике соотношения классовых сил, он указывал: «Усилилась рознь между социальными составными элементами коренного русского общества; это усиление было следствием тех отношений, в какие поставлены были законодательством Екатерины два основных класса русского общества — дворянство и крепостное крестьянство»¹.

Историк показывает, как дворянство, превращаясь, благодаря своему участию в дворцовых переворотах, «из простого правительственного орудия в правящий класс», постепенно сбрасывало с себя одну государственную обязанность за другой, не теряя прежних прав и даже приобретая новые. Вслед за ним «раскрепилось» торгово-промышленное сословие. Оба класса, составляя незначительную часть населения, оказались в исключительном положении. Ключевский считал, что освобождение дворянства от обязательной службы было значительно ускорено участием его в дворцовых переворотах, т. е. шло «не вполне законным порядком, революционными средствами»².

Таким же путем стремилось освободиться крепостное крестьянство. «Вслед за дворянством, — говорит историк, — и оно хотело достигнуть свободы рядом незаконных восстаний»³. В этом он видел «смысл многочисленных крестьянских мятежей, которые начались в царствование Екатерины II и которые, постепенно распространяясь, слились в громадный пугачевский бунт»⁴. Однако тут же Ключевский добавляет, что во имя общественного порядка нельзя допускать «насильственного раскрепления». Будучи решительным сторонником мирного разрешения социальных противоречий и конфликтов, историк был убежден, что положение крестьян «следовало устроить законным путем, посредством правомерного определения стношений к земле»⁵.

Во всей последующей внутренней политике правительства, вплоть до реформ 60-х годов, Ключевский настойчиво ищет стремление «сблизить между собою разные классы общества, уравнивая их перед законом». Заканчивая свой «Курс...» «Очерком важнейших реформ Александра II», он приходит к выводу, что благодаря реформе 1861 года «общество уравнилось перед законом», а земская реформа восстановила «совмест-

ную деятельность сословий в делах политических и хозяйственных»¹.

Ряд интересных догадок высказал Ключевский при освещении внешней политики России второй половины XVIII и первой половины XIX века, хотя в целом не мог вскрыть ее классовые основы, считая главной задачей «призвание к политическому бытию славянских и православных племен Балканского полуострова по мере их политического пробуждения»².

Наиболее характерными чертами в русской истории первой половины XIX в. Ключевский считал внешнеполитические успехи, развитие законодательства, расцвет русского творческого гения. За этими тремя светлыми сторонами скрывалась теневая, мрачная сторона — «небывалый организованный гнет правительственной опеки и полицейского сыска».

С либерально-буржуазных позиций Ключевский критиковал безразличие правительства к «подъему народных производительных сил», его «усиленно-заботливое полицейское ограждение народных масс от духовного соприкосновения с образованными классами с целью насильственной задержки народа в послушном невежестве»³.

Рисуя с присущим ему мастерством портреты русских самодержцев, Ключевский едко критиковал их в пределах либерально-буржуазной оппозиционности. «Павел, Александр I и Николай I, — писал он в черновых набросках «Курса...», — владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес, упражняли на ней свою волю, не желая и не умея понять нужд народа, истощали в своих видах его силы и средства, не обновляя и не направляя их в целях народного блага»⁴.

В «Курсе русской истории» ярче всего сказались замечательные лекторские качества Ключевского, его непревзойденное искусство художественного воссоздания картин далекого прошлого. Неповторимая по своей яркости галерея исторических портретов выдающихся деятелей русской истории проходит через весь «Курс...», воссоздавая живые образы прошлого и среду, в которой они жили и действовали. «Ключевский принадлежал к особой категории историков-художников, среди которых мало найдется равных ему по мастерству», — отмечает Н. Л. Рубинштейн⁵.

Манера изложения Ключевского не похожа на внешнюю художественность Карамзина или Костомарова. Для него характерна образность мышления, благодаря которой ученому удает-

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. V, стр. 180.

² Там же, стр. 181.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. V, стр. 284.

² Там же, стр. 201.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. V. Комментарии, стр. 399.

⁴ Там же, стр. 400.

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 453.

ся подчас верно воссоздать связь между отдельными историческими событиями, разрушенную его идеалистической схемой.

В этом неповторимое очарование исторических исследований Ключевского и в первую очередь «Курса русской истории». «Ключевский, — пишет М. Н. Тихомиров, — обладал редким даром выпуклой и образной передачи даже труднейших исторических фактов, создав, пожалуй, единственное по красоте своей литературной формы и языка историческое повествование о судьбах России»¹.

Ключевский обращал большое внимание на тщательную литературную обработку своих лекций, и не случайно они пользовались колоссальным успехом. Почти математическая точность выводов и формулировок в сочетании с яркостью изложения, остроумием, меткостью сравнений и эпитетов отличают стиль и язык этого талантливого русского историка.

В целом «Курс русской истории» Ключевского со всеми его достоинствами и недостатками был определенным и важным итогом в развитии буржуазной исторической мысли последней четверти XIX века.

К числу несомненных заслуг автора «Курса...», которые отличали его от предшествующих трудов крупнейших дворянских и буржуазных историков, следует отнести обращение к изучению экономической, общественной и культурной истории России, стремление к освещению социальной жизни русского народа, отказ от традиционного деления русской истории по княжениям и царствованиям и попытку создания новой периодизации с учетом экономического фактора, определение начального момента отечественной истории с VI века, вопреки норманской теории, доведение изложения до середины XIX века, источниковедческую основательность и, наконец, непревзойденную гибкость и образность языка.

Что касается недостатков, то в первую очередь необходимо отметить методологическую несостоятельность исторической теории, положенной в основу «Курса...». В нем отчетливо видна теоретическая беспомощность буржуазной историографии в создании строго научной концепции русской истории.

Стремление Ключевского к изучению социально-экономических проблем русской истории вступало в противоречие с его соглашательскими политическими взглядами, а общая идеалистическая позиция предопределила неудачу в решении поставленных проблем.

Народ не был у Ключевского основной действующей силой русской истории, он выступал в ограниченной бытовой, этнографической сфере; его быт и нравы, положение и интересы являлись лишь одним из проявлений исторической жизни, своего рода вспомогательным историческим материалом.

Методологическая порочность обусловила непонимание определяющей роли экономики, эклектизм его суждений, соединение различных точек зрения, отсутствие связи между отдельными периодами и научного обоснования граней между ними, стремление втиснуть все многообразие исторического процесса в узкие рамки социологической формулы.

Этим же объяснялось отрицание феодализма в России, тяготение к изучению исторических фактов со стороны их юридической природы, недооценка социально-экономических предпосылок образования Русского государства, представление о нем как о «надклассовой силе», стремящейся к установлению «социальной справедливости», игнорирование антифеодальной сущности крестьянских восстаний.

Отсутствие классового анализа исторических событий сказалось в односторонней оценке петровских реформ, внешней политики, в том, что Ключевский считал восстание декабристов «последним гвардейским дворцовым переворотом», не касался деятельности представителей русской революционной демократии, умышленно обходил вопросы, связанные с развитием капитализма, формированием пролетариата и началом рабочего движения.

Значение и место Ключевского в русской историографии ясны и определены.

Внесением социально-экономического материала в свои исследования и созданием пятитомного «Курса русской истории» Ключевский достиг верхней точки в развитии русской буржуазной исторической науки. Он был ее последним крупным представителем, сделавшим попытку исторического синтеза на новой основе.

Ключевский пытался пересмотреть историческую концепцию Соловьева, хотел наполнить ее новым социальным и экономическим содержанием, отразить проблемы, возникшие в капиталистический период. Такая попытка сама по себе, несмотря на ее конечные результаты, не могла остаться незамеченной. Тем более что своими специальными монографическими работами, посвященными изучению социальной и экономической истории, Ключевский, обладавший редким сочетанием силы ума и богатства знаний с талантом художника, внес немало нового и ценного в изучение истории России. Его отдельные высказывания и положения, мастерский анализ источников не утратили значения до сих пор. В. И. Ленин, критикуя ошибочное утверждение Г. В. Плеханова о том, что «национализация земли была экономической основой московской Руси», ссылался на работы В. О. Ключевского¹.

¹ М. Н. Тихомиров. Указ., ст., стр. 159.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 14.

Ключевский стал создателем крупной школы в русской историографии, где после него прочно утвердилось экономическое направление. Исторические взгляды П. Н. Милюкова, М. М. Богословского, М. К. Любавского, А. А. Кизеветтера формировались под сильным воздействием этого крупнейшего буржуазного историка. Многие представители старшего поколения советских историков, и прежде всего М. Н. Покровский, также испытали его влияние.

Пожалуй, ни один из русских буржуазных историков не сумел подобно Ключевскому облечь свою идеалистическую, антинародную схему в столь высоко художественную форму. «Страх перед нарастающей революцией, — пишет М. В. Нечкина, — эмоционально окрашивал эту концепцию согласования классовых интересов, — Ключевский искренне хотел того, о чем говорил. Но историческая действительность кричала против схемы, нарастала революция, а вместе с ней и внутренний кризис исследователя»¹.

Развитие пролетарского движения, распространение марксистских идей и их соединение с рабочим движением исключали возможность примирения назревших противоречий, отсюда — эклектизм исторической концепции Ключевского и ее научная несостоятельность. «Знать свою историю — значит понимать, почему так было и к чему неизбежно приведет будущее»², — утверждал историк. И нужно отметить, что такое понимание, и тем более научное предвидение, оказались невозможными для автора приведенных строк, так как он отрицал революционный путь развития России.

Ложная историческая концепция Ключевского была оторвана от действительных нужд народа, отрицала его революционные возможности и объективно противостояла научной концепции русской истории, созданной В. И. Лениным и отражающей подлинные интересы народных масс.

ЛИТЕРАТУРА

- В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, М., 1919.
В. О. Ключевский. Курс русской истории. Соч., т. I—V, М., 1956—1958.
В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права. Соч., т. VII, М., 1959, стр. 237—317.
А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов Ключевского в 60-е годы XIX в. «Исторические записки», 1961, т. 69, стр. 178—196.
М. В. Нечкина, В. О. Ключевский. В сб. «Русская историческая литература в классовом освещении», т. II, М., 1930, стр. 217—346.
Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, стр. 146—170.
Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 441—469.

¹ М. В. Нечкина. Указ. ст., стр. 306—307.

² В. О. Ключевский. Соч., т. VI, стр. 475.

ЛЕКЦИЯ 9

НАРОДНИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Исторические корни и эволюция народничества. Философские и социологические основы народнического понимания истории. «Исторические письма» П. Л. Лаврова. В. В. Берви-Флеровский. Социологические взгляды Н. К. Михайловского. Представитель либерально-народнической историографии В. И. Семевский. Ленинская оценка субъективно-идеалистической социологии народников.

Важным звеном в истории русского освободительного движения второй половины XIX в. являются народники. В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России» указывал: «Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»¹.

До недавнего времени в исторической науке под влиянием культа личности И. В. Сталина, отразившегося столь рельефно в «Кратком курсе» истории партии, это важное ленинское указание не учитывалось, и проблема народничества, вследствие этого, игнорировалась как предмет специального научного исследования истории общественного движения пореформенной России. «Из поля зрения исследователей, — отмечает Б. С. Итенберг, — выпадала, таким образом, двадцатилетняя история (примерно с середины 60-х до середины 80-х годов XIX в.) освободительной борьбы в России»².

После XX съезда КПСС, положившего начало новому периоду развития советской исторической науки, правильная оценка героической деятельности революционного народничества в ходе плодотворной творческой дискуссии советских историков³ стала восстанавливаться.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

² Б. С. Итенберг. Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России. В сб.: «Советская историческая наука от XX к XXI съезду КПСС. История СССР», М., 1962, стр. 259.

³ См. Ж. «История СССР», 1961, № 5, стр. 116—117.

народники 70-х годов, как и революционные демократы 60-х, были предшественниками российской социал-демократии. Поэтому нельзя противопоставлять революционеров 60-х годов революционным народникам 70-х. Как те, так и другие боролись против самодержавия и крепостничества и являлись сторонниками крестьянской революции.

Однако было бы другой крайностью не видеть существенных различий между ними.

Перерастание «зачатков» народничества, возникших еще в конце 40-х годов, в развернутую народническую доктрину определялось прежде всего капиталистической эволюцией пореформенной деревни, которая вызывала быстрое превращение крестьян в товаропроизводителей, хозяйничающих при капитализме, т. е. в мелких буржуа, и сопровождалось разложением простых товаропроизводителей на два противоположных класса буржуазного общества — буржуазию и пролетариат.

Основная масса дифференцирующегося крестьянства подвергалась двойной эксплуатации — помещиков и капиталистов. Народническая доктрина и отражала глубокий протест мелких товаропроизводителей капиталистической России против остатков крепостничества, против самодержавно-помещичьего строя, против капитализма. «Двойственный характер» этого класса в капиталистических условиях определял противоречивость народнической идеологии. «Народнические теории, — писал В. И. Ленин, — будучи нелепы и реакционны с точки зрения борьбы за социализм против буржуазии, оказываются «разумными» (в смысле особой исторической задачи) и прогрессивными в буржуазной борьбе против крепостничества»¹.

Узкий кругозор мелких производителей, изолированность их друг от друга, прикованность к своему обособленному хозяйству исключали для народников, как идеологов этого класса, понимание классовой сущности самодержавного государства и закономерности капиталистического развития России.

Одной из самых существенных черт народнической теории, по определению В. И. Ленина, было ошибочное представление о капитализме, как отрицательном, регрессивном явлении русской действительности, которое якобы не имело ни будущего, ни исторических корней в прошлом.

Второй — являлась теория «самобытности» русского экономического строя, обусловившая одну из непререкаемых догм народничества об «исконности» общинного строя и спасительной роли крестьянской общины.

Третья черта народнической доктрины была связана с идеалистическим пониманием общественного развития. Игнорируя

связь правовой и политической надстройки с материальными интересами определенных общественных классов, проповедуя бесклассовость интеллигенции, народники противопоставляли «пассивной толпе» «критически мыслящие личности», которых они считали творцами истории.

Эти основные черты, роднившие народнические течения различных оттенков, показывают, что в теоретическом отношении народники по сравнению с представителями классического демократизма — Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым — сделали заметный шаг назад.

Виднейшие идеологи народничества П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский отступили от цельного философского материализма и революционно-демократического понимания истории Чернышевского и Добролюбова в сторону позитивизма и субъективистской социологии.

В ходе последующей эволюции среди народничества росло анархическое течение, распространялась бесплодная и пагубная для массового движения террористическая тактика, постепенно усиливались либеральные тенденции.

Народники перестали замечать враждебность самодержавного государства трудящимся массам и начали рассматривать царскую монархию как надклассовую организацию. В соответствии с этим одни говорили о «легкости» предстоящей революции, другие — о проведении реформы по инициативе самодержавия в интересах народа с целью усиления мелкого производства против капитализма.

Видя в капитализме «случайное зло», народники считали возможным предотвратить его, мечтали с помощью крестьянской общины осуществить «поворот России с ошибочного пути».

В ходе дальнейшей «капитализации» пореформенной деревни, растущей дифференциации крестьянства и развития рабочего класса, в народничестве, с одной стороны, усиливается влияние мелкобуржуазной идеологии, а с другой — выделяют пролетарские элементы, что приводит к расколу старого народничества, от которого отделяется немногочисленное пролетарски-социалистическое направление.

В 90-е годы народничество окончательно вырождается в либеральное. «Из политической программы, — писал В. И. Ленин, — рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштыпать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 215.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 272.

Эклектизм народнической теории, сочетание в ней элементов революционного демократизма с позитивизмом и субъективной социологией определили противоречивость народнического понимания истории.

А. М. Станиславская, которой принадлежит наиболее содержательная и полноценная характеристика народнической историографии 70—90-х годов¹, связывает возникновение субъективной народнической социологии со спадом общественного движения после неудачи первого революционного натиска. «Эти исторические условия, — отмечает она, — во многом определили и характер первых работ народнических социологов»². Наряду с отчетливой революционно-демократической защитой интересов народных масс, «здесь уже явственно выступает, несмотря на всю их народолюбческую фразеологию, неверие в творческие и революционные возможности народа»³.

Философские и социологические основы народнического понимания истории содержались в «Исторических письмах» П. Л. Лаврова, напечатанных в 1870 г., а также в статье Н. К. Михайловского «Что такое прогресс», опубликованной годом раньше.

«Исторические письма» Петра Лавровича Лаврова (1823—1900) проникнуты стремлением перенести философские начала позитивистской теории в русскую историческую науку.

Вслед за О. Контом, Лавров причислял социологию, или общественное знание, к высшим звеньям в системе научных знаний и ставил ее в один ряд с геометрией, механикой, физикой, химией, биологией, психологией и этикой. Считая социологию, как теорию «процессов и продуктов общественного развития», самой «важной и близкой частью естествознания», Лавров видел в ее развитии раскрытие объективных законов, которые «настолько же опираются на данные механики, химии, физиологии, как и на данные истории»⁴.

Отдавая предпочтение в изучении общества естественным наукам, Лавров лишал их свойственных только им особенностей. Он противопоставлял социологию, как естественную науку о развитии общественных процессов, истории, которая, по его представлению, исследует единичные и неповторимые явления.

Из отрицания объективной закономерности исторического развития вытекало признание правомерности личного, субъективного толкования событий и фактов прошлого. «Все,—утвер-

ждад Лавров, — судят об истории субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут»¹.

В отличие от Чернышевского, Лавров изображал процесс исторического познания не как постепенное приближение к пониманию внутренней закономерности событий, а как последовательную смену оценок, обусловленных нравственным идеалом того или другого историка. «Факты истории остаются, а понимание изменяет их смысл, и каждый период, приступая к истолкованию прошлого, вносит в него свои современные заботы, свое современное развитие»², — писал идеолог народничества 70-х годов.

Таким образом, представление об историческом процессе становилось научной фикцией, продуктом чисто субъективной, произвольной оценки, хотя Лавров и пытался в других работах обосновать принцип научного познания истории³, что лишь подтверждает эклектичность и непоследовательность его теории.

Противоречивое толкование проблемы познания исторического развития сочеталось у Лаврова с верой в «возможность выработать научное понимание прогресса и построить историю как науку»⁴. Сам он признавал прогрессивный характер исторического процесса, понимая чисто субъективистски «закон прогресса» как «единственный закон исторической группировки событий», независимо от того, «считаем ли мы этот прогресс фактически непрерывным или подтвержденным колебаниями, верим ли мы в его реальное осуществление или только в его сознание»⁵. Прогресс Лавров идеалистически связывал с физическим, умственным и нравственным развитием личности и воплощением в общественных формах истины и справедливости.

В таком определении предмета истории отчетливо видны те отступления в теоретическом отношении, которые характерны для революционного народничества 70-х годов по сравнению с революционерами-демократами Чернышевским и Добролюбовым. «История может быть понята, — писал Лавров, — лишь как наука прогресса, а прогресс сам по себе есть не более как субъективный взгляд на события с точки зрения нашего нравственного идеала»⁶. Научность истории, в субъективистском

¹ П. Л. Лавров. Исторические письма, стр. 36.

² Там же, стр. 17.

³ См. П. Лавров. Формула прогресса Н. К. Михайловского. Противники истории. Научные основы истории цивилизации. СПб., 1906, стр. 79—83, 141, 142.

⁴ П. Л. Лавров. Исторические письма, стр. 51.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ Там же, стр. 46.

¹ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, гл. III, стр. 171—218.

² Там же, стр. 173.

³ Там же.

⁴ П. Л. Лавров (П. Миртов). Исторические письма, изд. 3, СПб., 1906, стр. 14—15.

понимании Лаврова, была обусловлена «возможностью работать... нравственный идеал, который *должен неизбежно* утвердиться в человечестве, как единая научная истина»¹.

Теория и практика прогресса Лаврова отрывалась от реальной исторической действительности, целиком и полностью зависела от субъективной оценки этой действительности «критически мыслящей личностью», как «единственного орудия человеческого прогресса». «Как ни мал прогресс человечества, — утверждал Лавров в пятом письме, — но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях: без них он, безусловно невозможен»².

Автор «Исторических писем» был одним из создателей теории «критически мыслящих личностей» как основной движущей силы исторического развития. Хотя он на словах и признавал решающую роль народных масс в предстоящей революции, его теория «критически мыслящих личностей», ведущих за собой массы, фактически отрицала это чисто внешнее признание, была чужда ему и положила начало народнической догме о руководящей роли интеллигенции, как мыслящего меньшинства. Противопоставление «критически мыслящих личностей» безликому «лагерю трудящихся» достигло своего крайнего выражения позднее у Михайловского в его теории «героев и толпы». Лавров же, связывая прогресс с деятельностью отдельных личностей, на место классовых противоречий выдвигал противоречия между личностью и обществом.

Для Лаврова характерен резкий и определенный протест против существующего строя, протест против оправдания самодержавной действительности с позиций формального объективизма Соловьева и Ключевского. В антикрепостническом, антисамодержавном звучании его теории, в горячих призывах революционера, считавшего, что «нужно не только слово, нужно дело. Нужны энергические, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем»³ — секрет популярности Лаврова среди русской молодежи конца 60-х и 70-х годов.

При всем субъективизме и теоретической несостоятельности «Исторические письма» Лаврова привлекали передовую русскую молодежь решительным осуждением существующего строя, идеей служения народу, верой в торжество свободы. Автор их вел большую подпольную революционную работу, принимал деятельное участие в революционном студенческом движении 1861 года в Петербурге, был частым гостем Чернышевского, которого очень высоко ценил.

¹ П. Л. Лавров. Исторические письма, стр. 46.

² Там же, стр. 95.

³ Там же, стр. 140.

В 1866 г. Лаврова арестовали и в следующем году сослали в Тотьму, затем Кадников, Вологодской губернии, где он и написал свои «Исторические письма». Его перу принадлежит более 150 работ по философии, социологии, истории. В 1870 г. он с помощью Лопатина бежал в Париж, участвовал в Парижской Коммуне, был членом Интернационала, а в 1871 г. в Лондоне познакомился с Марксом и Энгельсом и считал себя их последователем, хотя на самом деле эклектически сочетал отдельные ошибочно понятые им положения марксизма с анархизмом и позитивизмом. За границей он издавал журнал «Вперед», пропагандировавший народнические идеи. Несмотря на работу в Интернационале, борьбу в рядах коммунаров и длительное личное общение с Марксом и Энгельсом, Лавров до конца жизни сохранил свои субъективистские социологические взгляды.

Это был один из немногих народников, глубоко, профессионально интересовавшийся историей. Первобытному обществу посвящены такие его работы, как «Цивилизация и дикие племена», «До человека», «Первобытная форма человеческих отношений», средним векам — «Средневековый Рим и папство в эпоху Феодоры и Мароции», «Эпоха появления новых народов в Европе». В статье «История городского и сельского устройства в Западной Европе», опираясь на работы Маурера и Мэна по истории общинного землевладения, он рассматривал эту проблему в приложении к России.

Среди многочисленных проблем истории, привлекавших Лаврова, на первом месте стояла история революционного движения в России и Западной Европе. Особый интерес представляет его работа «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года» — лучшее научное исследование по истории Парижской Коммуны тех лет, написанное под заметным влиянием «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. Подчеркнув большое историческое значение опыта Коммуны, Лавров стремился показать ее влияние на развитие освободительного движения в России.

В соответствии с общей ориентацией народников на крестьянство и крестьянскую революцию, он изучал антифеодальное движение крепостных и, в частности, восстание под руководством Е. Пугачева. Освещение Лавровым пугачевского восстания в статье «В память столетия пугачевщины» (1874) обнаруживает близость его точки зрения к трактовке крестьянских выступлений революционерами-демократами 60-х годов. Это восстание, пишет Лавров, «вспыхнуло кровавым, пожирающим, истребительным пламенем, охватившим на несколько месяцев обширный край; осветило пропасть бедствий русского народа, непрочность и лицемерие русского императорства, гро-

зило уничтожением всему «господствующему строю»¹. Это было восстание русского народа «против его вековых притеснителей и кровопийц».

В социологическом субъективистском духе освещал Лавров историю идей и русской общественной мысли в статьях «А. И. Герцен», «Социалистическое движение в России», «Из истории социальных учений», «Важнейшие моменты в истории мысли» и др. В историографической работе «История Франции под пером новых русских исследователей» (1879) он на примере работ Н. И. Кареева показал превосходство русских историков над французскими в изучении истории крестьянства во Франции.

Научное наследство Лаврова изучено совершенно недостаточно, а между тем, несмотря на свою неравноценность, его исторические работы имеют определенное значение. В частности, методологические статьи Лаврова, такие как «Исторические письма» и «Задачи понимания истории», оказали заметное влияние на формирование исторических взглядов крупного либерально-народнического историка В. И. Семевского, П. А. Соколовского, А. Я. Ефименко и др.

Яркий и своеобразный след оставила литературная и общественно-политическая деятельность видного русского мыслителя, экономиста и социолога второй половины XIX в. Василия Васильевича Берви-Флеровского (1829—1918).

Его наиболее известная работа «Положение рабочего класса в России» (1869), заслужившая высокую оценку Маркса, свидетельствует о жизненности революционных традиций 60-х годов и глубокоом интересе народников 70-х к социально-экономической проблематике.

Берви-Флеровский прожил жизнь, полную тяжелых лишений, жестоких репрессий и скитаний. За четверть века (от первого ареста в 1862 г. и до снятия полицейского надзора в 1886 г.) он проехал под конвоем жандармов около 20 тыс. верст, прошел пешком 3,5 тыс. верст, сидел в 32 острогах и тюрьмах, жил в качестве ссыльного в 9 городах, просидел несколько лет в одиночном заключении и совершенно здоровый 8 месяцев провел в сумасшедшем доме².

В преувеличении роли крестьянства в прошлом и будущем и общины как основы и зародыша социализма Берви-Флеровский разделял ошибки народников. В то же время он отстаивал возможность и преимущество мирных путей изменения существующего строя и создания нового.

Зато, в отличие от народников, он вместе с глубокой критикой капитализма признавал в определенной мере его про-

грессивную роль в развитии производительных сил. Однако, считая прогресс в технике и повышении производительности труда результатом жестокой эксплуатации и обнищания трудящихся, Флеровский выступал против капитализма и являлся сторонником некапиталистического развития России. «Промышленность, это источник благосостояния и счастья для народов,— писал он,— делается у нас бичом, который заколачивает в гроб, бедствием, с которым не могут сравняться ни чума, ни холера»¹. Исторический опыт учит, предупреждал он в другой работе, что, «когда капиталисты получали в свои руки политическую власть, они воздвигали над обществом такой деспотизм, который мало уступал деспотизму неограниченных государей; правда, что производство увеличивалось, но оно сопровождалось для общества самыми разнородными и бесчисленными страданиями»².

Будучи поборником демократической конституционной республики, Флеровский выступал против монархического строя и особенно резко против царского, самодержавия. Сторонник мирных путей преобразования, он в то же время допускал возможность революционных переворотов. В истории бывали случаи, отмечал он, когда господствующие классы доводили народ до такой степени порабощения, что он был вынужден пытаться улучшить свое положение «самым ненормальным путем насилия».

Обязательным условием дальнейшего развития России Флеровский считал ликвидацию самодержавия и остатков крепостничества. В своей работе «Три политические системы» он прямо писал, что народу русскому ничего не остается делать, как «повесить императора и изгнать из страны царствующий дом»³. Предвидя тяжелую и длительную борьбу, он восклицал: «Сколько революций придется сделать, прежде чем Россия достигнет мало-мальски сносного положения»⁴.

В конечном итоге Флеровский был склонен революционные действия народных масс заменить деятельностью кучки героев. «Если бы несколько смелых людей могли сделать это дело,— указывая он,— рискуя только собою, чего же лучше, если бы дело было сделано, а народ избавлен от всех страданий, сопряженных с восстанием, их бы стали превозносить, как благодетелей своего отечества»⁵.

Философские взгляды Флеровского были отсталыми, идеалистическими. В «Критике основных идей естествознания» он

¹ Н. Флеровский. (Берви В. В.). Положение рабочего класса в России, М., Соцэкгиз, 1938, стр. 353.

² Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. III, СПб., 1894, стр. 116.

³ Н. Флеровский. Три политические системы. СПб., 1897, стр. 485.

⁴ Там же, стр. 396.

⁵ Там же, стр. 366.

¹ П. Л. Лавров. Избр. соч. в восьми томах, т. II, М., 1934, стр. 124.

² См. Г. Подоров. Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского, М., Госполитиздат, 1952, стр. 53.

утверждал, что в природе «нет вещества без мысли и мысли без вещества»¹; что все существующее — от земли и солнца до человека — есть и будет результатом развивающегося мышления отдельных части материи, непрерывно стремящихся к своему совершенствованию, результатом роста их впечатлительности. Энгельс, критикуя подобные заблуждения русского мыслителя, писал Плеханову, что, по мнению Флеровского, «стоны и кровати мыслят, но не имеют памяти»².

В социологических и исторических работах Флеровского можно найти немало верных для того времени положений, метких высказываний о развитии капитализма после реформы 1861 года, об эволюции государственного строя в России, внешней и внутренней политике правительства, реакционной роли самодержавия и правящих классов. Наряду с этим в трудах Флеровского была, по словам Маркса, изрядная доля «благодушной чепухи» и противоречий, обусловленных утопичностью и идеализмом его мировоззрения в целом.

Богатый фактический материал, приведенный Флеровским, ценные мысли и наблюдения находились в противоречии с его основной утопической идеей о возможности сотрудничества и солидарности, равенства и братства между всеми людьми и мирного перехода к справедливому строю.

Для Флеровского характерно идеалистическое понимание истории. Первопричину исторических событий, основу социально-политических порядков он связывал с господствующими идеями и теориями. «Во всяком обществе, — считал он, — господствующий политический и социальный порядок есть и может быть только результатом известных чувств, идей и мировоззрений, укorenившихся в народе в течение веков»³.

В «Азбуке социальных наук» Флеровский выдвинул противоречивую и путаную схему всемирной истории. Говоря о решающей роли народных масс, он ставил на первое место интеллигенцию, как ведущую силу общественного развития. Идеализм в решении вопроса о происхождении государства, возникновении и развитии отдельных классов, «ненормальностей» общественного строя, проявившихся в войнах, эксплуатации, нищете народных масс, сочетался у Флеровского с интересным анализом капиталистического строя Америки, с правильным выводом о значении частной собственности и порабощении трудящихся. Основой силы и власти господствующих сословий, «источником порабощения трудящихся масс», по

¹ Н. Флеровский. Критика основных идей естествознания, 1904, стр. 117.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., Госполитиздат, 1951, стр. 341.

³ Н. Флеровский. Оглянемся назад. Ж. «Отечественные записки», 1877, № 12, стр. 460.

утверждению Флеровского, служила и служит частная собственность на орудия и средства производства общественных богатств. «Рабство, уничтоженное через освобождение личности, — писал он, — возвращается через захват орудий труда»¹.

Этот правильный вывод стоял у него рядом с наивным идеалистическим объяснением причин эксплуатации и разграбления общественных богатств. Главной причиной Флеровский считал невежество и жадность людей, не просвещенных разумом и здравым суждением. Все несчастья в истории происходили, по его мнению, оттого, что государи и правящие классы «забывали» свои обязанности относительно народа, «забывали», что «вся деятельность человека высшего класса» должна быть посвящена благу народа. Отсюда в основе его концепции всемирной истории было представление о постепенном развитии человечества от «инстинктивных цивилизаций», которые возникали стихийно, к «сознательным цивилизациям», которые создали люди, осознавшие научные принципы их устройства.

Автор «Азбуки социальных наук» был убежден, что человечество успело выработать только политическую организацию, создание же справедливой и «сознательной социальной организации» — дело будущего и зависит от успешного развития русской поземельной общины.

Насквозь идеалистична периодизация новой истории Европы, которую дает Флеровский. Положив в ее основу развитие цивилизации от «инстинктивной» к «сознательной», он выделял четыре периода: 1) «эпоху религиозного энтузиазма» (XV—XVII вв.); 2) «эпоху научного и политического энтузиазма» (XVIII — первая треть XIX вв.); 3) «эпоху социального энтузиазма» (вторая треть XIX в.); 4) период «преобладания национального вопроса» (последняя треть XIX в.)².

Сторонник «федеративной демократии», Флеровский утверждал, что XIX век, вследствие засилья религии и монархии, не разрешил социальных противоречий путем распространения идеи «федеративной демократии». Задача эта, по его мнению, осталась в наследство XX столетию.

Непримиримый враг религии, он призывал народ к борьбе с ней и ее проповедниками. «Если бы, — писал он, — я захотел перечислить все ужасы, которые порождены были учителями... религии, проповедовавшими презрение к человеческой жизни, к благам земли, то вышла бы такая мрачная картина, что самый бездушный читатель не был бы в состоянии ее прочесть»³.

В результате глубокого изучения жизни трудящихся России, ее социально-политического и экономического строя

¹ Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. III, стр. 170.

² Там же, стр. 82—84, 217—224.

³ Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. I, СПб., 1871, стр. 250.

в тесной связи с историей других стран и народов, русский мыслитель и демократ пришел к выводу, что как прошлая история, так и современные ему капиталистические порядки, покоящиеся на господстве частной собственности и эксплуатации трудящихся, неразумны. Девять десятых населения земли бесправны, невежественны, обречены на нечеловеческий труд, голод и нищету.

Основную задачу Флеровский видел в том, чтобы найти такой путь развития, который бы позволил России выйти «из современного затруднительного положения» и обеспечил ей спокойное развитие без «крутых реформ и поворотов», «без материального и умственного упадка». Будучи не в состоянии с идеалистических позиций открыть объективные законы общественного развития и классовой борьбы, он, по его словам, «всю жизнь... продумывал путь, которым должны пойти люди, чтобы избавиться от тысячелетия своих заблуждений...»¹.

Резко выступая против низкопоклонства правящих классов России перед всем западноевропейским, Флеровский доказывал, что всякий великий народ должен создать свою оригинальную культуру, Россия же, обладая такой организацией, как крестьянская община, «могла бы сделаться тем центром, откуда сознательные социальные организации могли бы распространиться по свету»².

Подобно Белинскому, Герцену, Чернышевскому и Добролюбову, представитель народничества 70-х годов мечтал о том, чтобы свободный и счастливый русский народ мог стать великим цивилизующим народом. Идеалом общественного устройства он считал коммунистическое «общество-организм», где «счастье каждого человека будет счастьем общества и обратно: счастье общества будет счастьем каждого человека; личное благо и общественное благо сольются»³.

Таким в его представлении был коммунизм, как «высшая наиболее нравственная форма общественного сожительства»⁴, в котором должно преобладать в России (где, по словам Флеровского, 90% рабочего населения — крестьяне) мелкое и среднее сельскохозяйственное производство и промышленность, обслуживающая главным образом крестьян и земледелие. Соответственно подобным утопическим представлениям Флеровский видел в крестьянском сословии «надежду России, ...залог будущей ее славы и величия»⁵.

¹ В. В. Берви-Флеровский. На жизнь и смерть, ч. III, СПб., 1877, стр. 189.

² Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. III, стр. 120.

³ Н. Флеровский. Критика основных идей естествознания, стр. 518.

⁴ Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. III, стр. 121.

⁵ Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России, стр. 88.

Идеалист, не понимавший законов общественного развития, Флеровский не владел ни научным методом исторического анализа, ни достаточным опытом социологических обобщений, необходимых для правильного объяснения как русской истории, так и тех сложных социально-экономических процессов, которые происходили в русской действительности.

Несмотря на всю противоречивость, труды, созданные Флеровским на основе большого исторического материала, подвигли читателя к революционным выводам и занимали видное место в историографии революционного народничества.

Дальнейшая эволюция социологии народников в сторону либерализма нашла свое отражение в творчестве Н. К. Михайловского (1824—1904).

В работах Михайловского субъективно-идеалистическая сущность философско-социологической теории народничества получила наиболее яркое выражение. Если П. Л. Лавров и его «Исторические письма» отражали период расцвета народнических иллюзий, то Н. К. Михайловский и его наиболее крупные работы — закат народнической теории, когда народничество расплывалось в либерализм.

Публицистическая деятельность Михайловского началась в период очевидного и все более углублявшегося разложения крестьянства, роста пролетарского движения и утверждения марксизма в России. Поэтому развитие его исторических воззрений приобретало все более заметную антимарксистскую направленность. В 1872 г. в статье «По поводу русского издания книги Карла Маркса» он, подчеркивая, что «книга Маркса является как нельзя более кстати», в то же время указывал, что «глава международного товарищества рабочих... являясь революционным элементом на Западе, у нас никакого нарушения общественного спокойствия не может произвести»¹.

Отмечая усиление антимарксистских тенденций в работах Михайловского, В. И. Ленин писал в 1894 г.: «Вместо приветствия Маркса (выраженного им в 1872 и 1877 гг.) он лает теперь на него из-за подворотни сомнительного качества похвал и шумит и брызжет против русских марксистов, не желающих удовлетворяться «охраной экономически слабейшего», товарными складами и улучшениями в деревне, музеями и артелями для кустарей и т. п. благонамеренными мещанскими прогрессами»².

Михайловский рассматривал материализм как устаревшую «метафизику», отрицал возможность познания сущности вещей. «Человек, — утверждал он, — может познавать только явления и те постоянные отношения, в которые они становятся друг

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, СПб., 1913, стб. 10.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 183—184.

к другу. Сущность вещей — вечная тьма»¹. Главной заслугой позитивизма он считал определение границ познания, за которыми лежит непознаваемая «тьма».

Михайловский не понимал сущности диалектического метода, сводя всю диалектику к гегелевской триаде: тезис, анти-тезис, синтез.

Что касается его социологических взглядов, то он отвергал даже то понятие закономерности, которое признавал Лавров, подчинявший социологию законам естествознания. «Попытки свести социальный прогресс к развитию органическому и понятие общества к понятию организма, т. е. объяснить с биологической точки зрения общественные формы», Михайловский называл «радикальной ложностью», самым слабым местом «Социальной статистики» О. Конта². Принципам причинной обусловленности он противопоставлял «категорию долженствования» в ее нравственном выражении. «Социология, — по его мнению, — имеет дело с совершенно самостоятельными категориями нравственного, справедливого, должного»³.

Отказавшись от научных принципов изучения общественного развития, Михайловский писал, что «социология должна начать с утопии...», «Социолог... должен прямо сказать: желаю познавать отношения, существующие между обществом и его членами, но, кроме познания, я желаю еще осуществления таких-то и таких-то моих идеалов, посильное оправдание которых при сем прилагаю»⁴.

История, по Михайловскому, — процесс постепенного порабощения личности, «индивидуальности». Все содержание общественного развития он сводил к «борьбе за индивидуальность между человеком и обществом».

Критикуя новые формы порабощения личности при капитализме, Михайловский, в силу своей субъективистской методологии, не мог вскрыть ни историческую связь между ними и феодальными формами эксплуатации, ни тем более показать реальные пути преодоления этого порабощения.

Личность у него совершенно оторвана от общественной среды и действует вне конкретных исторических условий. Лишенное социально-политической обусловленности влияние личности на общество из исторической проблемы превращалось «в психологическую проблему гипнозирующего действия героической личности и социального подражания толпы», отмечал Н. Л. Рубинштейн⁵.

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. I, СПб., 1897, стб. 17.

² Там же, стб. 94—95.

³ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. III, СПб., 1897, стб. 396.

⁴ Там же, стб. 404, 406.

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 397.

Теория «героев и толпы» получила окончательное завершение в таких работах Михайловского, как «Герои и толпа» (1882), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1892) и др. Хотя автор и писал: «Бог может спасти царей, но народы спасаются сами»¹, народ у него — это множество нулей. Сколько бы вы ни писали нулей, уверял он, в сумме всегда будет нуль. Но если один из нулей превратится в единицу и встанет впереди, возникнет внушительное число — тысяча, миллион, сто миллионов.

Толпа, в представлении Михайловского, может лишь пассивно воспринимать влияние выдающейся личности, своих предков, внешних и внутренних факторов. «Слепая», «духовно скудная», безвольная, толпа живет серой, однообразной жизнью. Единственное, что может привести ее в движение и является могучим — «психическим двигателем», — это «нравственная подражательность», «бессознательное подражание» героям. Последние в отличие от толпы, способной лишь на подражание, действуют под влиянием своих идеалов или нравственных целей.

Не прав В. Е. Иллерицкий, говоря, что «Михайловский под «героями» подразумевал прогрессивных исторических деятелей»². А. Л. Шапиро, имея в виду конец XIX ст., значительно ближе к истине, когда приводит слова Михайловского о том, что герои «не обязательно великие люди». Героем Михайловский называл «всякого человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело»³.

Михайловский не был историком, но в его литературно-публицистических статьях можно найти немало высказываний по конкретным вопросам истории.

Михайловский пытался, например, обосновать для России особый путь исторического развития. Рассматривая развитие капиталистических отношений в Западной Европе, он считал возможным для России избежать его. «Тот обоюдоострый, страшный и вместе благодетельный, непреодолимый процесс «обобществления» труда или, вернее, та форма обобществления, которую излагает Маркс, у нас на святой Руси очень мало подвинулась вперед»⁴, — замечает он с удовлетворением. «Пусть свобода надула Европу, но нас она не надувала, потому что мы ее не видели; пусть развитие промышленности

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 52.

² Историография истории СССР, стр. 321.

³ А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 138.

⁴ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. IV, СПб., 1897, стб. 170—171.

привело Европу к пролетариату, но у нас ничего такого нет»¹, — утверждал он вопреки историческим фактам.

Перечислив дальше причины слабого капиталистического развития России, Михайловский указывает на попытки «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа»². Русская история, считал он, выработала общину «как высшую категорию, с точки зрения которой возможно беспристрастно относиться к Европе», и «за что можно ухватиться для предотвращения неправильностей европейской цивилизации»³.

Встречающиеся у Михайловского довольно часто упоминания об отдельных периодах или проблемах русской истории в силу субъективно-идеалистической методологии автора грешат антиисторизмом.

Наиболее ярким примером этого является его статья «Иван Грозный в русской литературе», где, в полном противоречии с соловьевской оценкой закономерного характера и исторической обусловленности политики Ивана IV, он говорит о нем и его делах в этико-психологическом плане. В своей характеристике Грозного он категорически отрицал прогрессивную роль «централизованной монархической власти» и наличие «боярского принципа при Грозном».

Михайловский дал неверную оценку Петру I и его реформам. «Вся частная жизнь Петра и вся его государственная деятельность — есть первая фаза осуществления в русской истории начала личности не в смысле того направления, которое она приняла отчасти при нем, а в особенности после него в Европе, а в смысле *человечности*. Вот, — подчеркивал он, — искомая общая формула деятельности Петра. Петр был выше Европы»⁴.

Народники, согласно искаженному представлению Михайловского, являются историческими преемниками Петра. «Благодаря Петру, — писал он, — путь в Россию науке, свободе, промышленности расчищен, ...мы продолжаем дело Петра, как бы мы ни «фыркали» на дорожную ему европейскую цивилизацию»⁵.

Но Михайловский, склоняясь к либерализму, считал необходимым ограждать Россию от «злоупотреблений научной и философской мысли, свободы и экономического развития», от всего, что связано с капиталистическим производством и «представляет опасность для России»⁶.

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 2.

² Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. IV, стб. 171.

³ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 5, 9.

⁴ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. I, стб. 647.

⁵ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 8, 6.

⁶ Там же, стб. 9.

Опираясь на примеры торжества капитализма в Европе, Михайловский призывал к созданию «сочетания социальных сил, ...отдаленных от господствующих на Западе»¹. До тех пор, пока крепостное право и другие условия, отмечал идеолог «народничества, растворяющегося в либерализме», тормозили рост промышленности, «естественно было желать, главным образом, ее развития». В 70—80-е годы, по его мнению, «на первый план выдвигается вопрос о формах, которые могут принять промышленные отношения».

Видя основную задачу в необходимости решительных действий, чтобы предотвратить капиталистическую «опасность для России», Михайловский старался доказать, что «ждать нельзя», ибо «может быть поздно». В статье «По поводу русского издания книги Карла Маркса» он так формулировал основные пункты социально-политической программы: «Мы дискредитируем лишь то, что представляет опасность для России. Нам говорят: подождите. Как! мы имеем перед собою примеры, кровавыми буквами записанные в летописях истории, и должны ждать? Мы должны ждать распада общины, чтобы сказать, что ее следует сохранить; перехода всех государственных земель, заводов в частные руки, сосредоточения в тех же руках мелкой собственности, чтобы сказать, что интересы русских фабрикантов не суть интересы русского народа; укрепления ложного направления мысли, чтобы сказать, что оно ложно; развития батрачества, чтобы сказать, что свобода умирать с голоду не есть свобода? Конечно, уж не в том наша вина, что мы не ждем»².

В. И. Ленин в статье «Народники о Н. К. Михайловском», написанной к десятилетию со дня его смерти, дал ему исчерпывающую оценку, назвав «одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века». В. И. Ленин считал «великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России» его горячее сочувствие угнетенному положению крестьян, энергичную борьбу против «всех и всяких проявлений крепостнического гнета»³, а также помощь революционному подполью.

Одновременно с этим В. И. Ленин отмечал, что Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения. Отстаивая буржуазно-демократический лозунг передачи всей земли крестьянам без выкупа, он называл себя «социалистом», хотя ничего социалистического в подобном требовании не было. Социологические взгляды Михайловского были, по

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 7.

² Там же, стб. 9—10.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 333, 334.

словам В. И. Ленина, «буржуазно-демократическими взглядами, прикрытыми якобы «социалистической» фразой»¹.

Наиболее крупным народническим историком-профессионалом, воплотившим основные положения социологической теории Лаврова и Михайловского в конкретных исторических исследованиях, был Василий Иванович Семевский (1848—1916) — самый типичный представитель народнической историографии.

В. И. Семевский сложился как историк на исходе рассматриваемого периода, основные труды его появились в начале XX века.

Общественно-политические взгляды Семевского оформились в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, а его признание как историка в начале восьмидесятых было связано с первым томом капитального исследования «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (1881).

Выходец из разорившейся дворянской семьи, Семевский испытал все трудности жизни, с которыми обычно сталкивался в дореволюционной России интеллигент-разночинец. Ему удалось закончить историко-филологический факультет Петербургского университета (1872) и остаться на кафедре русской истории.

Мировоззрение молодого историка складывалось в условиях углубления социально-экономических противоречий капитализировавшейся России и впитало основные идеи народнической идеологии. Подобно другим представителям передовой русской интеллигенции, Семевский был заражен горячим демократическим стремлением оплатить народные страдания или хотя бы часть труда, затраченного народом на то, чтобы горстка людей пользовалась всеми благами цивилизации.

«Исторические письма» Лаврова, социологическая публицистика Михайловского, демократические идеи Щапова оказывали на Семевского значительно более сильное влияние, нежели промонархические убеждения его руководителя по кафедре Бестужева-Рюмина.

В 1881 г. в журнале «Русская мысль» была напечатана статья Семевского, название которой отражало основную линию всей последующей научной деятельности историка — «Не пора ли написать историю крестьян в России»². В ней будущий историк русского крестьянства подверг резкой критике реформу 1861 года, проведенную дворянами двадцать лет назад, смело говорил о «язвах» самодержавия, доказывал, что создание истории русского крестьянства «есть долг нашей науки наро-

ду»¹. Под очевидным влиянием Лаврова и Михайловского он писал: «Наша современная интеллигенция вскормлена грудью крепостных мамок, выращена на доходы, получавшиеся при помощи крепостного труда, а теперь воспитывает своих детей на выкупные за земли, облитые потом и кровью крепостных и в общественных заведениях, содержимых преимущественно на народные деньги. При подобных условиях интеллигенция обязана потрудиться на пользу крестьян и в жизни крестьян и в науке»².

Статья, написанная накануне 1 марта 1881 г., вызвала недовольство Бестужева-Рюмина. Найдя в представленной Семевским к защите магистерской диссертации («Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. I) «опасные мысли», он отклонил ее. Однако работа в 1882 г. с большим успехом была защищена в Московском университете, где кафедрой русской истории заведовал Ключевский. Тогда же Семевский начал в Петербургском университете читать курс лекций по истории русского крестьянства, но в 1886 г. по распоряжению реакционного министра просвещения Делянова этот курс был запрещен, а лектор, подобно Щапову, навсегда отстранен от педагогической работы.

В дальнейшем взгляды Семевского, занимавшегося плодотворной научно-литературной деятельностью, развивались в направлении сближения с либерально-буржуазной идеологией. Наряду с Ключевским это был самый крупный русский историк конца XIX — начала XX века. Не случайно М. Н. Покровский назвал его «общим деканом всех историков, не принадлежавших ни к какому факультету».

При всей широте интересов Семевского как историка определяющим направлением в его творчестве было изучение истории русского крестьянства. Двухтомная докторская диссертация Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века», опубликованная в 1888 г., была, по отзыву Ключевского, «очень ценным вкладом в историческую литературу и представляла первую и довольно смелую попытку составить полный и цельный обзор истории вопроса о крепостном праве за полтора века до его отмены»³.

Актуальные по своей тематике работы Семевского были построены на обширном документальном материале, как правило, впервые вводимом в научный оборот. А. А. Корнилов, отмечая богатство источниковедческой основы в его трудах, писал, что вряд ли можно среди современников найти другого историка, который бы успел в течение жизни изучить

¹ Ж. «Русская мысль», 1881, № 2, стр. 223.

² Там же.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, М., 1959, стр. 427.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 335.

² Ж. «Русская мысль», 1881, № 2, стр. 215—265.

столько архивных документов, сколько исследовал он, изучая историю русского крестьянства.

В своей магистерской диссертации Семевский дал впервые в дореволюционной исторической науке обзор законодательства второй половины XIX века по крестьянскому вопросу, изучил почти все печатные источники, фонды Сенатского архива, экономические примечания к генеральному межеванию и большое количество частных архивов. Докторская диссертация его содержит почти исчерпывающий обзор публицистической литературы и законопроектов по крестьянскому вопросу за полтора столетия. В «Историографии истории СССР» справедливо отмечено, что введение в историческую науку обширного круга неопубликованных документальных материалов «само по себе составляет крупную заслугу Семевского»¹.

В работе «Крестьяне в царствование Екатерины II» впервые был обобщен, хотя и с либерально-народнических позиций, материал, освещавший мощный размах крестьянских волнений в 60-х — начале 70-х годов XVIII в., обращено внимание на зависимость правительственного законодательства от этих волнений.

До сих пор советские историки используют сводки Семевского о численности крепостных крестьян и их процентном отношении ко всему крестьянству, о территориальном размещении крепостного права, соотношении барщины и оброка и многие другие.

Однако сильная сторона исторических исследований Семевского, собравшего и систематизировавшего богатейший фактический материал по истории русского крестьянства, сочеталась с идеалистическим характером его субъективно-социологической методологии.

В этом отношении историческая концепция, выдвинутая Семевским была наиболее ярким свидетельством противоречивости мелкобуржуазной народнической идеологии, отмеченной В. И. Лениным.

Говоря о тяжелом положении крепостного крестьянства, о страшном помещичьем произволе и формах крестьянского протеста, историк не видел в крестьянстве единого класса феодального общества. Он не поднялся до признания решающего значения классовой борьбы крестьянских масс как главного фактора, заставившего правительство отменить крепостное право.

Семевский не понимал подлинной закономерности исторического развития, поэтому социально-экономические противоречия в период кризиса феодально-крепостнической системы, от-

развившиеся в классовой борьбе вокруг реформы, оставались у него в тени.

Субъективно-идеалистические представления автора ставят на первый план не историю крестьянского вопроса, как отражения классовых противоречий русского общества, а историю идеи освобождения крестьян.

Семевский в чисто народническом духе делил все проекты и мероприятия по крестьянскому вопросу, в зависимости от их отношения к общинному устройству, на «симпатичные» и «несимпатичные». Поэтому у него «на исторической сцене разыгрывается не борьба различных классов, социальных группировок по крестьянскому вопросу, а столкновение сторонников «симпатичной» идеи освобождения крестьянства с землей и с сохранением общинного устройства и сторонников «несимпатичной» идеи безземельного освобождения и разрушения общины»¹.

Выход Семевский видел в изменении правового положения крестьян не путем классовой борьбы, а путем законодательной инициативы правительства. Идея освобождения крестьян с землей и общинное устройство — вот с чем связывал историк общественный прогресс, а основной силой, воплощавшей эту идею в жизнь, считал самодержавное государство и представителей «общества», «внеклассовую интеллигенцию», оказывающих моральное воздействие на правительство.

Подобные либерально-народнические заблуждения о решающей роли государства и внеклассового общественного мнения определили идеализацию носителей самодержавной власти. Екатерина II у Семевского стала чуть ли не «инициатором» борьбы за раскрепощение крестьян. Он считал «ее большою заслугою, что она громко поставила вопрос о необходимости улучшения быта помещичьих крестьян» и «тем навсегда вписала свое имя в историю крестьянского вопроса в России»². Александр I будто бы «сам желал освобождения крестьян», а Николай I настойчиво готовил «окончательное решение» этого вопроса в будущем³.

Рассматривая крестьянский вопрос в отрыве от социально-экономического развития страны и связывая его решение с законодательной деятельностью самодержавия, Семевский прошел мимо процессов развития крестьянского хозяйства в условиях начавшегося разложения феодально-крепостнической системы и вызревания капиталистического уклада. Рост товарности крестьянского хозяйства, дифференциация деревни, усиление различных форм крепостнической эксплуатации и измене-

¹ Очерки истории исторической науки, т. II, стр. 212.

² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб., 1888, стр. XIV, 228.

³ Там же, стр. XXV, XXVI.

¹ Историография истории СССР, стр. 326.

ния в помещичьем хозяйстве не получили освещения в его исследованиях.

Всячески идеализируя мирскую общину, как основное начало, оберегавшее крестьян от губительных последствий крепостного права в прошлом и зерно социализма в будущем, Семевский стремился внушить читателю веру в «общинное мирозерцание крестьян», в свойственный им «общинный дух». Он был настолько убежден в спасительных свойствах общины, что не только решительно порицал всех противников общинных принципов и проявлял снисходительность к реакционерам, ратуящим за общину, но готов был похвалить царское самодержавие за то, что оно не стремилось разрушить ее.

Отмеченные черты субъективно-идеалистической ограниченности характерны и для работ Семевского по истории рабочих Сибири, общественному движению в России, но все эти труды выходят за рамки рассматриваемого периода.

По мере того, как проблема революции переставала интересовать народников, на первое место в их историографии выдвигались вопросы, связанные с теорией «особого», некапиталистического пути развития России.

Народники-экономисты В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон (Николай — он), С. Н. Южаков сквозь призму этой теории изучали экономику пореформенной России, обнаруживая полное непонимание происходящих в ней процессов.

Так, Н. Ф. Даниельсон (1844—1918) в «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» (1880) противопоставлял развитие России истории Западной Европы и пытался доказать отсутствие необходимых условий для развития капитализма в стране, где благодаря сохранению общины в сельском хозяйстве и артельной формы производства в промышленности возможен иной, некапиталистический путь развития.

Такие же утопические мысли содержались в работах В. П. Воронцова (1847—1918). Исследуя пореформенную экономику в работе с характерным названием «Судьбы капитализма в России» (1882), он выражал надежду, что «передовые люди» могут «повернуть весь процесс развития общественной формы труда на народный путь, на путь артелей»¹.

Существенный вклад в изучение столь дорогой народникам общины внесли историки того же направления П. А. Соколовский (1842—1906) и А. Я. Ефименко (1848—1919). Отдельные мысли и наблюдения их сохраняют значение и поныне.

В противовес реакционным утверждениям историков государственной школы о позднем «фискальном» происхождении общины, Соколовский говорил о существовании в Древней Ру-

¹ В. П. Воронцов. Судьбы капитализма в России, СПб., 1882, стр. 73.

си общины-волости, близкой стремилась преодолеть антиисторичности о неизменности общины и рассматривать сельской общины из разросшейся семейной общины

Работы народнических историков внесли серьезный вклад в изучение общины, хотя в целом их теория происхождения и развития общины была несостоятельной. Обращая внимание преимущественно на эволюцию форм общины, они не видели глубоких внутренних причин развития русской деревни. По замечанию В. И. Ленина, они «за деревьями не видят леса, за формой *землевладения* отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства»¹.

Кроме того, в идеализации общины, отрицании в ней классовой эксплуатации содержалась одна из важнейших сторон народнической концепции русской истории — отрицание существования феодальных отношений в XI—XV веках. Народническая легенда о принадлежности средств производства и продукта труда непосредственному производителю как об «исконном начале русской истории была антиисторична»².

Отрицая наличие феодальных отношений, народники увереннее говорили о возможностях некапиталистического развития России. Таким образом, ложные теоретические принципы народнической историографии исключали возможность научного освещения прошлого, правильного объективного анализа современной им действительности и верного определения путей дальнейшего развития России.

Г. В. Плеханов в известной работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) нанес первый удар по субъективно-идеалистическим представлениям народников, «Гг. субъективисты, — писал он, — хорошие сказочники, но... никогда еще сказки не изменяли исторического движения народов»³.

В. И. Ленин, указав на ложные основы народнической доктрины в целом, одновременно с этим вскрыл антинаучный характер субъективно-идеалистической социологии народничества.

В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин обратил внимание на то, что народническая «социологическая теория о роли личности или о субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования»⁴. Он показал, что народническая теория, отражавшая протест против кре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 355.

² Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 203.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, М.—Л., 1925, стр. 268.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 424.

постничества и капитализма с позиций мелкого производителя, обусловила «мечтательность этого протеста, его отворачивание от фактов»¹.

Вторую главу своей работы В. И. Ленин посвятил критике народнической социологии². Говоря о социально-экономических корнях народничества, он отмечал, что оно «отразило... противоположность интересов труда и капитала. ...Отразило... через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития»³. В действительности же, считал В. И. Ленин, «никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет..., поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение»⁴.

Заблуждения народнических социологов, по мнению В. И. Ленина, происходили оттого, что они при изучении тех или иных исторических явлений давали им прежде всего моральную оценку, но не вскрывали их социально-экономические предпосылки, оттеняли роль личности, направляющую, по их мнению, ход истории, но не освещали классовую борьбу и творческую деятельность народных масс.

Критикуя «детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обуславливаются их действия»⁵, В. И. Ленин противопоставил народническому искажению «русской истории в угоду мещанской утопии»⁶ теорию Маркса, по которой «на место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс, — воззрение, без которого..., — по словам В. И. Ленина, — не могло бы быть общественной науки»⁷.

Марксистская теория, к рассмотрению которой мы переходим в следующей лекции, поставила русскую историческую науку на прочный научный фундамент, вооружила ее единственно плодотворным методом исследования общественного развития и тем самым положила начало новому, высшему этапу русской историографии.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 129—189.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе). Полн. собр. соч., т. 1, стр. 351—444.

В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 528—540.

П. Л. Лавров. Исторические письма, изд. 3, СПб., 1906.

Н. К. Михайловский. Что такое прогресс? Собр. соч., т. 1, СПб., 1887, стб. 1—150.

Н. К. Михайловский. По поводу русского издания книги Карла Маркса; Собр. соч., т. X, СПб., 1913, стб. 1—12.

В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I—II, СПб., 1882.

В. В. Флеровский. Положение рабочего класса в России, 1938. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 171—218.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 355.

² Там же, стр. 412—444.

³ Там же, стр. 422—423.

⁴ Там же, стр. 296.

⁵ Там же, стр. 430.

⁶ Там же, стр. 446.

⁷ Там же, стр. 430.

ЛЕКЦИЯ 10

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ. ИСТОРИЯ РОССИИ В ТРУДАХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Открытие материалистического понимания истории — революционный переворот в историографии. Интерес К. Маркса и Ф. Энгельса к России. Основоположники марксизма о русской истории. Их вклад в создание подлинно научной истории России.

С возникновением марксизма — величайшего революционного переворота в области идеологии — связано начало качественного нового периода в развитии исторической науки.

Материалистическое понимание истории подвело подлинно научные основы под человеческие знания о развитии общества. Теория исторического материализма, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, как философская основа науки об обществе, является научным методом познания всех общественных явлений — и материальных, и духовных.

Если историки и социологи предыдущего, домарксистского периода в историографии, как правило, отрицали наличие особых закономерностей в области истории и обычно механически переносили на общество законы природы, то основоположники марксизма, вскрыв внутренние закономерности исторического процесса, исследовали и показали их качественное своеобразие.

К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из материалистического решения вопроса об отношении между общественным бытием и общественным сознанием людей. «Не сознание людей определяет их бытие, — писал Маркс, — а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Создав научную теорию закономерного исторического развития, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что основой общественного прогресса является развитие производительных сил и смена производственных отношений, происходящая в антагонистических обществах через социальную революцию. Вме-

сте с тем они определили научный критерий для выделения ступеней исторического процесса, идущего от низших форм общественной жизни к высшим.

Впервые вместо истории «цивилизаций» и «культур», вместо абстрактных идеалистических схем и концепций была воссоздана научная картина поступательного движения человеческого общества. «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, — отмечал В. И. Ленин, — сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм»¹.

Теория исторического материализма дала единственно научную, правильную периодизацию истории человеческого общества, раскрыв естественно-исторический процесс возникновения, развития и гибели общественно-экономических формаций, как ступеней в прогрессивном развитии экономической, политической и культурной жизни человечества.

— Закономерная смена общественно-экономических формаций происходит в результате деятельности непосредственных производителей материальных благ — трудящихся масс, решающей, творческой силы истории. Роль народа, как творца истории, в процессе прогрессивного развития человечества от низших общественных форм к высшим непрерывно возрастает. Чем глубже социальные преобразования, тем активнее и шире участие народных масс.

На основании теории исторического материализма ее создатели Маркс и Энгельс пришли к выводу о том, что в процессе прогрессивного развития общества неизбежно полное уничтожение всякого социального гнета и неравенства, что коммунизм — естественный и закономерный результат общественного развития, по сравнению с ним предшествующая история человечества — лишь предыстория.

Имея возможность установить закономерности исторического развития, владея научным методом определения его прогрессивных и реакционных тенденций, историки перестают блуждать в идеалистических потемках, освобождаются от субъективистских ошибок и заблуждений. С помощью исторического материализма, доказавшего, «что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства» и «что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата»², появилась возможность строго научно и объективно оценить действия народных масс, историче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 146.

ских личностей, выделить те или иные классы и политические группировки, выявить социальную сущность различных направлений в идеологии, в том числе и в исторической науке.

Исторический материализм соединяет в себе научный анализ прошлого с объяснением настоящего и определением путей в будущее. Сила исторического материализма в его ориентации на современность, в том, что он позволяет рассматривать любое явление сегодняшней общественной жизни в тесной связи с историей прошлых общественных форм, а отсюда в перспективе их дальнейшего развития.

Исторический материализм открывает возможности познания и объяснения любого события современности или исторического прошлого в связи с другими явлениями, а главное, со всем социальным целым, находящимся в развитии. Историк, принявший на вооружение теорию исторического материализма, какое бы явление он ни изучал, какой бы исторический факт ни анализировал, непременно учитывает социальное целое — способ производства, общественно-экономическую форму, к которой изучаемое явление относится. «Как невозможно высшая математика без координат Декарта, которые рассекали мировое пространство линиями x и y , — пишет Ю. П. Францев, — так невозможно изучение общественного процесса без основных координат социальных отношений — типов производственных отношений, определенных способов производства. Пользуясь этими координатами, обществовед перестает блуждать в хаотическом потоке социальных явлений, он оказывается в состоянии проследить различные формы социальных отношений той или иной эпохи, как бы пестры они ни были, понять мелкие и мельчайшие изменения, происходящие в данном обществе, найти ключ к пониманию идеологии и общественной психологии»¹.

Открытие Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории произвело революционный переворот в общественной науке и нанесло сокрушительный удар всем буржуазным и классово враждебным историческим теориям.

На место идеалистических теорий, выдвигающих на первый план идейные мотивы исторических действий, преувеличивающих роль государства и выдающихся деятелей, а в конечном счете, фальсифицирующих историю в угоду интересам господствующих эксплуататорских классов, Маркс и Энгельс поставили стройное учение об общественно-экономических формациях как основы материалистического понимания истории. «Маркс, — писал В. И. Ленин, — указал путь к научному изу-

чению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»¹.

Четко сформулированный и открыто провозглашенный основоположниками марксизма принцип партийности их революционной теории, неразрывная связь ее с интересами пролетарского класса превратили исторический материализм в грозное оружие борьбы с буржуазной идеологией. Пролетарская партийность требовала от историков, исповедующих материалистическую теорию общественного развития, последовательно защищать в исторической науке интересы самого передового, прогрессивного класса.

Создатели этой теории К. Маркс и Ф. Энгельс, а после них великий вождь не только российского, но и международного рабочего движения В. И. Ленин оставили непревзойденные образцы пролетарской партийности в исторической науке.

Маркс и Энгельс почти полвека совершенствовались и уточняли свою революционную теорию, опираясь на опыт революционной борьбы рабочего класса и всех трудящихся.

В середине столетия, когда они создавали свое учение — это грозное оружие пролетарского класса, в России еще не сложились социально-экономические условия для его восприятия и использования. Передовая русская общественно-политическая и историческая мысль в лице Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова, Шапова и Лаврова не могла овладеть марксизмом как цельным философским учением и революционной теорией. Поэтому, говоря словами величайшего теоретика и практика революционной борьбы В. И. Ленина, «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»².

Наиболее полное воплощение марксизм получил в России в деятельности В. И. Ленина. Центр международного рабочего движения в конце XIX века переместился в Россию. Наша страна стала родиной ленинизма. В гениальных работах Владимира Ильича Ленина марксизм получил дальнейшее развитие. В героической деятельности партии коммунистов-ленинцев, созданной и руководимой В. И. Лениным, поднявшей к революционному творчеству многомиллионную армию рабочих и крестьян Российской империи, марксистско-ленинская теория нашла свое практическое воплощение.

Вместе с тем работы В. И. Ленина открыли новый, ленин-

¹ Ю. П. Францев. Кризис современной буржуазной социологии. В кн.: «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии», М., 1960, стр. 7.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, изд. 4, стр. 9.

ский этап в отечественной историографии. В них марксистский анализ русской истории превратился в цельную и законченную материалистическую историю России.

Величайшей заслугой Маркса и Энгельса в русской исторической науке явилось не только то, что они вооружили ее качественно новым, революционным мировоззрением, новым объективным методом познания исторической мысли. Не менее важным вкладом было то, что основные методологические принципы исторического изучения, сформулированные ими, были применены к России.

Комментируя содержание письма Маркса в редакцию «Отечественных записок» за 1877 год, В. И. Ленин писал, что «Маркс... прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России»¹. Приложение марксистской теории к изучению России, по словам В. И. Ленина, состояло «в том, чтобы, пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию»².

И если «выработка новой методологической и политико-экономической теории означала... гигантский прогресс общественной науки..., колоссальный шаг вперед...»³, то использование Марксом и Энгельсом новой теории для изучения России позволило увидеть в истинном свете ее прошлое и настоящее, а в ярком спектре марксистского анализа классов и производственных отношений впервые обозначилась неотвратимость русской революции и ее великое будущее.

Пристальное внимание основоположников научного коммунизма к России и ее истории определялось тремя причинами.

Прежде всего, удельным весом страны, ее важной ролью в международных отношениях и реакционной внешней политикой царизма.

Во-вторых, переходным характером экономического развития России от феодализма к капиталистическому строю, которое являлось прекрасной иллюстрацией, подтверждающей правильность учения об общественно-экономических формациях.

И в-третьих, силой и своеобразием освободительного движения и общественно-политической мысли, которые стояли «бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции сфициальной исторической наукой»⁴, делали «действительную честь России» и вызывали основательную надежду на близость революции.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 274.

² Там же, стр. 274—275.

³ Там же, стр. 275.

⁴ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 277.

Последующее развитие русской истории не только оправдало повышенный интерес основоположников марксизма, подтвердило абсолютную верность их революционной теории и блестяще воплотило ее в русской действительности, но, поставив страну в авангарде всего человечества, стало показывать, «...всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»¹.

В громадном литературном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса работы о нашей стране занимают большое место. Интересные выступления, важные статьи, большое количество писем и других документов посвящены России. Только рукописные записи и заметки Маркса по экономике и общественно-политической жизни России при опубликовании составят около ста печатных листов², а его записи, сделанные на основе изучения десяти томов «трудов податной комиссии», — превысят сорок печатных листов.

Трудно перечислить все проблемы, вопросы, стороны русской жизни и истории, которые интересовали К. Маркса и Ф. Энгельса — Киевская Русь, образование Русского централизованного государства, татаро-монгольское иго, развитие капитализма и состояние сельской общины, эволюция крестьянского хозяйства и крепостнические пережитки, промышленность и транспорт, внешняя и внутренняя политика царизма, восстание крестьян под руководством Ст. Разина и петровские реформы, деятельность революционеров и либералов, народников и первых марксистов, состояние финансов и военное дело, наука, искусство и многое другое.

Необходимо подчеркнуть, что отношение классиков марксизма к России, ее экономическому, социальному и политическому строю, оценки ее роли в мировой истории претерпевали существенные изменения по мере развития страны, привлечения новых более полноценных источников и усиления интереса к основным проблемам развития России.

Почти полувековой период пристального изучения Марксом и Энгельсом нашей страны можно условно разделить на два этапа: первый охватывает 40-е — начало 60-х годов XIX в., второй — 1861—1895 годы (до смерти Энгельса).

На первом этапе, особенно в 40—50-х годах, впечатления Маркса и Энгельса о России складывались главным образом по материалам периодической печати и работам нерусских авторов. В конце 50-х годов они изучают историю славянства, знакомятся с культурой и литературным творчеством славянских народов, в частности прочитывают «Слово о полку Игореве» (1856).

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 5—6.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 220.

Расценивая состояние России на рубеже 50—60-х годов как «предреволюционное», Маркс и Энгельс все чаще высказывали неудовлетворенность имевшимися в их распоряжении источниками и литературой. Они обращаются к «Колоколу» Герцена, знакомятся с русской социально-экономической и исторической литературой. Весьма высоко оценив книгу Флеровского «Положение рабочего класса в России», Маркс в 1869 г. начал изучение русского языка по мемуарам Герцена и уже в середине 1870 года свободно читал русские книги и рукописи.

Особым вниманием Маркса пользовались труды Н. Г. Чернышевского, которого он считал «замечательным мыслителем» и выдающимся революционером. «Политическая смерть Чернышевского,—говорил он Г. А. Лопатину,— есть потеря для учебного мира не только России, но и целой Европы...»¹.

Маркс знал почти все экономические работы великого русского революционного демократа, а его знаменитые «Письма без адреса» изучал дважды самым тщательным образом. Записи, сделанные им на основе изучения «Писем...» Чернышевского, показывают, что он фиксировал свое внимание именно на тех местах и положениях, которые позже были очень высоко оценены В. И. Лениным. В «Заметках о реформе 1861 года» Маркс по существу ряда важнейших вопросов исходил из анализа реформы, сделанного Чернышевским².

Кроме Герцена и Чернышевского, Маркс и Энгельс знали произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева и др. Они читали «Современник», «Отечественные записки», а также революционные издания русских заграничных групп, были знакомы с ценными рукописями, публикациями архивных документов, миновавшими царскую цензуру, официальными материалами, законодательными актами, рескриптами и циркулярами, многочисленными статистическими сборниками.

Благодаря членам Русской секции I Интернационала Г. А. Лопатину, П. Л. Лаврову, Н. И. Утину, Е. Л. Дмитриевой, Маркс и Энгельс были превосходно осведомлены о русском революционном движении от петрашевцев до первых марксистов.

На основании столь широкого круга источников, дополняемых работами русских и западноевропейских историков, складывались взгляды Маркса и Энгельса на Россию и ее историю. Не имея возможности характеризовать их обстоятельно, остановимся на наиболее существенных моментах, показывающих первое марксистское освещение истории России и его

отличие от всех предшествующих идеалистических схем и концепций.

На рубеже 70—80-х годов К. Маркс начал составлять для себя критический обзор политической истории европейских государств, начиная с I века н. э., и успел довести его до первой половины XVII века; в этот обзор (названный позже Энгельсом «Хронологическими выписками») он внес различные сведения по русской истории.

Записи Маркса содержат критическую оценку использованных источников и исторических сочинений, меткие замечания о важнейших событиях и выдающихся деятелях русской истории. Здесь характеризуются отдельные моменты истории Киевской Руси, период феодальной раздробленности, народная борьба против немецких, шведских и татаро-монгольских захватчиков, процесс объединения русских земель вокруг Москвы, польско-шведская интервенция начала XVII в. Обращает на себя внимание интерес автора «Хронологических выписок» к социально-экономическим вопросам русской истории.

— Касаясь периода Киевской Руси, Маркс отмечал его важное значение в истории восточных славян и других племен, вошедших в состав Древнерусского государства. Он приводит большое количество данных, характеризующих оригинальные обычаи и земледельческую культуру его населения. Считая эпохой расцвета Киевской Руси княжение Владимира, Маркс указывал на первые признаки феодальной раздробленности при Ярославе Мудром.

Внимательно фиксируя все факты, связанные с деятельностью народных масс по обороне своей земли и борьбе с феодалами, Маркс видел значение победы русского народа на Чудском озере в том, что она положила предел захватническому продвижению немецких рыцарей на Восток. В 1242 г., по словам Маркса, «Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы»¹. Другой важной битве 1380 года Маркс предпосылает ряд сведений и фактов, а под датой 8 сентября 1380 г. пишет: «Битва на широком Куликовом поле. Полная победа Дмитрия; на той и на другой стороне вместе пало, как говорят, 200 000 человек. Мамай бежал...»².

Маркс отметил, что ниспровержение татаро-монгольского владычества и усилившийся процесс централизации выдвинули Русское государство на одно из первых мест в Европе, подчеркнув прогрессивное значение в связи с этим деятельности Ивана Калиты, Дмитрия Донского, Ивана III.

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956, стр. 204—205.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 237, 238.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 344.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 151.

В «Хронологических выписках» упомянуты факты появления огнестрельного оружия при Дмитрии Донском, пушек при обороне городов в XV веке.

Говоря о значении Москвы как политического, военного и национального центра, Маркс обратил внимание на развитие здесь ремесла, торговли, культуры. Стремлением Ивана IV пробиться к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой он объяснял его упорство в Ливонской войне¹. Успешную борьбу против польско-шведских интервентов в начале XVII в. Маркс связывал с патриотическим подъемом народных масс, поднявшихся на защиту своей страны под руководством Минина и Пожарского.

Оценивая «Хронологические выписки» Маркса, Р. П. Конюшая пишет, что они «служат для каждого историка глубоко поучительным примером действительно научного подхода к изучению истории. Историческое развитие Маркс исследует как совокупность определенным образом связанных между собой конкретных событий, как результат деятельности людей, занимающих определенное место в общем процессе создания материальных и духовных ценностей, активно участвующих в происходящей социальной борьбе»².

Главное, что интересовало Маркса в русской истории, — это антифеодальное движение крестьянских масс.

Упомянув в «Хронологических выписках» восстание крестьян под предводительством Болотникова, он внимательно изучил единственную в то время монографию Костомарова, посвященную крестьянской войне 1670—1671 гг.³ В конспекте, составленном по его книге «Бунт Стеньки Разина». Маркс так писал о причинах восстания: «Весь порядок тогдашней Руси, — отношения сословий (классов), права их, финансовый быт, управление — все давало казачеству пищу в движении народного недовольства, и вся половина XVII века была подготовлением эпохи Стеньки Разина»⁴. Конспект показывает, что Маркс наибольшее внимание уделял социальным отношениям, условиям жизни крестьянства, фактам эксплуатации и произвола со стороны помещиков. Не случайно он был знаком почти со всеми работами русских историков И. Д. Беляева, В. И. Семевского, П. А. Соколовского, А. И. Скребицкого по истории русского крестьянства, опубликованными до 80-х годов.

Маркса интересовала освободительная война украинского народа, Запорожская сечь как организационный центр борь-

бы; он высоко ценил государственную деятельность Петра I, подчеркивал справедливый, отечественный характер войны с Наполеоном.

Революция 1848 года в ряде стран Западной Европы усилила внимание Маркса и Энгельса к России и, прежде всего, к ее внешней политике. Реакционная сущность царской власти, смертельный страх господствующих классов перед революцией и международные обязательства самодержавной России — все это приводило основоположников научного коммунизма к выводу о неизбежности интервенции царизма в революционную Европу. На основе этого вывода был сформулирован лозунг «выступления в защиту каждого революционного народа, призыв ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры европейской реакции — России»¹.

И в период после подавления революции 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс, веря в неизбежность нового революционного подъема, продолжали призывать западноевропейский пролетариат вести революционную войну прежде всего против царской России, так как самодержавие использовало разгром революции в Европе для укрепления своих внутренних и внешнеполитических позиций.

Одновременно с этим вожди международного пролетариата признавали, что «...господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»².

Изучая предреформенный период русской истории, Маркс и Энгельс посвятили большое количество статей Восточному вопросу и Крымской войне, а также отношениям России с Англией, Францией, Австрией и Пруссией.

Особенно ценный материал о внешней политике России накануне Крымской войны содержит работа Маркса о лорде Пальмерстоне, разоблачающая реакционную политику английской буржуазии. В других статьях, письмах и военно-теоретических работах также немало богатых россыпей ярких мыслей и выводов родоначальников теории научного коммунизма об экономической, политической и военной подготовке Крымской войны. В этом отношении необходимо выделить статью Энгельса «Крымская компания», в которой он, отдавая должное героизму и мужеству русских солдат, отмечал, что основной причиной поражения России является ее социально-экономическая отсталость. «Во всех битвах нынешнего столетия, от Аустерлица и Эйлау до Силистрии, русские показали себя отличными солдатами, — писал Энгельс. — Их поражения, когда и где бы они ни имели место, вполне объяснимы; эти по-

¹ См. Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 165.

² Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 256.

³ См. лекцию 4, стр. 81.

⁴ К. Маркс. Стенька Разин. Ж. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 109.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, М., 1955, стр. 317.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

ражения, может быть, накладывали пятно на репутацию полководцев, но отнюдь не на честь армии»¹.

Варварская отсталость страны, связанная с крепостнической экономикой и реакционным государственным строем, говорил далее Энгельс, накладывала отпечаток на русскую армию, которая теряла свою былую славу. Если Нарва, подчеркивал он, была «первым серьезным поражением поднимающейся нации, решительный дух которой учился побеждать даже на поражениях»², то проигранные сражения в Крымской войне свидетельствовали о глубоком кризисе истощенной страны.

Исход Крымской войны, не приведшей к европейской революции, не мог удовлетворить Маркса и Энгельса, но поражение царизма, по их утверждению, ускорило поворот России на новую общественно-экономическую дорогу. Ф. Энгельс указывал: «Война доказала, что хотя бы из чисто военных соображений Россия нуждается в железных дорогах и в крупной промышленности. И с этой целью правительство принялось растить класс русских капиталистов... и тем самым в городе и в деревне началась подлинная социальная революция, которая уже не давала успокоиться раз пробудившимся умам»³.

Связывая обострение общественно-политической борьбы в России с резким ухудшением экономического положения крестьянских масс, Маркс и Энгельс считали, что основная социальная война в стране шла не между крепостниками и либералами, а между помещиками и крестьянами, борющимися за освобождение с землей.

Движение крестьянских масс России накануне и в период проведения реформы Маркс называл «самым великим событием в мире», заставившим царя и помещиков поспешить с проведением крепостнической реформы. Она, по мнению Маркса и Энгельса, обеспечила и закрепила преобладание помещичьего землевладения над крестьянским, увеличила безземелье крестьян, придавила их грабительскими выкупными платежами, усилила эксплуатацию, нищету и бесправное положение. Маркс детально отмечал проявления средневековых пережитков в землевладении, показывающих необходимость ликвидации помещичьего землевладения, как главного препятствия на пути прогресса.

В конце 60-х годов внутреннее развитие России еще больше привлекает внимание Маркса и Энгельса.

На основании громадного фактического материала, почерпнутого из широкого круга русских источников, выступлений представителей революционно-демократического, либерально-реформистского и правительственного лагерей, Маркс пришел

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 565.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 30.

к важному выводу о буржуазном содержании реформ 60-х годов и капиталистическом характере пореформенной экономики России.

Анализируя сложный и противоречивый процесс утверждения буржуазных общественно-экономических отношений, Маркс и Энгельс указывали на сохранившиеся крепостнические пережитки: помещичье землевладение, остатки барщины, кабальные формы землепользования, различные виды обработок и многое другое.

Это обилие крепостнических пут, тормозивших процесс капитализации крестьянства, основоположники марксизма связывали прежде всего с сохранением помещичьей собственности на землю и самодержавной диктатуры. Тщательно изучая пореформенное положение русского крестьянства, они стремились представить себе социальную структуру деревни во второй половине XIX в., анализировали конкретные проявления капиталистических отношений и остатков крепостничества.

В последние годы жизни Маркс, основательно изучив реформу 1861 года и ее последствия, приступил к систематизации и обобщению изучаемых материалов и литературы. В 1882 г. он пишет «Заметки о реформе 1861 года и пореформенном развитии России», которые показывают глубину марксовой оценки реформы, ее классовой сущности и объективных последствий. «Освобождение, — отмечал Маркс, — сводится попросту к тому, что благородный помещик не может более располагать *личностью крестьянина*, продавать его и пр. Это *личное рабство уничтожено*. Помещики потеряли *власть над личностью крестьянина*... Прежде, во времена крепостного права, помещики были заинтересованы в том, чтобы поддержать крестьянина, как *необходимую рабочую силу*; это отпало. *Крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика*»¹

Все содержание «Заметок о реформе...» показывает, что с ее проведением и последующими результатами Маркс связывал начало нового, капиталистического периода в истории России.

Половинчатый характер реформы, ее незавершенность, наличие острых социальных противоречий и антагонизмов в пореформенный период приводили Маркса и Энгельса к выводу о неизбежности революции в России, которую они несколько преждевременно ждали уже в 70-е годы.

В России руководители международного пролетариата видели страну, которая даст толчок революционной борьбе в Европе и сыграет ведущую роль в развитии западноевропейского рабочего движения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 429—430.

Решительно опровергая народнические утверждения о возможности некапиталистического развития России, они привели многочисленные факты быстрого развития крупной капиталистической промышленности, роста железнодорожного строительства, внутренней и внешней торговли. «С 1861 года, — замечал Энгельс, — в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа»¹. В письме редакции «Отечественных записок» Маркс отмечал в 1877 г., что «если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она... испытает все роковые злоключения капиталистического строя»².

В подписанном обоими авторами предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882) говорится о том, что реформа 1861 года создала все необходимые предпосылки для развития крупной капиталистической промышленности, что «развивающаяся капиталистическая горячка» ведет к завершению промышленного переворота и массовому формированию антипода буржуазии — промышленного пролетариата. Перечисляя признаки нарастающей революции в России, Маркс и Энгельс возлагали основные надежды на быстрый рост и революционные выступления российского пролетариата.

Народники считали, что реформа 1861 года открыла возможность некапиталистического развития, а наличие общины позволяет говорить о переходе к социалистическому строю. Основной смысл народнических утверждений о «самобытности» русской истории сводился к тому, что к ней нельзя применить марксово учение об общественно-экономических формациях и их закономерной смене, о классах и классовой борьбе как основном содержании общественного развития.

Называя народническую веру в социалистические начала общины «аграрным мистицизмом», Маркс и Энгельс указывали, что сама по себе община не может стать исходным пунктом социалистических преобразований. Обстоятельная характеристика русской общины Марксом показывает, что он никогда не разделял народнических иллюзий о ее всеспасительной роли.

Рассматривая общину исторически в зависимости от времени, конкретных исторических условий и экономического развития, Маркс и Энгельс допускали, что она может быть использована для организации социалистического производства только после победы народной революции при обязательной поддержке ее пролетарской революцией на Западе. В этом смысле Маркс писал В. Засулич в 1881 г.: «...специальные изы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма, М., 1947, стр. 447.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 221.

скания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, но для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹.

Вопрос о возможностях использования общины Маркс и Энгельс связывали с темпами развития капитализма в России. Когда оно в 90-е годы приобрело бурный характер, а разложение общины стало фактом, Энгельс писал в 1892 г. Даниельсону: «Боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией»².

Поддерживая и горячо одобряя героическую борьбу революционных народников, Маркс и Энгельс подвергли резкой критике их субъективистскую идеологию. Они показали мелкобуржуазную сущность народнической теории, несостоятельность анархистских взглядов Бакунина, «сверххребческие представления о ходе революции» Ткачева.

Отвечая на брошюру Ткачева «Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу», Энгельс в статье «О социальных отношениях в России», в противовес утопическим бланкистским взглядам своего русского оппонента, дал исчерпывающую характеристику классовой сущности русского самодержавия, исходя из социально-экономического анализа русской действительности. «И когда после этого, — писал Энгельс, — г. Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов никакого сословия», висит «в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе»³. Относительно общины и надежд, возлагавшихся на нее народниками и в том числе Ткачевым, Энгельс заметил, что общинная собственность в России «давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению»⁴.

Касаясь эволюции, пережитой народничеством, Энгельс в письме к Г. В. Плеханову отмечал разницу между революционными народниками 70-х годов и либеральными эпигонами народнического движения. Видя их отказ от революционной борьбы и тенденции к соглашению с правительством, он проро-

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 301.

² Там же, стр. 154.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 256.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 47.

чески предсказал, что «народник, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет монархистом»¹.

Преисполненные стремлением помочь передовым людям России ускорить освобождение русского народа, К. Маркс и Ф. Энгельс активно содействовали распространению революционной идеологии пролетариата в России.

Горячий интерес, с которым передовая часть русского общества относилась к работам основоположников научного коммунизма, виден из письма студентов Петербургского университета Марксу. «Давайте нам советы, или, вернее приказания, — просили они, — чтобы мы могли, следуя Вашей программе, внести свою долю в дело постройки здания, воздвигаемого Вами на развалинах старого общества»².

Уже в 40-х годах некоторые ранние работы Маркса становятся известны отдельным членам кружка Белинского и кружка петрашевцев. В 1848 г. книга Маркса «Нищета философии» была ввезена в Россию на французском языке. «Дальновидное» царское правительство разрешило ее ввоз на том основании, что «предмет сочинения не может быть применяем в России и представляет довольно отвлеченное умозрение». В 50-х годах работы Маркса изучаются в ряде революционных кружков, о нем начинают говорить как о вожде нового, социалистического направления.

В 60-х годах по мере роста революционного движения круг читателей Маркса и Энгельса расширяется. В 1868—1872 гг. на русском языке в Москве и Петербурге были распространены такие произведения Маркса, как «Устав Международного товарищества рабочих», «Первый манифест Международного товарищества рабочих», «Гражданская война во Франции», «Капитал. Критика политической экономии», т. I и др. Еще до перевода на русский язык большой популярностью в России пользовалась книга Маркса «К критике политической экономии».

Первым произведением Маркса, переведенным на русский язык, был «Устав Интернационала», изданный легально и напечатанный в качестве приложения к русскому переводу книги Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению». Книга эта вышла в 1869 г. в Петербурге с предисловием П. Н. Ткачева, но затем по решению комитета министров была уничтожена.

В том же 1869 году в Россию проник «Манифест Коммунистической партии» в переводе М. А. Бакунина. Различными путями экземпляры этого издания из Женевы переправлялись

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 341.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 194.

в Россию. Царская цензура запретила публикацию этого программного документа научного социализма, но задержать проникновение произведений Маркса в Россию царизм не мог. Только за четыре месяца 1869 года было задержано около 600 пакетов с революционной литературой, в большинстве которых находились произведения Маркса и Энгельса.

У многих участников народнического процесса 193-х было обнаружено женевское издание работы К. Маркса «Гражданская война во Франции», переведенной на русский язык.

Одну из самых замечательных страниц в истории издательской деятельности прогрессивных представителей русской общественности составляет издание и распространение в России на протяжении 70—90-х годов трех томов «Капитала», произведения, которому К. Маркс посвятил всю свою жизнь. Имя Маркса в России приобрело особенную популярность именно после перевода «Капитала» на русский язык.

Первый том легального издания «Капитала» на русском языке вышел в Петербурге в 1872 г. тиражом три тысячи экземпляров. Перевод был сделан Г. А. Лопатиным и Н. Ф. Даниельсоном.

Царская цензура при издании первого тома выражала надежду, что труд Маркса останется недоступным русскому читателю. Цензор Скуратов в своем докладе о книге Маркса писал в Петербургский цензурный комитет 23 марта 1872 г.: «Можно с уверенностью сказать, что ее не многие прочтут в России, а еще менее поймут ее».

Предсказание недалекого цензора не сбылось. Великое произведение Маркса вызвало огромный интерес не только среди передовой русской интеллигенции, но и среди рабочих. В 1880 г. в письме к Зорге Маркс с удовлетворением отметил, что в России «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было.

Значительную роль в популяризации работ Маркса сыграло «Общество переводчиков и издателей», созданное в 1882 г. прогрессивным московским студенчеством. Хотя оно существовало недолго, но успело выпустить ряд важных трудов Маркса, таких как «Гражданская война во Франции», «Наемный труд и капитал».

Большую роль в распространении марксизма в России сыграла плехановская группа «Освобождение труда». Под руководством Плеханова была подготовлена «Библиотека научного социализма», в которую вошли переводы на русский язык важнейших произведений научного социализма. Были изданы работы К. Маркса «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли»; Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах» и др.

С появлением в Петербурге В. И. Ленина начался новый период в изучении произведений Маркса в России, которое теперь уже увязывалось с близкой и понятной рабочим русской действительностью и насущными нуждами пролетарского движения. «Владимир Ильич, — вспоминает Н. К. Крупская, — знакомил рабочих с «Капиталом» Маркса. Увязывая теорию с практикой, он учил их собирать материал о своих фабриках и заводах, выяснять конкретные формы эксплуатации... бывало он прочтет им ту или иную главу из «Капитала», а потом мобилизует на собиране соответствующего материала на их фабриках по цехам... Ленин помогал на основе обнаруженных фактов организовывать борьбу против капиталистов. Выпуск листовок с использованием материалов, собранных рабочими, быстро привился и дал блестящие результаты»¹.

Переход к массовой политической агитации определил начало нового, качественно иного этапа в русском революционном движении.

Кадры рабочих-марксистов 90-х годов, воспитанные Лениным и прошедшие под его руководством школу пролетарской борьбы с царским самодержавием, провели колоссальную работу по созданию пролетарской марксистской партии, вовлечению в революционное движение широких рабочих масс, превращению движения стихийно пробуждавшихся рабочих в сознательное социал-демократическое движение.

Перевод и публикация произведений Маркса и Энгельса, способствуя внедрению марксизма в русское революционное движение, бесспорно, оказывали могущественное влияние на дальнейшее развитие русской исторической науки. По мере того как углублялось развитие капиталистических отношений, расправлял могучие плечи русский рабочий класс — семена материалистического понимания истории России, попадавшие на русскую почву, взрыхленную славной плеядой революционных демократов, давали дружные всходы. Их первыми сеятелями в нашей стране были гениальные основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс. Созданная ими теория исторического материализма поставила русскую историческую науку на прочные научные рельсы и вооружила ее чрезвычайно плодотворным и перспективным методом исследования.

Маркс и Энгельс первыми применили основные принципы материалистического понимания истории к изучению России. Они обосновали закономерный характер русской истории, показали смену в ней способов материального производства, раскрыли решающую роль народных масс на всех основных этапах и значение классовой борьбы.

Маркс и Энгельс впервые не только в русской, но и западноевропейской историографии вскрыли объективные закономерности русской истории, занимающей определенное место в истории человечества, а также те характерные особенности социально-экономического и политического развития русского общества во второй половине XIX в., которые предопределили неизбежность и огромные преобразовательные возможности русской революции.

Все это обусловило тот революционный переворот, который произошел в последующем развитии русской историографии при переходе ее на позиции исторического материализма.

Говоря словами В. И. Ленина, с именем которого и был связан этот новый этап в развитии русской исторической науки, в процессе приложения основных методологических принципов исторического материализма к истории России Маркс и Энгельс показали, что «марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности»¹.

Тем самым был предопределен тот коренной перелом в русской исторической науке, который обеспечил ей выход из идеалистического тупика на широкий путь создания подлинно научной концепции отечественной истории.

«Маркс и Энгельс, — по словам Е. Ярославского, — первые дали *марксистское освещение* истории России, *марксистский анализ* классов и производственных отношений в России. Они первые дали *марксистский прогноз* русской революции»². В этом их главная заслуга в русской историографии.

ЛИТЕРАТУРА

«Хронологические выписки». Архив Маркса и Энгельса, т. V—VIII. К. Маркс. Об освобождении крестьян в России. Соч., т. XI, ч. I, стр. 527—545.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., Госполитиздат, 1951.

Историография истории СССР, стр. 330—345.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 219—259.

Е. Ярославский. Маркс и Энгельс о России «Историк-марксист», 1940, № 10, стр. 54—80.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 411.

² Е. Ярославский. Маркс и Энгельс о России. Ж. «Историк-марксист», 1940, № 10, стр. 58.

¹ Н. К. Крупская. О Ленине. Сб. статей. М., 1960, стр. 320.

ЛЕКЦИЯ 11

Г. В. ПЛЕХАНОВ И НАЧАЛО МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В РОССИИ

Общественно-политическая и теоретическая деятельность Плеханова. Формирование его исторических взглядов. Плеханов как пропагандист материалистического понимания истории. Вопросы истории России. Начало нового, ленинского этапа в русской историографии.

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) — выдающийся русский мыслитель, талантливый теоретик-энциклопедист, пионер марксизма в России был наиболее ярким представителем освободительного движения и общественно-политической мысли в нашей стране после Н. Г. Чернышевского и до В. И. Ленина.

Трудно переоценить его заслуги перед российским и международным пролетарским движением.

В тяжелые годы реакции, когда в освободительном движении господствовала ошибочная идеология народничества, он в начале 80-х годов прошлого столетия первым в России высоко поднял знамя марксизма и доказал, что это именно та теория, которую так мучительно и жадно искали лучшие люди России.

Создав первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда», Плеханов указал на рабочий класс, как на ведущую силу революционных преобразований. «Мы, — писал он, — не дергались повторять нашим русским товарищам, что самой главной революционной силой современной России является ее пролетариат...»¹.

Плеханов одним из первых в международном рабочем движении выступил против многочисленных врагов марксизма, вынужденных благодаря успехам пролетарской идеологии рядиться марксистами. Борьба против бернштейнцев, легальных марксистов, анархо-синдикалистов, экономистов, кантянцев и махистов принесла ему большую популярность и заслуженную славу в мировом революционном движении.

Разоблачив вымыслы противников научного социализма о неприменимости марксизма к русским условиям, Плеханов

разработал ряд вопросов марксистской теории. На его трудах, особенно книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», воспитывалось целое поколение русских марксистов.

Своими произведениями Плеханов положил начало русской марксистской историографии.

Сложную и противоречивую общественно-политическую и теоретическую деятельность Г. В. Плеханова принято делить на три периода: первый — народнический (1875—1883); второй — марксистский (1883—1903); третий — меньшевистский (1903—1918).

В настоящей лекции мы остановимся на первых двух периодах, с тем чтобы в следующей части курса охарактеризовать исторические взгляды Плеханова в период его меньшевистских заблуждений.

Родился Плеханов 29 ноября 1856 г. в селе Гудаловке, Липецкого уезда, Тамбовской губернии, в семье мелкопоместного дворянина. Мать Георгия Валентиновича — Мария Федоровна Плеханова была племянницей великого русского критика революционера-демократа В. Г. Белинского. Она воспитала сына в духе прогрессивных идей своего времени. Юношеские годы Плеханова проходили под сильным воздействием идей Белинского и Некрасова, а все «умственное развитие, — по его собственному признанию, — совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского»¹.

В период учебы в Петербургском горном институте Плеханов увлекался «Историческими письмами» Лаврова. Его политические убеждения складывались как революционно-народнические, хотя уже в 70-е годы он был знаком с некоторыми произведениями Маркса. Несколько позже в 1881 г. он писал Лаврову: «С тех пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях»².

В 1876 г. Плеханов стал одним из инициаторов создания «Земли и воли». На первой в России революционной демонстрации, состоявшейся 6 декабря 1876 г. в Петербурге на Казанской площади, он выступил с горячей речью, которая прозвучала как страстный протест передовой общественности против травли Чернышевского и его сторонников, как защита народа против угнетателей. После этого преследуемый полицией Плеханов едет за границу, но летом того же 1877 года

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, М., 6 г., стр. 382.

² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, М., 1940, стр. 206.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 332.

возвращается в Петербург и продолжает активную революционную деятельность.

Исключенный из Горного института, Плеханов ведет революционную пропаганду в Саратове среди учащихся и рабочих, а летом 1878 года на Дону пытается поднять восстание казачества, недовольного введением земства. Потерпев неудачу, возвращается в Петербург, где первым среди народников обращается к рабочим массам с целым рядом прокламаций. Он пытался использовать рост стачек петербургских рабочих для усиления революционной агитации.

Хотя Плеханов первым обратил внимание революционных народников на такое новое явление, как массовые выступления рабочих, он рассматривал их как вспомогательную силу крестьянской «социалистической» революции. Его пропагандистская работа в среде фабрично-заводских рабочих, тесные связи с передовыми пролетариями С. Халтуриним и П. Моисеенко — организаторами «Северного союза русских рабочих» — сыграли определенную роль в эволюции к марксизму, но в 70-е годы он был народником.

Исторические взгляды Плеханова в народнический период нашли отражение в работах, написанных в конце 70-х годов, — «Каменская станица» (1878), «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879), «Поземельная община и ее вероятное будущее» (1880).

В них автор говорил о закономерности исторического развития, касался вопросов русской истории, выступал против либерально-буржуазной историографии и, как это ни парадоксально, защищая народническую доктрину, ссылаясь на Маркса. Мы понимаем, писал Плеханов, роль капитализма в сплочении рабочих масс: «На Западе он, действительно, был естественным предшественником социализма». В России же, утверждал он в чисто народническом духе, экономическое развитие шло и продолжает идти другим путем. Здесь сохранилась крестьянская община, поэтому «мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса»¹, — утверждал в ту пору Плеханов.

По поводу ссылок на Маркса, которые тогда делали не только народники, но и либералы, В. И. Ленин писал: «Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории

софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм... и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»¹.

В понимании отечественной истории Плеханов придерживался тогда народнической доктрины. Так, в статье «Каменская станица» он писал: «Вся русская история представляет не что иное, как непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями общины и личности. Борьба эта тянется красной нитью через все 1000-летнее существование русского государства, принимает самые различные формы — от восстания Стеньки и Пугачева до возведения бегства от властей и полного отрицания государственности в религиозный догмат. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь не прекращается и в настоящее время»².

Вместе с тем ссылки Плеханова на учение Маркса о законах общественного развития, признание им определяющего значения экономических отношений были шагом вперед от субъективной социологии народников. «Экономические отношения в обществе, — писал Плеханов, — признаются нами основанием всех остальных, коренную причину не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов»...³. Разумеется, подобные высказывания еще не означали признания марксизма.

Народнические позиции Плеханова совершенно отчетливо видны в том, что практические задачи русского революционного движения он отождествлял с теми же задачами, которые ставили себе «титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие»⁴. Хотя в подобных взглядах еще не было ничего марксистского, но Плеханов уже тогда писал о необходимости поддержать всероссийский крестьянский бунт рабочими выступлениями, для того чтобы отвлечь в города полицию и войско и этим облегчить победу восставших крестьян.

После раскола «Земли и воли» в 1879 г. на воронежском съезде, где Плеханов решительно выступил против террористической тактики, в январе 1880 г. он под угрозой ареста уехал за границу, где быстро эволюционировал в сторону марксизма.

В работе «Новое направление в политической экономии», написанной в Париже (1881), Плеханов подверг резкой критике буржуазную историческую школу в политической экономии и обнаружил тенденцию к признанию марксистской теории. В письме к Лаврову (конец декабря 1881 г.) он признал факт вступления России на капиталистический путь. «Как жаль, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 162—163.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 29.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 66.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 61.

мне не пришлось послушать Вашей лекции о «Капитализме в России». Я, как Вам известно, держусь того взгляда, что это дело уже решенное, — писал Плеханов, — Россия «уже вступила на путь естественного закона своего развития, и все другие пути, — мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран, — для нее закрыты»¹.

Решающим моментом в переходе Плеханова на марксистские позиции была его работа над переводом «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. «...Чтение «Коммунистического манифеста», — указывал он, — составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык»².

Сам факт перевода этого произведения на русский язык в период перехода русской революционной и социалистической мысли «от утопии к науке» имел колоссальное значение в распространении идей научного социализма среди русской революционной молодежи и подготовке перехода от народничества к марксизму.

Плеханов не только перевел программный документ марксизма, но и проявил инициативу в получении специального предисловия Маркса и Энгельса к русскому изданию «Манифеста», того знаменитого предисловия, в котором были определены перспективы русской революции.

Свою работу над переводом «Манифеста» Плеханов расценивал лишь как начало систематической пропаганды учения Маркса и Энгельса в России. В статье «Афанасий Прокофьевич Щапов», опубликованной в первом номере «Вестника Народной воли» за 1883 год, он решительно порвал с народничеством, отвергнув его как доктрину, тормозившую дальнейшее развитие революционной борьбы.

25 сентября 1883 г. объявлением «Об издании «Библиотеки современного социализма» было положено начало созданию первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда». В самом объявлении и первой марксистской работе Плеханова «Социализм и политическая борьба» содержалось признание передовой роли пролетариата в революции и ставилась задача его организации и воспитания в духе научного социализма Маркса и Энгельса.

Подвергнув уничтожающей критике все течения народничества от лавристов до народолюбцев, Плеханов показал, что все их неудачи определялись непониманием законов общественного развития, игнорированием реального соотношения классовых сил в стране, а следовательно, непониманием исторической роли пролетариата как самой передовой революционной

силы в борьбе против самодержавия и буржуазии. Социалистическое движение в России, утверждал Плеханов, имеет будущее только как движение пролетариата.

С 1883 года, с образования группы «Освобождение труда» и появления работы «Социализм и политическая борьба», которую В. И. Ленин называл манифестом первых русских марксистов, начался самый плодотворный, марксистский период в деятельности Плеханова. «Чтобы выйти из тупика, в который зашло русское революционное движение к началу 80-х годов, — пишет Ю. З. Полевой, — необходимо было, с одной стороны, со всей смелостью вскрыть действительные причины краха революционного народничества, и в первую очередь несостоятельность самой теории, на основе которой оно развивалось, а с другой — указать русским революционерам на марксизм как на единственную верную теорию социализма. Это сделал Плеханов, и в этом прежде всего его бессмертная заслуга перед русским социалистическим рабочим движением»¹.

Наряду с переводом и популяризацией важнейших произведений основоположников научного социализма, историческая задача распространения марксизма в России требовала критики народнической социологии, освящения в свете марксистской теории важнейших проблем русской истории.

Плеханов выступил как первый русский историк-марксист, не только пропагандировавший материалистическое понимание истории, но и решавший на этой основе многие важные проблемы истории России.

До недавнего времени сложная и многосторонняя деятельность Плеханова, особенно его исторические взгляды, освещались односторонне.

Литературоведы и философы 20-х годов (например Л. И. Аксельрод) противопоставляли Плеханова как теоретика Ленину, которого неправильно изображали, главным образом революционным практиком, отрицали связь политического оппортунизма Плеханова с его ошибками в философии и социологии в меньшевистский период деятельности.

Вопреки ленинским оценкам сложилось нигилистическое отношение к марксистским трудам Плеханова. Под влиянием односторонней оценки, данной Плеханову в «Кратком курсе истории ВКП(б)»², перестали видеть разницу между работами Плеханова до 1903 г., когда он был революционным марксистом, и работами последнего, меньшевистского периода. Получалось, что до 1903 г. Плеханов, еще не преодолев народнических иллюзий, был уже заражен меньшевизмом.

¹ Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России, Изд-во АН СССР, 1959, стр. 170.

² См. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1952, стр. 97.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 210.

² Там же, стр. 17.

В связи с этим неверно определялось место Плеханова в русской историографии и его заслуги в развитии марксистской исторической науки в России. Эм. Газганов в статье «Исторические взгляды Г. В. Плеханова», опубликованной в 1928 г., прямо утверждал, что «историческая концепция Г. В. Плеханова, несомненно, являлась меньшевистской оценкой путей исторического развития России, меньшевистской философией русской истории»¹.

Недооценка роли Плеханова в распространении материалистического понимания истории на историю России и по существу игнорирование марксистского периода его деятельности характерно для книги Н. Л. Рубинштейна по русской историографии. В самом начале главы, посвященной Плеханову и носящей прозрачное тенденциозное название², говорится, что те «ошибочные взгляды Плеханова», которые, по определению «Краткого курса истории ВКП(б)», «были зародышем его будущих меньшевистских взглядов», как раз полнее всего сказались на его исторических взглядах, оказавшихся с самого начала в противоречии с основными принципами исторического материализма»³.

Стремясь в последующем изложении подтвердить сказанное, Н. Л. Рубинштейн анализирует исторические взгляды Плеханова в основном только по его трехтомной «Истории общественной мысли», написанной, как известно, в последний, меньшевистский период, когда Плеханов для обоснования своей оппортунистической тактики создал соответствующую схему русской истории, которая заметно отличалась от его исторических воззрений 1883—1903 годов.

Подобная односторонность в оценке Плеханова как историка, идущая от известных положений «Краткого курса истории ВКП(б)», приводила некоторых исследователей плехановского наследия к грубым ошибкам и вульгаризации. Так, А. И. Гельдман в кандидатской диссертации «Об исторических взглядах Г. В. Плеханова» заявил, что «основная методологическая ошибка Плеханова в подходе к историческим событиям состояла в игнорировании марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Игнорируя основные положения марксизма, говорящие о том, что в основе каждой исторической формации лежит определенный способ производ-

ства, Плеханов пришел в трактовке русского исторического процесса к неверным и ошибочным выводам»¹.

Трудно согласовать подобные «выводы» с ленинским замечанием о том, что лучшее изложение философии марксизма и теории исторического материализма содержится в работах Г. В. Плеханова².

В самом деле, достаточно взять лучшую теоретическую философскую работу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (вышедшую легально в 1894 г.), чтобы убедиться в правоте ленинской оценки. Исключительно ярко и убедительно в книге (которая была первой, после Маркса и Энгельса, попыткой систематического марксистского анализа и критики домарксовской философии, социологии и истории) изложены основные положения марксизма о законах общественного развития, смене общественно-экономических формаций, движущих силах исторического процесса.

Рассматривая в первой главе домарксову философию, социологию и историю, Плеханов стремится показать преемственность марксизма по отношению к предшествующей истории западноевропейской науки и культуры и приходит к выводу, что подлинная наука об обществе начинается только с Маркса и Энгельса.

Плеханов дает блестящий классовый анализ исторических взглядов французских материалистов XVIII в. Гольбаха, Гельвеция и историков эпохи реставрации Ф. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье. Говоря о том, что они сделали крупный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками в признании закономерности исторического развития, Плеханов обращает внимание читателей на их идеалистическую ограниченность, обусловленную буржуазными позициями. Коснувшись затем связи утопических взглядов на общественную науку с интересами буржуазного класса, он резко критикует социологические воззрения представителей немецкой идеалистической философии — Канта и Гегеля.

Одновременно Плеханов дает убийственную критику «субъективной социологии» Михайловского, Даниельсона, Воронцова, Кареева и других, показывает их родство с давно отвергнутыми марксизмом учениями социалистов-утопистов и младогегельянцев. «Как ни любит герой толпу, — пишет он, — как ни полон он сочувствия к ее вековой нужде, к ее непрерывным страданиям, — он не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде

¹ Ж. «Историк-марксист», 1928, т. 7, стр. 116.

² Плеханов. Мелкобуржуазные тенденции в социал-демократии. «Меньшевистский пятитомник», гл. 32; см. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 545.

³ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 546.

¹ А. И. Гельдман. Об исторических взглядах Г. В. Плеханова. Автореф. канд. дисс. Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина, М., 1950, стр. 2.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26., стр. 88.

огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая, «критически мыслящая» единица. Эkleктический идеализм братьев Бауэров был основой страшного, можно сказать, отвратительного самомнения «критически мыслящей» немецкой «интеллигенции» сороковых годов, а в настоящее время он, через посредство своих российских сторонников, порождает тот же недостаток в интеллигенции России. Беспощадным врагом и обличителем этого самомнения явился Маркс...»¹.

Во второй половине работы, посвященной обоснованию и защите диалектического и исторического материализма, Плеханов подчеркивает всемирно-историческую заслугу Маркса и Энгельса, открывших законы истории, основанные на ее материалистическом понимании. «До Маркса, — указывал он, — общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника»². Только Маркс и Энгельс создали подлинную историческую науку, только они сумели «применить материализм к объяснению исторического движения человечества, потому с Маркса начинается новая эпоха в развитии общественной науки»³.

Плеханов разъяснял, что учение Маркса всемерно, ибо опирается на объективные законы развития производительных сил, ведущих к изменению экономических отношений. «Поэтому дело всякого исторического исследования, — отмечал он, определяя задачу марксистской науки, — приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономии покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем — и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи — человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов»⁴.

Пропаганда и приложение исторического материализма к русской истории были для Плеханова отнюдь не спокойным академическим занятием, а протекали в упорной борьбе с противниками марксизма, особенно с ревизионистами, маскировавшимися под марксизм.

В 90-х годах, когда развернулась упорная борьба марксистов с народниками, наряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели «легальные марксисты» П. Б. Струве, С. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, Н. Бердяев и др. «Это были, — по определению Ленина, — буржуаз-

ные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, ...а к буржуазному либерализму»¹.

Исторические взгляды легальных марксистов, поставивших ряд проблем русской истории, были своеобразной разновидностью либерально-буржуазной историографии. Наиболее видным из них был П. Б. Струве (1870—1944), опубликовавший в 1894 г. направленную против народничества книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Популяризируя некоторые стороны марксизма, Струве уже в предисловии заявил, что он «не заражен марксистской ортодоксией». Тем не менее Плеханов вначале надеялся, что Струве способен понять «Капитал» Маркса и освободиться от вулгарной теории «экономического материализма». Когда же Струве и другие «легальные марксисты» начали поход против марксистской философии, ратуя за возврат к неокантианству, Плеханов выступил против них.

В ряде статей, объединенных общим названием «Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития», Плеханов, разоблачая метафизические вымыслы лидера «легальных марксистов», показал, что он своим отрицанием объективного характера законов истории до такой степени извратил Маркса, что если бы автор «Капитала» прочел его писания, то вспомнил бы несколько изменяя слова некрасовской поэмы «Суд»:

Я в деле собственном моем,
Конечно не судья; но в том,
Что критик мой сказал,
Своей я мысли не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно —
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячень колючий — и притом
Наполовину с дурманом².

Отмечая совпадение между взглядами Струве и такими матерьями апологетами капитализма, как Брентано, Зомбарт, Бем-Баверк и другими, утверждавшими, что общественное развитие идет не путем классовой борьбы и революции, а через «притупление противоречий», Плеханов писал, что все они не идут дальше «штопанья буржуазной общественной ткани»³. В «Критических заметках» Струве, подчеркивал он, марксизм и вулгарные теории буржуазной социологии стоят рядом, «обнявшись будто две сестры...»⁴, поэтому Струве, так же как

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, стр. 156.

² Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. I, М., 1956, стр. 636.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 311.

⁴ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. 1, стр. 678—679.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 96.

² См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 155.

³ Там же, стр. 275.

⁴ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. 2, М., 1956, стр. 518.

и представители либерально-буржуазной историографии, говорит о борьбе двух начал в русской истории (бунтарско-анархического и разумно-государственного), о буржуазном государстве как «организации порядка», отрицает прогрессивную роль угнетенных классов и их борьбы с эксплуататорами.

В защите и конкретизации положений исторического материализма о закономерностях исторического процесса, о производительных силах и производственных отношениях, о классовой борьбе и социальной революции, Плеханов особенное внимание обращал на разработку тех вопросов исторического материализма, которым Маркс и Энгельс не дали детального обоснования. К их числу следует отнести вопрос о роли идеологии в развитии общества и о роли личности в истории.

В противовес субъективистской волюнтаристской теории народников и анархистов, превращавших историю общества в арену деятельности героев, Плеханов в своей работе «К вопросу о роли личности в истории» писал, что «...личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества», но «характер» личности является «фактором общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения»¹.

Сравнивая народнические теории о «критически мыслящих личностях» с историческими представлениями средневековых монахов, Плеханов считал это «недостойным современных историков. То, что нам нужно в настоящее время, — подчеркивал он, — это... история страны, история народа, история граждан... Таким образом, народ, вся нация должна быть героем истории»².

С признанием Плехановым диалектического единства исторической необходимости и свободы были связаны его представления о роли субъективного фактора в истории — сознательной деятельности людей, их идей и учреждений, изложенные в работах «О материалистическом понимании истории», «Основные вопросы марксизма» и др. Плеханов показал, что Маркс и Энгельс не только обосновали первичность общественного бытия, обнаружили экономические, материальные корни общественных идей, но и указывали на обратное воздействие общественного сознания на общественное бытие, надстройки на базис.

Пользуясь тем, что Маркс и Энгельс не раскрыли механизм взаимодействия надстройки и базиса, противники марксизма обрушились на теорию исторического материализма, вульгаризируя ее. Критикуя вульгаризаторские теории пред-

ставителей «экономического материализма», «теорию факторов», Плеханов стремился осветить историю развития различных форм общественного сознания, их активное воздействие на общественное бытие. «Объяснить с нашей материалистической точки зрения развитие искусства, религии, философии и прочих идеологий, — считал он, — значит дать новое и сильное подтверждение материализму в его применении к истории»¹.

Сам Плеханов в целом успешно, хотя и не без серьезных ошибок, решал задачу материалистического обобщения огромного фактического материала по истории философии, общественной мысли, истории искусства, религии, рабочего движения. История человечества, в его представлении, никогда «не совершается в плоскости одной экономики... Путь от одной точки поворота к другой всегда лежит через «надстройку»².

Изучая историю различных форм идеологии, Плеханов приходил к выводу, что все достижения мировой культуры — законное наследие трудящегося человечества, которое должно стать достоянием пролетариев всего мира.

Блестящий публицист в одной из своих работ писал, что «если у буржуазных и мелкобуржуазных идеологов есть идеалы, то они — крошечный садик в необъятном поле исторических случайностей», идеалы же марксизма показывают, как превратить все необъятное поле земли в цветущий сад. «Без революционной теории, — подчеркивал он, — нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»³.

Правда, после 1903 года, в последний период своей деятельности, Плеханов недооценил политическую сознательность и революционную инициативу русского рабочего класса, ставшего гегемоном в буржуазно-демократической революции, не понял значения союза рабочего класса с крестьянством. Тем самым он, по существу, сполз к меньшевистской теории «стихийности», нашедшей яркое отражение в его социологических взглядах. Об этом будет подробно сказано в следующем разделе нашего курса.

¹ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. 2, стр. 322.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 11.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. III, 1936, стр. 90.

² Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. 2, стр. 216.

³ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. I, стр. 95.

На заре русской марксистской историографии основная задача сводилась к пропаганде и развитию основ марксистской социологии и исторического материализма.

Утверждение материализма в русской исторической науке, протекавшее в ожесточенной борьбе с идеалистическими теориями, требовало наряду с рассмотрением проблемы капиталистического развития страны, изучения истории освободительного движения и общественной мысли, истории культуры.

Плеханов вошел в историю русской исторической науки как первый марксистский историк русской революционно-демократической мысли и рабочего движения в России. Он впервые в русской историографии применил принцип исторического материализма, анализируя историю русской общественной мысли.

В своем стремлении к всестороннему изучению объективных условий общественного развития Плеханов ставил на первое место развитие классов и классовой борьбы. «Ходом развития и взаимными отношениями классов, составляющих русское общество, — подчеркивал он, — и должно быть объяснено неоспоримое относительно своеобразие русского исторического процесса»¹.

Деятельность русских революционных демократов Белинского, Чернышевского и их соратников была для Плеханова выражением гневного протеста самого передового для того времени общественного слоя разночинцев против царизма и крепостничества, против того строя, который тормозил развитие общественных отношений в России и «загораживал русской народной массе дорогу к знанию»².

Изучая философские, общественно-политические и исторические взгляды русских мыслителей в неразрывной связи с развитием мировой философской, общественно-политической и исторической мысли, Плеханов старался подчеркнуть то особенное, свое, что внесли они в науку.

Важной особенностью плехановских работ было стремление автора показать вклад в науку того или иного представителя общественно-политической и исторической мысли в сравнении с тем, что дали его предшественники, выяснить, чем данный историк или философ обогатил науку, в каком направлении пошел вперед сравнительно с другими исследователями. Так, анализируя исторические взгляды основоположника революционно-демократического направления в историографии Н. Г. Чернышевского, Плеханов сравнивал его труды с работами французских историков времен реставрации, материалистические догадки с идеями Белинского и Фейербаха, диалек-

тику Чернышевского с диалектикой Гегеля, методологические принципы в целом с марксистской методологией¹.

Несмотря на серьезные ошибки в использовании такого метода, само применение его к конкретному изучению истории было значительным достижением.

Уделяя наибольшее внимание Н. Г. Чернышевскому, которого Плеханов считал самым крупным революционным мыслителем России, он критически рассмотрел все стороны его мировоззрения. В книге «Н. Г. Чернышевский» (1894) Плеханов выступил против либеральных народников, которые замалчивали и фальсифицировали революционно-демократические и материалистические идеи великого русского революционера-мыслителя. «По сравнению с народниками Чернышевский до сих пор остается самым передовым человеком»², отмечал Плеханов, подчеркивая материалистический, революционный характер его мировоззрения.

Рассматривая исторические взгляды Чернышевского, он не ограничивался сравнением их со взглядами современников и предшественников, а глубоко и тщательно анализировал литературно-публицистические статьи великого русского мыслителя и стремился показать тот вклад, который он внес в историческую науку.

Значение и величина этого вклада, по мнению Плеханова, определялись прежде всего наличием материалистических догадок в понимании истории, которые свидетельствовали о его превосходстве над представителями домарксовой историографии. «Мы уже видели, — писал он, — что Чернышевский умел объяснять развитие философской мысли ходом политической борьбы, т. е. опять таки развитием общественной среды. Мы знаем также еще из статьи «Антропологический принцип в философии», что всякое данное общество, равно как и всякая данная органическая часть общества, считает полезным и справедливым то, что полезно этому обществу, или этой его части. Чернышевскому стоило только последовательно применить этот взгляд к истории идейного развития человечества, чтобы ясно увидеть, каким образом это развитие обуславливается столкновением человеческих интересов в обществе, т. е. «экономикой» этого общества. И Чернышевский в самом деле ясно видел это, — по крайней мере в некоторых случаях»³.

Цитируя «Очерки политической экономии (по Миллю)», в которых Чернышевский говорит о решающей роли экономического развития, Плеханов замечает, что под такими «строками

¹ См. М. И. Сидоров. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в., Изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 74.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 114—115.

³ Там же, стр. 257.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 13.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXI, стр. 138.

охотно подписался бы любой из современных материалистов-диалектиков»¹, но тут же говорит о недостаточной стройности и последовательности исторических взглядов Чернышевского. «Главный недостаток этих исторических взглядов, — пишет он, — состоит в том, что материализм чуть не на каждом шагу уступает в них место идеализму и, наоборот, причем окончательная победа все-таки достается идеализму»².

Указав на идейную близость Чернышевского и основоположников марксизма, он отмечал, что беря во внимание русскую действительность, окружавшую великого демократа-революционера, «удивляешься не тому, что Чернышевский отстал от Маркса и Энгельса, а тому, что он так мало отстал от них»³.

Плеханов первым в русской историографии обратил внимание на то, что Белинский обладал чутьем гениального социолога, стремившегося «обосновать ход своих идей на объективном ходе вещей»⁴.

Белинский, как показал Плеханов, считал показателем разумности и жизненности общественных явлений их внутреннюю необходимость и историческую обусловленность. Разумны такие общественные учреждения, полагал Белинский, которые «диалектически развиваются в историческом движении». Высказав подобную мысль, Белинский по утверждению Плеханова, «показал себя способным подняться на высоту самых важных и самых трудных задач социологии. С тех пор, как была высказана им эта мысль, общественная наука не сделала решительно ни одного завоевания, которое не подтверждало бы ее правильности»⁵.

Плеханов ценил у Белинского, как и других революционеров-демократов, стремление связать историю с насущными задачами современности, а также то, что он признавал серьезными и плодотворными только такие действия, которые опираются на объективный ход общественного развития.

В утверждении Белинского о том, что для будущего России необходимо превращение дворянства в буржуазию, Плеханов видел зачаток материалистического понимания истории, так как будущее страны в данном случае ставилось в зависимость от экономического развития. «Белинский не дожил до той поры, — писал Плеханов, — когда научный социализм окончательно сложился в стройную теорию. Но его гениальная мысль, уже вскоре после выступления его на литературном поприще, поставила

перед ним такие теоретические задачи, правильное решение которых прямым путем вело к научному социализму»¹.

В книге «Социализм и политическая борьба» Плеханов впервые коснулся идейных истоков народничества, охарактеризовал его отдельные течения и историю народнических организаций. В следующей крупной работе «Наши разногласия» Плеханов показал эволюцию взглядов Герцена и Чернышевского на перспективу капиталистического развития страны, сравнивая их со взглядами Бакунина и Ткачева.

Первая попытка систематического изложения истории народничества связана с предисловием Плеханова к русскому изданию книги польского либерально-буржуазного историка А. Туна «История революционных движений в России». В нем Плеханов не только критиковал идеалистические заблуждения польского историка, но и одновременно рассмотрел ошибочные положения историка «Земли и воли» народовольца Е. А. Серебрякова.

Однако Плеханов не сумел вскрыть социальную сущность русского народничества и его исторические корни, за что был подвергнут справедливой критике В. И. Лениным.

Рядом статей, посвященных стачечному движению в России, Плеханов положил начало истории русского рабочего движения. Наиболее известными в этом отношении являются статьи «Русский рабочий в революционном движении», «Забастовка в России», «Первое мая 1861 года. Четыре речи рабочих» и др. Его характеристики первых русских рабочих-революционеров, освещение истории «Северного союза русских рабочих», анализ настроения рабочих масс и состояния революционной пропаганды сохранили до сих пор свое познавательное значение.

Конечно, основное внимание Плеханов, как первый пропагандист марксизма в России, обращал на изучение истории возникновения марксизма. В превосходной книге «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность», в статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» он, кроме глубоких исторических знаний, обнаружил умение с марксистских позиций анализировать общественно-политические условия деятельности Лассаля и Гегеля.

Плеханов проявлял также большой интерес к изучению и разработке основных проблем всеобщей истории, особенно истории Великой Французской революции, утопического социализма, предпосылок возникновения марксизма.

Решение всех политических проблем России конца XIX — начала XX века упиралось в правильное понимание и научную разработку особенностей ее экономического развития. Острая политическая борьба сделала актуальными даже вопросы ранних периодов истории России, и Плеханов, находив-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 42.

² Там же, стр. 261.

³ Там же, стр. 341.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 240.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 135.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 145.

ший на переднем крае этой борьбы, не мог пройти мимо них.

В работах 1883—1903 гг. Плеханов высказал много правильных и ценных в теоретическом отношении мыслей, способствующих созданию марксистской концепции русской истории.

В письмах 1892 года «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» он показал активную роль самодержавного государства в закреплении крестьянства.

Рассматривая мировоззрение Чернышевского, Плеханов попутно коснулся крайностей крепостничества в России XVIII века с характерной для него торговлей людьми, связал рост закрепостительного процесса в XVI в. с обострением классовой борьбы крестьянства, хотя она и протекала в пассивной форме бегства в юго-восточные земли и сама была обусловлена усилением крепостного гнета.

В статье, посвященной П. Я. Чаадаеву — «Пессимизм как отражение экономической действительности» (1895), Плеханов писал о прогрессивности экономической политики Петра I, положившей начало крупной промышленности в России и способствующей развитию товарного хозяйства.

Несколько ранее в статье «Новый защитник самодержавия, или «горе г. Л. Тихомирова» (1889) он акцентировал внимание читателей на крайних формах деспотической власти русского самодержавия, на том, что его экономические и внешнеполитические успехи обязательно сопровождались усилением крепостного гнета, расширением эксплуатации народных масс.

Все экономические реформы царизма, подчеркивал Плеханов, осуществлялись под давлением исторической необходимости и отнюдь не ставили своей задачей улучшение жизни русского народа.

Ярким примером служила реформа 1861 года, которую Плеханов считал издевательством над крестьянами и их надеждами на освобождение. Реформа, по его мнению, была проведена только тогда, когда стало ясно, что тридцатилетний полицейский режим Николая I не смог ее предотвратить. Крестьяне 19 февраля 1861 г., писал Плеханов, из крепостных по отношению «к барину, к пану», «стали крепостными по отношению к казне», так как им «были навязаны земельные наделы, за которые взыскивается выкуп, значительно превосходящий их стоимость. Не заплатив этого выкупа, крестьянин не мог оставить свою землю». Поэтому реформа была «лицемерной комедией», которую «многие добрые, но наивные люди до сих пор называют освобождением русских крестьян с землей», хотя со времени «освобождения» экономическое положение русского крестьянина очень значительно изменилось

к худшему, а налоги, взимаемые с «души» стали значительно тяжелее¹.

Касаясь истории пореформенной России, Плеханов указывал на прогрессивность капитализма и несостоятельность народнических утверждений относительно антикапиталистической роли общины. Экономическая деятельность буржуазии, подчеркивал он, с неизбежностью порождает пролетариат.

Глубокий марксистский анализ исторического развития России во второй половине XIX в. нужен был Плеханову для определения политических задач рабочего движения. «Русский деспотизм, как и все восточные деспотии, — писал он, — покоился на невежестве и консерватизме русских крестьян, живущих в пресловутых (коммунистических!) селских общинах и не интересовавшихся тем, что происходило за пределами их околиц. В настоящее время эта старая основа русского деспотизма разрушена, разрушена самими же деспотизмом. Русская община отошла в прошлое». Со времени Крымской войны Россия пережила экономическую революцию. Больше того, по иронии истории реакционеры являются у нас самыми большими революционерами. «Это именно они всеми силами старались форсировать экономическое развитие, которое должно положить предел их господству»².

Справедливости ради следует сказать, что уже в марксистский период Плеханов наряду с многими правильными положениями и выводами допускал серьезные ошибки.

Перечисляя их, Ф. Я. Полянский в статье «Историческая концепция Г. В. Плеханова» справедливо относит некоторые из них за счет недостаточного знакомства с историческими фактами. «Но коренная причина ошибочных установок Плеханова, — подчеркивает Полянский, — заключалась в том, что он уже в то время некритически воспринимал схемы буржуазных и дворянских историков России, хотя они решительно противоречили первоосновам марксизма. Усвоив марксистские положения, Плеханов оказался не в состоянии дать им творческое применение в анализе исторического прошлого России и потому довольствовался построениями историков, далеких от марксизма»³.

Наиболее ярко догматизм Плеханова виден в решении проблемы происхождения крепостничества, где он, по существу, повторил чичеринскую теорию государственного закрепощения, согласно которой крепостничество является лишь правовым яв-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, 1928, стр. 364—365.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 168.

³ Ф. Я. Полянский. Историческая концепция Г. В. Плеханова. «Уч. зап. МГУ», вып. 179. «Тр. кафедры истории нар. хоз. и экон. учений экон. ф-та», М., 1956, стр. 156—157.

лением чисто государственного происхождения. Идеалистически связывая процесс закрепощения с задачей государством крестьян служилым людям, Плеханов писал: «Государство издавна закрепостило крестьянина с весьма простой и понятной целью его эксплуатации», а затем «лишь передавало служилым людям свои владельческие права над землепашцами»¹.

Плеханов преувеличивал роль политических факторов закрепощения, оставляя в тени объективные экономические предпосылки и такую основу феодализма, как феодальная собственность на землю. Конечно, государство, будучи классовой организацией феодалов, помогало им в закрепощении крестьян, но само оно складывалось в процессе закрепощения по мере обострения классовой борьбы крестьянства.

Ошибки Плеханова в подмене генезиса крепостничества его последующим экстенсивным распространением были связаны с неправильным пониманием сущности крепостного строя. Позднее при разработке программы РСДРП в 1902 г. В. И. Ленин указывал, что Плеханов, «видимо, отвергает выражение: старый крепостной общественный порядок, считая выражение «крепостничество» применимым только к *правовому* строю. Я думаю, что это различие неосновательно: «крепостное право», конечно, было учреждением юридическим, но оно соответствовало и особой системе помещичьего (и крестьянского) хозяйства, оно проявлялось и в массе не оформленных «правом» «бытовых отношений»².

Второй существенной ошибкой Плеханова было утверждение о государственном происхождении сельской общины, также заимствованное у Чичерина. В статье «Всероссийское разорение» (1892) Плеханов писал, что древняя русская община не знала переделов земли, так как она была «неотъемлемой собственностью» крестьян и переделы земли лишь перемещали ее доли. По мере развития государства и военного деспотизма земля стала государственной собственностью, а введение подушной подати создало передельную общину.

Так, критикуя народническую теорию «общинного социализма», Плеханов, отказываясь признать будущее сельской общины, перечеркивал ее прошлое и ошибочно отождествлял общину с ее позднейшей феодализованной формой, превращенной самодержавной властью в дополнительное средство выкачивания налогов.

Ошибкой Плеханова являлось определение русского самодержавия как разновидности восточного деспотизма. Плева-

новский тезис о России как «Китае в Европе» был не только необоснован исторически, но противоречил марксистской теории, ибо отрицал объективные закономерности в развитии России. Отсюда вытекало ошибочное представление Плеханова о русском самодержавии как надклассовой силе, опирающейся на «невежество и консерватизм русского крестьянства».

Сбросив со счета дворянство — основную классовую опору царизма, Плеханов отрицал революционные возможности русского крестьянства и считал, что только буржуазия и пролетариат угрожают самодержавию.

Крайне противоречиво оценил Плеханов деятельность Петра I и ее значение. Вопреки своим собственным утверждениям о создании основ крупной промышленности при Петре I, он писал об искусственности петровских реформ, о том, что Петр «лишь приделал европейские руки к азиатскому телу России».

Из ошибочного понимания генезиса крепостничества и классовой природы самодержавия вытекали неправильные оценки Плехановым реформы 1861 года и пореформенного развития России. Так, в одной из работ, посвященной Чернышевскому, он характеризовал реформу 1861 года как результат споров между царизмом и помещиками о праве присвоения прибавочного труда крестьян, считал ее чисто формальным актом, изменившим только государственный правовой порядок. Игнорируя социально-экономическое значение реформы во всей полноте, Плеханов недооценил силу и роль крепостнических пережитков в пореформенный период.

Конечно, отмечая все эти ошибки первого русского марксиста, мы не должны умалять того общего положительного вклада, который внес он в борьбу за внедрение материализма в русскую историческую науку.

Место Плеханова в русской историографии определяется тем, что он до начала деятельности В. И. Ленина первым в русской исторической науке подошел к изучению истории с материалистических позиций.

На основе теории исторического материализма Плеханов противопоставил идеалистической концепции «особого пути» развития России историко-материалистическую точку зрения о единстве всемирно-исторического процесса. Пропагандой марксизма, развитием теории исторического материализма, а также критикой субъективистских идеалистических концепций истории России он облегчил утверждение материалистического понимания истории в нашей стране и создание ленинской концепции русской истории.

Разумеется, подобные выводы необходимо согласовать с последующей эволюцией Плеханова в 1903—1918 гг., отмечая, что отход Плеханова от марксизма привел его исторические

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 358.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 233.

взгляды к постепенному перерождению в духе мелкобуржуазной историографии, а самого Плеханова к глубоко ошибочной оценке империализма, первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции.

Неправильно оценив эти важнейшие исторические события, Плеханов не мог создать цельной марксистской концепции русской истории. Только Владимир Ильич Ленин — величайший теоретик и практик революции — своими гениальными трудами открыл новый, высший этап в изучении русской и мировой истории.

В 90-е годы XIX века главными задачами российской социал-демократии были окончательный идейный разгром народничества и определение перспектив революционной борьбы рабочего класса. Решение этих насущных задач В. И. Ленин искал в «детальном и подробном изучении русской истории и действительности»¹.

Вся теоретическая работа русских марксистов, писал В. И. Ленин в 1894 г., должна «направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»².

Образцом такого исследования и были ленинские работы «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893), «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893), «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894), «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895), «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (1895), «К характеристике экономического романтизма» (1897), «Задачи русских социал-демократов» (1897), «От какого наследства мы отказываемся» (1897). Завершающей работой, в которой вскрывалась экономическая природа назревавшей буржуазно-демократической революции в России, явилось «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1896—1899).

Уже в этих работах В. И. Ленин дал последовательное марксистское освещение тех вопросов, которые неверно или односторонне решал Плеханов. Происхождение крепостного права, социальная природа русского самодержавия, грабительский характер реформы 1861 года, значение крепостнических пережитков в пореформенной экономике и многие другие вопросы русской истории впервые получили правильное научное решение.

Глубже и всестороннее, чем Плеханов, В. И. Ленин оценил роль революционных демократов и их передовой идеологии, значение революционного народничества 70-х годов и их ошибки в области социологии.

Творчески развивая прогрессивные идеи революционных демократов о решающей роли народных масс в истории, В. И. Ленин на основе глубокого анализа русской действительности пришел к важному выводу о революционной роли пролетариата и его союзника крестьянства.

В отличие от Плеханова Ленин в трактовке исторического развития России исходил из основных положений марксизма и последовательно распространял их на все важнейшие стороны русской истории.

Плеханов сумел осветить только отдельные вопросы марксистской теории и некоторые проблемы истории России.

В трудах В. И. Ленина получили дальнейшую научную разработку все основные вопросы марксистской теории и впервые были решены все коренные проблемы истории России на основе теории исторического материализма.

Социально-экономическое развитие России с древнейших времен, эволюция ее политического строя, ход классовой борьбы, история революционного движения получили подлинно научное объективное освещение.

В. И. Ленин подверг сокрушительной критике различные буржуазные концепции истории России, в том числе господствующую во второй половине XIX в. теорию «государственных начал», выдвинутую Кавелиным и Чичериным, концепцию внеклассового происхождения русского самодержавия, теорию «творческой экономической роли русского народного государства», которую поддерживали крупнейшие буржуазные историки Соловьев и Ключевский.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин назвал теорию внеклассового происхождения государства «детской» побасенкой, «которой учат гимназистов»¹. Считая, что авторы этой доктрины не имеют «ни малейшего представления о ходе... русской истории», В. И. Ленин писал: «История общественности — гласит

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 307.

² Там же.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

эта доктрина прописей — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества, затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство»¹.

Опровергая этот «ребяческий вздор», Ленин отмечал, что уже в средние века, в период Московского царства родовых связей не было и государство основывалось не на родовых союзах, а на местных. Помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и возникающие таким образом общины имели чисто территориальный характер.

Только с XVII в. началось фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое, причем процесс этого слияния был вызван не родовыми связями, не их продолжением и обобщением, а усилением обмена между областями, постепенно растущим товарным обращением, объединением небольших местных рынков в один всероссийский рынок.

А поскольку руководящая роль в этом процессе принадлежала купцам, то создание этих связей было ни чем иным, как созданием буржуазных связей, подрывающих в корне старые феодально-крепостнические отношения. Рост товарно-денежных отношений усиливал предпринимательские тенденции помещиков, разрушая замкнутость, автономность отдельных областей.

Рассматривая историю зарождения капиталистической промышленности, В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» показал, как возникающий и утверждающийся капитализм готовит себе гибель, разрушает ту общественно-экономическую формацию, в рамках которой он возник.

Развитие товарных отношений, рост населения и его перемещения разорвали родовые отношения, семейные связи и разрушили территориальную общину.

В пореформенной России этот процесс ускорился в связи с утверждением буржуазных отношений.

Учитывая уровень развития производительных сил, усиление классовой борьбы в стране и рабочего движения во всем мире, В. И. Ленин уже в конце XIX в. на основе всестороннего марксистского анализа русской истории пришел к выводу, что буржуазно-демократическая революция в России будет происходить в более прогрессивных условиях, чем это было в Западной Европе. Гегемоном русской революции, ее вождем будет не буржуазия, а пролетариат, его боевым союзником — крестьянство.

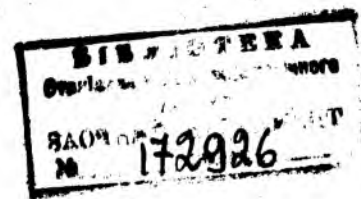
Отражая объективные закономерности исторического развития, ленинизм, возникший в нашей стране, знаменовал начало

новой главы в русской и мировой истории, а внедрение ленинской методологии в историческую науку открыло новую страницу в познании этой истории.

Начался ленинский этап в истории русской исторической науки, увенчавший длительный и сложный период борьбы материализма с идеализмом в историографии.

ЛИТЕРАТУРА

- В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 129—189.
- В. И. Ленин. Экономическое содержание и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 351—444.
- В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 5—9, 13—17, 553—602.
- Г. В. Плеханов. Наши разногласия. Соч., т. II, М., 1925, стр. 91—356.
- Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Соч., т. III, М.—Л., 1928, стр. 122—207.
- Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Соч., т. VII, М.—Л., 1925, стр. 57—281.
- Историография истории СССР, стр. 346—357.
- Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 259—291.
- Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России, М., 1959, стр. 138—271.
- М. И. Сидоров. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в., М., 1957.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Лекция 1. Основные особенности эпохи и развитие исторической науки 60—90-х годов XIX века	4
Лекция 2. Революционно-демократическое направление в пореформенный период	26
Лекция 3. Первый русский профессиональный историк-демократ А. П. Шапов	43
Лекция 4. Исторические взгляды Н. И. Костомарова	77
Лекция 5. Упадок дворянской историографии в эпоху промышленного капитализма	108
Лекция 6. Государственная школа в буржуазной историографии второй половины XIX века	127
Лекция 7. С. М. Соловьев после 1861 года	145
Лекция 8. В. О. Ключевский — выдающийся представитель буржуазной историографии пореформенного периода	170
Лекция 9. Народническая историография	203
Лекция 10. Возникновение марксистской исторической науки. История России в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса	228
Лекция 11. Г. В. Плеханов и начало марксистской историографии в России	246

Виктор Иванович Астахов
КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Часть вторая.

(Эпоха промышленного капитализма)

Редактор *З. Г. Ковалева.*
Техредактор *Г. П. Александрова.*
Обложка художника *С. Я. Гонтарь.*
Корректоры *Р. Е. Дорф, Л. И. Качанова.*

Сдано в набор 22/X 1962 г. Подписано к печати 10/XII 1962 г. БЦ 11945.
Формат 60×90^{1/16}. Объем: 8,5 бум. л., 17 физ. печ. л., 17 усл. печ. л.,
16,0 уч.-изд. л. Зак. 2993. Тираж 5000. Цена 42 коп.

Типография Издательства Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького.
Харьков, Университетская, 16.